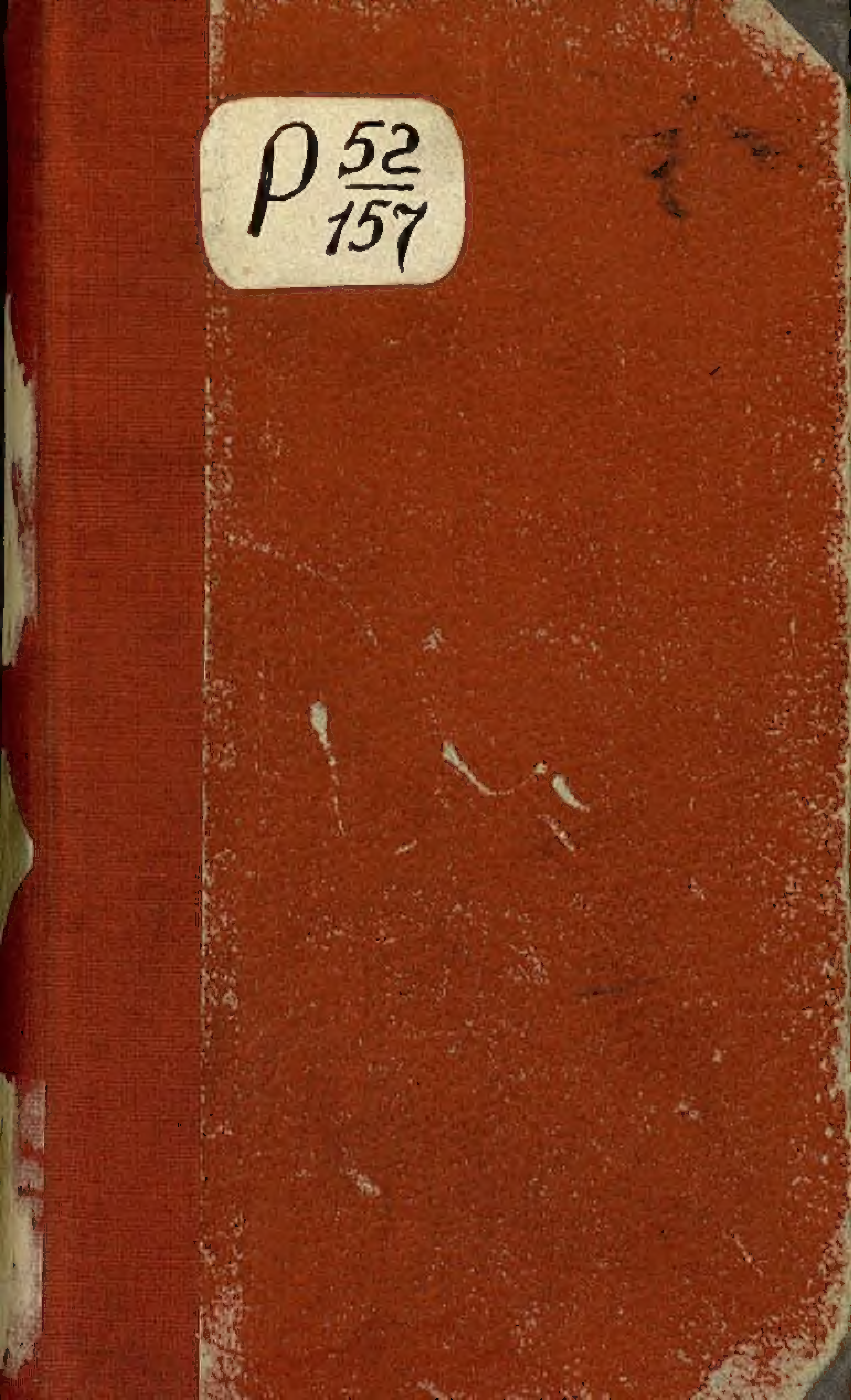

P 52/157

ЯКУТСКІЕ
Разсказы
Вацлава Сѣрошевскаго.
(Сирко)

С. Петербургъ.
1895 г.

Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.

Якутскіе Разсказы.

Вацлава Сѣрошевскаго

(Сирко).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 января 1895 г.

Типографія М. Меркушева. Невскій, 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Интересъ, который возбуждаетъ въ настоящее время Сибирь и особенно далекія ея окраины, побудилъ меня собрать въ одно эти разсказы, касающіеся Якутской Области и печатавшіеся разновременно въ польскихъ и русскихъ журналахъ. Въ концѣ я приложилъ три самыя законченныя изъ записанныхъ мною якутскихъ преданій, безъ всякаго измѣненія, какъ образцы разсказовъ о самихъ себѣ описуемыхъ мною людей.

Вацлавъ Сѣрошевскій.

Осень.

Дождь и слякоть длились безъ перерыва нѣсколько дней и держали дома обитателей юрты «Талака», обрекая ихъ на полную бездѣятельность. Часто выходили они изъ избы и долго и грустно смотрѣли на плачущее небо, вспоминая не сметанное въ стоги сѣно, которое теперь гнило на лугахъ.

Увы! Сѣрая сѣтка дождя охватывала всю окрестность, и низко клубились тяжелыя черныя тучи, среди которыхъ жадный глазъ напрасно искалъ малѣйшаго пятна лазури.

На бѣду ливень не довольствовался дырами въ крышѣ, оставшимися отъ прошлаго года, и надѣлалъ себѣ новыхъ; по всей избѣ лило на голову и на плечи, а

подъ ногами, на глиняномъ полу, образовалась глубокая и все возраставшая лужа.

Всевозможныя нечистоты: остатки пищи, отброски рыбы и дичи, навозъ телятъ— втоптанные въ землю и высохшіе за лѣто— отмокли и наполняли юрту невыносимой вонью. Въ ней было душно, сыро и холодно. Огонь камина грѣлъ какъ-то лѣниво, подавленный клубами синяго пара, носившагося по избѣ.

Изба была маленькая. Изъ окружающей ее пустыни она заняла небольше четырехъ квадратныхъ саженей; косыя стѣны, сложенныя изъ поставленныхъ вертикально и очищенныхъ отъ коры стволовъ лиственницы, еще больше уменьшили ея объемъ, съуживая ее кверху. Плоская, сдѣланная изъ такихъ бревенъ крыша, повисла такъ низко надъ головами обитателей, что одинъ изъ нихъ, дюжій парень Михайло, стоявшій у крошечнаго окошка, гдѣ онъ распутывалъ сѣти, доставалъ потолокъ своей курчавой головой.

Посреди юрты шла перегородка изъ тесаныхъ досокъ, раздѣляя ее на двѣ половины: правую — мужскую и лѣвую — женскую. У столба, которымъ заканчивалась

перегородка, лицомъ къ огню и охвативъ руками одно колѣно, сидѣлъ и курилъ трубку Кырса *), мой хозяинъ, уже не молодой, но здоровый еще якутъ, зажиточный и самостоятельный господинъ, владѣлецъ цѣлаго хозяйства, многихъ сѣтей, скотовъ, упряжи и трехъ женщинъ: одной жены и двухъ дочерей. Младшая была уже запродана, но проживала у отца, потому что плата за нее не была еще сполна внесена покупателемъ.

Въ юртѣ царило глубокое молчаніе, вещь довольно необычная въ мѣстѣ, гдѣ находилось нѣсколько якутовъ. Только въ каминѣ трещалъ и шипѣлъ огонь, да за перегородкой шуршали мятыя кожи въ рукахъ дѣвушекъ.

Я предчувствовалъ, что тишина эта не кончится добромъ и дѣйствительно, гроза разразилась скоро. Вызвалъ ее работникъ, прозванный «Тряпкой» за свою вялость и физическое убожество. Бродя изъ угла въ уголъ съ самаго утра, онъ опрокинулъ, наконецъ, ведро и разлилъ воду. Это переполнило чашу. Всѣ глаза засверкали, лица поблѣднѣли.

*) «Бѣлая лисица», прозвище.

Испуганный работникъ попытался свалить вину на Михайлу, который будто затерялъ нужный ремень. Михайло, въ отвѣтъ, припомнилъ прошлогоднія грабли. Завязалась ссора. Языки вращались съ быстротою мельничныхъ колесъ, выискивая обиды и неправды, а надъ всѣми голосами, подобно трубѣ Архангела, раздавались грозные окрики хозяина. Не замедлила и хозяйка выйти изъ своего угла и принять участіе въ общей ссорѣ, съ горячностью, свойственной женщинамъ *цѣлаго* свѣта. Въ юртѣ зашумѣло словно въ взбудораженномъ ульѣ: хозяинъ твердилъ свое, хозяйка перечила, работники ругались, дочери испускали военные окрики; разбуженный ребенокъ плакалъ въ зыбкѣ, а телята мычали, отвѣчая на протяжный громкій ревъ коровъ, которыхъ вечеръ пригналъ уже къ дверямъ юрты. Это послѣднее обстоятельство значительно повліяло на ослабленіе бури, вызвавъ изъ битвы женскій элементъ и, можетъ быть, окончательно прекратило-бы ее, если-бы хозяину не пришла въ голову счастливая мысль добавить еще что-то, въ то время, когда уже всѣ молчали.

Слово это вылетѣло неожиданно, какъ бомба, выпущенная по окончаніи битвы, и произвело такой страшный взрывъ, что коровы и телята умолкли, сильный вѣтеръ стихъ, тучи скрылись, а я увидѣлъ золотой лучъ солнца, который прокрался въ скважину пузыря въ окнѣ и внезапно появился въ нашей темной, грязной, крикливой конурѣ. Яркій и веселый онъ заигралъ блестящимъ колечкомъ на сѣдой, остриженной головѣ моего хозяина, передъ носомъ котораго, какъ разъ въ этотъ моментъ, торчалъ огромный кукишъ, сложенный изъ пальцевъ его супруги.

— Вотъ тебѣ!.. На!.. Съѣшь!..—кричала разгнѣванная, но все-таки прекрасная «Кюмысъ».

Фига все приближалась къ раскрытому рту несчастнаго.

Что произошло дальше? Отмстилъ-ли Кырса достойнымъ мущинѣ образомъ, зато наибольшее оскорбленіе, какое только можетъ нанести якутская женщина; или же и на этотъ разъ оказался «бабой своей бабы», мѣшкомъ, какъ его называли сосѣди, и не выбилъ зубовъ, не поломалъ реберъ этой энергичной женщинѣ, трудами которой онъ

жилъ и богатѣлъ? Не знаю. Предчувствуя неустойку моего пріятеля, у котораго любовь къ женѣ всегда брала верхъ надъ чувствомъ долга, и не желая быть свидѣтелемъ его пораженія, я схватилъ ружье и ушелъ изъ дому.

Вѣтеръ стихъ, разорвались тучи и, раздвинувшись, показали тамъ и сямъ клочки блѣдно-голубого неба. Солнце выглянуло вдругъ въ одно изъ такихъ оконъ и окрестность, за минуту до того тусклая и заплаканная прояснилась и заблестѣла золотымъ свѣтомъ. Она покрылась тономъ полуигривой, полугрустной радости; ея улыбка, ея осеннія тѣни, увядающія и пожелтѣлыя, дѣлали ее походжей на покинутую женщину, которой капризъ, уже остывшаго возлюбленнаго, еще разъ подарилъ минуту ласки и счастья. Капли дождя сверкали какъ бриллі-анты на почернѣвшихъ сучьяхъ деревьевъ и кустовъ; небо окрасилось пурпуромъ, а на колыхавшихся еще талинахъ дрожали жемчужины недавнихъ слезъ минувшей бури.

Передо мной, въ рамкѣ изъ раскинувшихся вѣтвей лѣса, между двумя обрывистыми мысами, блестѣла поверхность озера. Берега его становились все менѣе ясны,

и ниже, и туманнѣй, по мѣрѣ того, какъ отдалялись и уходили за край ближайшаго обрыва. Тонкія, высокія лиственницы, густой тальникъ, кусты и травы росли вокругъ озера. Издали растенія казались очень маленькими, но отчетливыми и черными, отъ освѣщавшихъ ихъ съ тыла лучей заходящаго солнца и вырисовывались на блѣдно-розовомъ небѣ чудными силуэтами вѣтокъ и листьевъ. Надъ ними повисли сѣрыя, тяжелыя, золотомъ и пурпуромъ пронизанныя облака, а внизу, между обрызганными пѣной берегами, играли, гоняясь другъ за другомъ, окрашенныя въ цвѣта неба волны озера.

Тропой, вьющейся средь пожелтѣвшихъ травъ, пошелъ я лугомъ къ одному изъ обрывовъ.

Какъ некрасиво и понуро выглядѣлъ вблизи «Шайтанъ ту-мулъ» *). Покатость, поросшая однообразнымъ грязно-зеленымъ мхомъ и листьями морошки, тянулась на западъ мягкими волнами, рѣдкій, тщедушный лѣсъ, растущій на ней, не украшалъ, а безобразилъ ее, торча здѣсь и тамъ го-

*) Лѣсъ дьявола.

лыми особняками, похожими на волоса, торчащіе на облысѣвшей головѣ. Тишина и мракъ надвигающейся осенней ночи покрыли уже подножье бора, и только коегдѣ вверху, на скривленной вѣтромъ верхушкѣ лиственницы, догоралъ забытый лучъ солнца.

Я постоялъ съ минуту, присматриваясь къ дикой мѣстности, куда въ эту пору не посмѣлъ-бы пуститься ни одинъ туземецъ. Глубокій покой царилъ въ ней: все тише шумѣли расколыхавшіяся волны, угасала заря, блеснувъ еще разъ сквозь рѣдкія заросли и освѣтивъ поверхность какихъ-то незнакомыхъ мнѣ водъ. Я пошолъ къ тѣмъ водамъ, гонимый тоской и любопытствомъ.

Дорога оказалась болѣе трудною, чѣмъ я ожидалъ; надо было ежеминутно прыгать и цѣпляться въ заросляхъ, обходить глубокіе узкіе родники, заваленные пнями деревьевъ, упавшихъ сотни лѣтъ тому назадъ, предательски скрывавшіеся подъ наросшими надъ ними мхами и травами, полные воды—ямы съ дномъ ледянымъ и склизкимъ. Здѣсь неосторожный путешественникъ могъ легко проломить себѣ затылокъ или сломать ногу.

Часто встрѣчались ручьи съ тинистымъ, неопредѣленнымъ русломъ, низкими вязкими берегами, заваленными пнями и сучьями.

Разбросанный по лѣсу валежникъ, съ торчащими вверхъ корнями, покрытыми землей и иломъ, представлялъ въ сумеркахъ, когда все принимаетъ неясныя формы — причудливыя, удивительныя фигуры. Бѣлыя пятна ягеля свѣтились въ темнотѣ у ногъ этихъ чудовищъ, точно обрывки распавшагося савана, и усиливали дикость ихъ образовъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что туземцамъ часто чудится, при свѣтѣ зари или при лунномъ сіяніи — блуждающая тѣнь высокаго «лѣсного чорта», или черный силуэтъ славянскаго стрѣлка «сятуна», пришедшаго съ полудня и вѣчно шатающагося вблизи якутскихъ юртъ, охотясь за ихъ скотомъ.

Горе тому околодку, гдѣ промелькнула его тѣнь: однимъ выстрѣломъ онъ убиваетъ по 50-ти, по 100 штукъ скота. Ужасно южное оружіе, особенно когда имъ владѣетъ дьяволъ.

Въ тотъ вечеръ, однако, я не встрѣтилъ ни одного изъ этихъ лѣсныхъ обитателей.

Не увидалъ я и «шайтана»—высохшаго трупа тунгуса. Когда-то ихъ часто здѣсь находили и отъ нихъ лѣсъ получилъ свое названіе. Сидѣли они обыкновенно гдѣ-нибудь подъ деревомъ или подъ обрывомъ, высохшіе, мелкіе, уродливые, глядя на востокъ орбитами выклеванныхъ птицами глазъ. На колѣняхъ они держали деревянный лукъ или винтовку, у ногъ ихъ лежалъ топоръ со сломаннымъ топорищемъ, а у пояса, отдѣланнаго серебромъ и бусами, висѣлъ въ ножнахъ тоже изломанный ножъ. Оружіе ломалось съ тою цѣлью, чтобы умершій не могъ вредить живымъ. Сбоку лежали разбросанныя кости оленей, упряжь и небольшія тунгузкія сани. Никто никогда не осмѣливается присвоить себѣ что-либо изъ этихъ, довольно цѣнныхъ здѣсь вещей. Дерзкому грозитъ страшная кара: цѣлые дни блуждаетъ онъ, пока не возвратится на то самое мѣсто и не отдастъ присвоенное. Упорно возвращается онъ десятки, даже сотни разъ и все не можетъ выйти изъ заколдованнаго круга, пока не возстановитъ права разгнѣваннаго обладателя и не ублажитъ его дарами. Небезопасно дотрогиваться даже до какой-ни-

будь вещи, принадлежащей умершему: это можетъ вызвать «пургу», мятель, по меньшей мѣрѣ сильный вѣтеръ. Хотя доброжелательные туземцы совѣтовали мнѣ избѣгать встрѣчи съ «шайтаномъ», такъ какъ онъ шутить не любитъ,—со страху можно умереть на мѣстѣ, но я очень жалѣлъ въ тотъ вечеръ, что не повидался съ нимъ. За такое грѣшное желаніе я получилъ впослѣдствіи суровый урокъ.

Сумракъ сгустился, послѣдніе отблески зари уже угасли, когда измученный и оборванный, выбрался я, наконецъ, изъ зарослей «Шайтанъ-тумула». На небѣ царила ночь, мерцая милліардами звѣздъ.

Выйдя на открытое мѣсто, я увидѣлъ, что попалъ не туда, куда намѣревался, а тутъ еще, какъ на зло, бѣлый туманъ, повисшій надъ долиной, падалъ непроницаемой завѣсой передъ моимъ любопытнымъ взоромъ. Я могъ любоваться только игрою луннаго сіянія.

Видъ былъ въ самомъ дѣлѣ прекрасный хотя нѣсколько дикій и суровый. Клубы бѣлаго пара наполняли почти всю долину до самыхъ краевъ лѣса, верхушки котораго выглядывали изъ-за прозрачнаго по-

крова черныя, голыя, неподвижныя. Надъ ними тихо скользила луна. На минуту она заглянула въ глубь долины, расторгла заслонявшую ее воздушную преграду и обнаживши грудь спящаго подъ ней озера, коснулась его своимъ серебристымъ поцѣлуемъ.

Долго стоялъ я, всматриваясь и вслушиваясь. Глубокая тишина, покой, всегда господствующіе въ здѣшнихъ лѣсахъ, сознаніе, что на десятки верстъ вокругъ нѣтъ никого, кромѣ меня, въ этой пустынѣ,—пробудили тревогу и тоску въ душѣ. Чтобы разсѣять ихъ, я двинулся дальше. Время было подумать о возвращеніи, но это была не легкая задача: продираясь сквозь Шайтанъ-тумулъ, я потерялъ всякое понятіе о направленіи, по которому долженъ былъ возвращаться.

Наконецъ, я напалъ на какую-то маленькую тропку и рѣшилъ идти по ней, надѣясь, что она доведетъ меня до жилья. Сдѣлавши нѣсколько шаговъ, я убѣдился, что шелъ не тропой, а однимъ изъ слѣдовъ, оставленныхъ водой или вытоптанныхъ звѣрями. Чтобы оріентироваться, надо было вернуться къ тому

мѣсту, гдѣ я передъ этимъ останавливался, такъ какъ только оттуда я могъ болѣе или менѣе опредѣлить дорогу черезъ лѣсъ на прямикъ,—но мѣсто это исчезло: ночь убрала его новыми тѣнями, мгла затянула его серебристой паутиной. Около часа ходилъ я, ища напрасно. Дѣйствительность исчезла, вмѣсто нея передо мной вставали фантастическіе лѣсные призраки.

Я зналъ людей, заблудившихся въ тайгѣ, которыхъ находили блѣдными, исхудалыми отъ страха предъ этими призраками, и возвращали ихъ домой полныхъ тревоги и безумія въ глазахъ! Несчастные блуждаютъ иной разъ вблизи своихъ домовъ, не видя ихъ, плачутъ и воютъ какъ звѣри, не будучи въ состояніи распознать странъ свѣта среди бѣлаго дня. По выздоровленіи, они утверждаютъ, что видѣли дьявола. Одна изъ причинъ такого состоянія, — это измученность вслѣдствіе вынужденной, напрасной, но напряженной ходьбы. Я сѣлъ на упавшее дерево, рѣшившись дождаться разсвѣта.

Вечеръ былъ холодный. Одежда моя была мокрая отъ тумана и дождя, притомъ она была слишкомъ легка для ночи

въ лѣсу; вскорѣ сильный холодъ сталъ донимать меня. Попробовалъ я было развести огонь, да оказалось, что спички отсырѣли; одна, наконецъ, загорѣлась, но не могла разжечь мокрый хворостъ. Тогда, нарвавши побольше травы, я прикрылъ ею ноги, которыя больше всего терпѣли отъ холода, осмотрѣлъ ружье, прикрылъ капсули и дуло сухими лыжами и, опершись о дерево, пробовалъ заснуть.

Въ такомъ положеніи всѣ чувства быстро тупѣютъ отъ боли. Слабѣетъ осязаніе, обоняніе, зрѣніе даже, одинъ только слухъ становится невѣроятно тонкимъ. Черезъ нѣсколько минутъ я уже слышалъ біеніе моего сердца, шумъ переливавшейся въ жилахъ крови, шопотъ деревьевъ и шелестъ клубившагося пара—мертвая лѣсная тишь наполнилась, вдругъ, говоромъ, вначалѣ едва уловимымъ, потомъ все больше и больше слышнымъ.

Вдругъ среди этихъ звуковъ моего воображенія, раздался вполнѣ реальный шумъ, который заставилъ меня открыть глаза. Онъ шелъ отъ середины озера и походилъ на правильные удары веселъ. Я устремилъ глаза въ то мѣсто, откуда слы-

шался звукъ. Изъ-подъ тумана виднѣлось что-то надъ водой. Еще минута, и изъ глубины тѣней вынырнула маленькая якутская «пирога» и выплыла на середину озера. Я увидѣлъ ясно гребца, какъ онъ сидѣлъ склонившись на днѣ лодки и мѣрно ударялъ то правой, то лѣвой лопаткой длиннаго весла, съ концовъ котораго струилась вода, точно расплавленное серебро.

Быстро приплылъ онъ къ берегу и вытащилъ лодку на землю.

Чтобы онъ не увидалъ меня прежде времени, я, прячась, поползъ къ нему, зная, что всякій необычный шумъ заставитъ его убѣжать.

Человѣкъ былъ занятъ, вытаскивая что-то со дна лодки.

— Разсказывай! —привѣтствовалъ я его по мѣстному обычаю, медленно выходя изъ кустовъ.

Онъ крикнулъ и отскочилъ, но не убѣжалъ, потому что скоро узналъ меня. Узналъ и я его; это былъ бѣдный якутъ, жившій въ пяти верстахъ отъ меня.

— Ничего не знаю! Ничего не слыхалъ! Все ладно! Охъ, какъ-же ты меня

испугалъ! проговорилъ онъ поспѣшно и протянулъ мнѣ руку.

— Что-же ты подумалъ?

— Чего не случается встрѣчать человѣку ночью, въ лѣсу! отвѣтилъ онъ уклончиво и подозрительно осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ. — Иной разъ думаешь— человѣкъ знакомый, и говоришь съ нимъ. какъ со знакомымъ, а наконецъ окажется, что вовсе и не человѣкъ!!

— Что ты дѣлаешь здѣсь такъ поздно?

— Домой возвращаюсь! Завтра вѣдь праздникъ! А тоня моя далеко, на Вавилонѣ *), верстъ тридцать будетъ. Самъ знаешь, люди мы бѣдные, живемъ рыбой... коней нѣтъ; все больше на лодкѣ, да на лодкѣ! Тянувши ее черезъ лѣсъ ушибъ себѣ ногу и замѣшкался.

— Ушибъ ногу? А сильно?

— Сильно, едва остановилъ кровь.

— Это ты свисталъ и кричалъ? спросилъ я, припоминая удивительные звуки, слышанные мною въ лѣсу.

— Я? Нѣтъ!—Якутъ замолчалъ и я ви-

*) Вавилонъ—огромное озеро, въ сѣверо-западной части Калымскаго округа.

дѣлъ, какъ, наклонившись надъ лодкой, онъ перекрестился.

— А ты, что тутъ дѣлаешь? спросилъ онъ меня, въ свою очередь.

Я смутился, не зная, что отвѣтить. Мнѣ не хотѣлось пугать его непонятной безцѣльностью прогулки.

— Ищу утокъ! солгалъ я.

— Утокъ? разсмѣялся онъ весело и бѣлые зубы его заблестѣли въ темнотѣ точно жемчугъ.—Утокъ здѣсь никогда не бываетъ.

— Не бываетъ? Почему-же? спросилъ я, помогая ему тащить лодку черезъ лѣсъ, къ слѣдующему озеру. Рыбакъ хромалъ.

— Озера бываютъ разныя, объяснялъ онъ. — Ихъ такъ-же много, какъ много звѣздъ на небѣ. Я думаю, что и звѣзды— это только отблескъ озеръ на тучахъ!.. Разныя бываютъ озера, какъ разныя бываютъ звѣзды... Большія, малыя, глубокія— что дна не достанешь... и мелкія опять, и болотистыя. Въ однихъ рыба жирная, въ другихъ худая; въ однихъ вода вредная— скотъ отъ нея сдыхаетъ, человѣкъ хвораетъ; въ другихъ бываетъ чистая, какъ воздухъ.

У ближайшаго озера мы остановились, спустили лодку и усѣлись въ нее: рыбакъ спереди, я сзади. Обернувшись спиною одинъ къ другому и слегка опираясь, плыли мы подобно двулицему богу, у котораго одна голова была бородатая, европейская; другая—плоская, голая, монгольская.

Монгольская голова продолжала свой разсказъ:

— Все изъ воды... И корова жила въ водѣ, пока человѣкъ не поймалъ ее и не присвоилъ... Въ водѣ, какъ и въ воздухѣ, живутъ всякія животныя, даже люди. Да вотъ, смотри! и онъ указалъ весломъ на расколыханныя ходомъ лодки водоросли.— Развѣ это не лѣсъ?

Да, это былъ лѣсъ,—черный, таинственный, извѣстный только рыбамъ да утопленникамъ. Ни одинъ пловецъ не выберется изъ его чащи, разъ попадетъ въ него.

— Старики говорятъ, что раньше все было иначе, продолжалъ якутъ.—Все было хорошо, потому что воды было много... и соболи сами приходили къ юртамъ, и рыбы было такъ много, что стоило только пустить стрѣлу въ озеро, чтобы она вы-

плыла, унизанная добычей; а теперь ничего нѣтъ. Соболи ушли, рыбы стало мало; только купцы, отцы наши, спасаютъ насъ; безъ нихъ пропали-бы совсѣмъ... даютъ деньги на подати, даютъ чай, табакъ, ситцы. Да! купцы!.. хотѣлъ-бы я быть купцомъ!

Лодка стукнула о берегъ. Снова потянули мы ее до слѣдующаго озера, и все такъ дальше... Лѣтомъ это единственный способъ передвиженія въ томъ краѣ озеръ, болотъ и поросшихъ лѣсомъ трясинъ.

Больше часа прошло въ такомъ путешествіи, когда узкой, заросшей ситникомъ рѣчкой прибыли мы, наконецъ, къ послѣднему озеру. Вдали, на его берегу, носились красныя звѣздочки искръ, вылетавшихъ изъ трубы юрты.

— Зайдешь къ Хахаку? спросилъ меня мой товарищъ, когда мы причалили къ берегу.—Я у него заночую.

Я взялъ часть вещей рыбака и пошолъ съ нимъ къ юртѣ.

Хахака я зналъ давно. Это былъ чудакъ, который своими выходками часто смѣшилъ, а иногда и раздражалъ сосѣдей.

— Хахакъ оніоръ *) пошилъ себѣ шапку изъ цѣлаго волка! разсказывали мнѣ со смѣхомъ.—Хахакъ оніоръ заплатилъ всего по два рубля за кирпичь чаю; по три, говоритъ, слишкомъ много барыша будетъ.

— Что-жь, купцы? Дали?

— Э-э!.. старуха потихоньку доплатила. Развѣ не знаешь Хахака? не возьметъ по три... пить не будетъ, а не возьметъ.

Въ молодости Хахакъ слылъ за лучшаго охотника во всемъ округѣ. О его отвагѣ, хладнокровіи и ловкости разсказываютъ чудеса. Всякому промыслу онъ предпочиталъ охоту на медвѣдя; ходилъ на него съ рогатиной и винтовкой, нападая на врага то въ открытомъ полѣ, то въ берлогѣ. Эти поединки онъ любилъ такъ-же страстно, какъ и карты. Какъ только прослышитъ онъ про медвѣдя, такъ спать не можетъ; мучится, сердится и мечется, пока не вырвется изъ дому, не выслѣдитъ и не убьетъ звѣря.

Не разъ случалось, что промышленники откроютъ гнѣздо съ нѣсколькими звѣрями

*) Оніоръ—значитъ старый, но здѣсь, на сѣверѣ, употребляется въ смыслѣ человѣка зрѣлаго, женатаго, домохозяина.

и пригласятъ Хахака, а онъ, горя нетерпѣніемъ, не можетъ дождаться утра и убѣжитъ до зари одинъ на конѣ, съ вѣрной собакой, къ указанному мѣсту. Здѣсь, обыкновенно, его находили блѣднымъ, обрызганнымъ кровью, окруженнымъ трупами валяющихся «лѣсныхъ князей». Товарищамъ его ничего не оставалось, какъ съѣсть по куску сердца и печени убитыхъ, выпить по чашкѣ крови и громко воскликнуть три раза побѣдоносное «ухъ!».

Послѣ этого всѣ глаза обращались на Хахака, который, будто равнодушный, но на самомъ дѣлѣ взволнованный и гордый, стоялъ, наклонивъ чело, окруженное ореоломъ славы богатыря. Вѣдь это онъ убилъ медвѣдя «съ хвостомъ», который, какъ извѣстно, былъ чортъ, а не медвѣдь. А развѣ не онъ убилъ воинственнаго «шатуна»*), который преслѣдовалъ людей, похищалъ скотъ и котораго не брала ни пуля, ни рогатина?

Самъ Хахакъ никогда не хвалился, никогда не говорилъ о своихъ подвигахъ, всегда былъ скроменъ и молчаливъ, какъ прилично человѣку, который о многомъ знаетъ гораздо больше другихъ. Однако,

*) Медвѣдь, который не легъ на зиму въ берлогу.

вслѣдствіе несчастія, которое недавно случилось съ нимъ на охотѣ, онъ совсѣмъ измѣнился. Пересталъ охотиться и играть въ карты, обѣднѣлъ, облѣнился и сталъ чудной: счастье и почетъ покинули его.

Юрта его стояла недалеко отъ берега, скоро мы подошли къ ней. Внутри пылалъ веселый огонекъ и слышны были голоса разговаривавшихъ. Семья еще не спала. Я подошелъ къ двери и заглянулъ въ щель. Передъ огнемъ, обращенный лицомъ въ мою сторону, сидѣлъ Хахакъ и держалъ сѣть, но не вязалъ ее, а, вытянувъ впередъ руку, говорилъ что-то собравшимся около него слушателямъ. У ногъ его возился маленькій нагой ребенокъ, играя мѣдной оправой ножа, висѣвшаго въ деревянныхъ ножнахъ, пришитыхъ къ кожанымъ штанамъ разсказчика, повыше голени правой ноги.

Хахакъ былъ очень оживленъ, ежеминутно обращался къ слушателямъ и сильно стучалъ пяткой по глиняному полу.

— Они брезгаютъ ѣсть конину, а ѣдятъ свинину! говорилъ онъ.—Конь самое умное и чистое животное!

— О, такъ! подтвердили слушатели.

— Свинья! Видѣлъ я ее! Отвратительная! Шерсть на ней не растетъ: она голая, грязная, глупая и злая! Уши огромныя, хвостъ тонкій и вьется какъ змѣя, глаза маленькіе, а зубы какъ у пса. И сердитая-же!.. Былъ это я въ Якутскѣ и вотъ мнѣ случилось... чуть-чуть не съѣли меня... Тамъ ихъ много. Вышелъ я на крыльцо покурить трубку, всѣ еще спали, только что заря занялась. Во дворѣ шатались и хрюкали свиньи. Я, молодой, любилъ пошутить. Собрались это онѣ вокругъ меня—я и покажи имъ кукишъ. Какъ набросились онѣ на меня! Я на крыльцо—онѣ за мной, я на лавку и онѣ туда-же! Окружили меня, хрюкаютъ, а я имъ все кукишъ, да кукишъ показываю! На, на, на! — Онъ плюнулъ въ кулакъ и выставилъ его впередъ.

Вдругъ скрыпнула дверь. Женщины вскрикнули, парни вскочили съ полу, дѣти заплакали. Кто-бы это могъ быть? Можетъ быть «нуча», а за нучей свинья! Хахакъ замолчалъ и спряталъ кулакъ.

Какъ всегда въ якутскихъ юртахъ, входная дверь находилась позади камелька, единственнаго свѣта по вечерамъ. Про-

шло около минуты напряженной тревоги и ожиданія, прежде чѣмъ я показался изъ темноты. Такъ и есть, это былъ «нуча», добрый знакомый, пріятель и вдобавокъ безъ свиньи. Всѣ лица прояснились; мнѣ протягивали руки, сердечно привѣтствуя какъ и всякаго гостя въ здѣшнихъ мѣстахъ. Хахакъ смѣялся, уступая мнѣ мѣсто передъ огнемъ, на лавкѣ и приказалъ кипятить чайникъ.

— Разсказывай, что и какъ? спрашивали хозяева.

Я сталъ разсказывать мѣстныя новости и всѣ слушали со вниманіемъ, хотя, какъ оказалось, давно уже знали ихъ. Вошолъ товарищъ моего ночного странствованія и бесѣда стала общей. Мужчины собрались вокругъ стола, на которомъ жена Хахака приготовила намъ ужинъ: свѣжее масло, сору, и цѣлую гору сушеной рыбы, «юкалы». Только Хахакъ стоялъ у огня и грѣлъ спину, не вмѣшиваясь въ разговоръ. Его молоденькая, хорошенькая дочка поставила на столъ пару бѣлыхъ фаянсовыхъ чашекъ съ блюдечками и началось обычное якутское угощеніе: чай съ молокомъ, холодная закуска, а на ужинъ ва-

реная рыба. Хотя радушно предложенное угощенье было очень вкусно, а мы были голодны, все-таки мы не могли съѣсть всего, что было подано.

— Не ѣсть? Сыть? Что это за мода ходить сытымъ въ гости? Вы, русскіе, у людей ѣдите какъ птицы, а вернетесь домой—кричите: жена, самоваръ! ставь котелъ на огонь! Я голоденъ!—Не хорошо такъ.

Разговаривали сначала о разныхъ краяхъ и обычаяхъ, но скоро перешли къ жгучимъ вопросамъ дня.

— Что-жъ Андрей? Плачетъ? Нѣтъ и слѣда парня?..

— Нѣтъ!

— Ничего не нашли?

— Ничего!.. Всѣ сосѣди ходили искать... и въ озерахъ искали, и въ лѣсу... всю недѣлю искали... нѣтъ ничего!..

— Ээ!.. Навѣрное медвѣдь! Говорятъ, появился въ долинѣ, Кехергесъ видѣлъ его!—сказалъ мой рыбакъ.

При словѣ «медвѣдь», Хахакъ, молчаливо стоявшій передъ огнемъ и игравшій своими пальцами, вдругъ поднялъ голову. Всѣ стихли и невольно посмотрѣли въ его сто-

рону. Старуха жена встревожилась и старалась перемѣнить разговоръ.

— Медвѣдь! Навѣрное,—тихо началъ Хахакъ. Не нашли ни тѣла, ни одежды! «Онъ» всегда зарываетъ въ землю остатки добычи, даже кровь соскребаетъ. «Онъ», навѣрное «онъ»! Ты говоришь: Кехергесъ видѣлъ его?—переспросилъ онъ рыбака.

— Вретъ!.. неохотно отвѣтилъ этотъ.

— О! «Онъ» хитеръ и мстителенъ! Долго помнитъ обиду! Должно быть Андрей чѣмъ-нибудь досадилъ ему, хвалился, разсказывалъ что-нибудь, вотъ «онъ» и отнялъ у него парня. Какъ-бы далеко онъ ни жилъ: въ горахъ-ли, въ бору-ли—слышитъ и понимаетъ все, что мы здѣсь говоримъ; какъ человѣкъ, даже лучше человѣка. Кто знаетъ—кто «онъ» такое?! Сдерите съ него шкуру и увидите, какъ онъ похожъ на женщину. А какой онъ мстительный и свирѣпый — это я знаю! добавилъ Хахакъ и опустилъ голову.

— Не проститъ!—Ты вотъ, русскій, собираешься уходить! обратился онъ ко мнѣ,—берегись, спасайся! Медвѣдь хоть и большой звѣрь, а умѣетъ такъ тихо подкрасться, когда захочетъ неожиданно напасть на че-

ловѣка, что никакъ не замѣтишь, промелькнетъ точно тѣнь. Съ нимъ нельзя шутить. Когда-то и я не боялся его, а теперь—на вотъ, посмотри! и онъ отвернулъ рукавъ своей рубашки.

Я и прежде замѣчалъ, что онъ плохо владѣетъ лѣвой рукой, но увидя ее—ужаснулся: осталась только кость, обтянутая кожею, испещренной множествомъ шрамовъ, да нѣсколько уцѣлѣвшихъ жилъ, рѣзко выступавшихъ вокругъ кости.

— Много я убилъ ихъ... много! продолжалъ хозяинъ, и знаю, что за это они съѣдятъ меня... съѣдятъ... боюсь, а съѣдятъ... Случилось это со мной вотъ какъ: поставилъ я самострѣлъ на звѣря и Богъ далъ мнѣ лося... большого! Время было позднѣе теперешняго и морозъ былъ... Везти далеко, дорога худая, а мяса, шкуры и всѣхъ потроховъ звѣря хватитъ на семь, восемь лошадей, я и порѣшилъ построить тамъ кладовую и сложить въ нее всю добычу до зимней дороги. Рано мы вышли съ парнемъ на работу; парень маленько отсталъ, а я иду себѣ спокойно впередъ по дорогѣ. Прошелъ и кустъ, что тутъ недалеко на горѣ ростетъ, какъ вдругъ выскочилъ «онъ»

и какъ собака бросился на меня. Не успѣлъ я опомниться—онъ стоитъ уже на заднихъ лапахъ! Я за ножъ, не тутъ-то было! примерзъ ножъ къ ножнамъ, забылъ его вытереть послѣ пищи. Видно Богъ допустилъ!.. Свалилъ меня «чорный» на землю. Вижу не одолѣть мнѣ его. Сжалъ ему правой рукой горло, лѣвую всунулъ ему въ пасть, а самъ кричу парню, чтобы бѣжалъ за народомъ. Глупый парень подскочилъ да бацъ ножомъ въ медвѣдя! а ножикъ у него былъ вотъ какой, — онъ указалъ на палецъ.—Тятя, съѣстъ! кричитъ. «Чорный» испугался, рявкнулъ и ускакалъ въ лѣсъ. Парень угодилъ ножомъ мнѣ прямо въ грудь, убилъ-бы, пожалуй, да оленью одежду не могъ пробить. Едва, потомъ, меня оживили. И вотъ! съ того часу какъ сидѣлъ «онъ» на мнѣ и смотрѣлъ мнѣ въ глаза, помутилося у меня на душѣ. Сталъ бояться, остерегаюсь теперь, добавилъ онъ тихо.

Я попрощался съ хозяевами и пошолъ домой. Мѣсяцъ свѣтилъ, туманъ исчезъ, передо мной едва замѣтно вилась знакомая тропинка. Тысячу разъ проходилъ я по ней безъ всякой тревоги и ни разу злая мысль не западала мнѣ въ го-

лову; но теперь, когда я подходилъ къ мѣсту, гдѣ Хахакъ встрѣтилъ медвѣдя, я невольно взялся за ручку ножа и съ минуту мнѣ казалось, что въ тѣни зарослей я вижу морду звѣря, лежащую на протянутыхъ впередъ лапахъ.

Спустя два года, услышалъ я, что Хахакъ безслѣдно исчезъ въ тайгѣ. Мстительные «князья лѣса» покончили съ нимъ.

Украденный парень.

I. Свадьба.

— Кончила! — сказала Аня откусывая нитку.

Аня была мастерица. Она умѣла быстро находить соотвѣтственное мѣсто для пуговицы, складки, серебрянаго или мѣднаго украшенія — вещей незначительныхъ, но украшающихъ или безобразящихъ всякую одежду, смотря по тому, какъ онѣ пришиты, значитъ: требующихъ особеннаго вниманія и вкуса.

Аня умѣла также лучше всѣхъ плести «кымны» [1]), уложить въ пестрый рисунокъ темные и свѣтлые куски мѣха, соединить

[1]) Бичъ, играющій роль въ свадебныхъ обрядахъ.

разноцвѣтные обрѣзки ситцевъ и матерій въ прелестный «ойу» [1]), безъ котораго «билѐ» [2])—не билѐ, чепракъ—не чепракъ, свадебная «матахà» [3])—простая переметная сума.

Потому-то ее ласково приглашали и привѣтствовали всюду, гдѣ-бы ни происходила свадьба. Аню поили, кормили, угощали и даже извиняли ея постоянную болтовню, недостатокъ степенности, любовь къ веселью и забавамъ, частое непослушаніе и небрежное отношеніе къ старшимъ.

Какъ только Аня появлялась въ домъ—среди молодежи тотчасъ воцарялось веселье. Цѣлый день слышны были пѣсни и шутки, а вечеромъ, на дворѣ, до поздней ночи раздавались смѣхъ и крики, топотъ убѣгающихъ и догоняющихъ ногъ, шумъ молодежи, играющей въ жмурки [4]). Въ хо-

---

[1]) Рисунокъ.

[2]) Вышивка на верхнемъ краю голенища сапога.

[3]) Дорожный мѣшокъ на коня, тоже часть свадебнаго убора.

[4]) Парень и дѣвушка ловятъ другъ друга и поймавный цѣлуетъ поймавшаго. Забавляются такъ вечеромъ.

лодномъ воздухѣ далеко разносился отголосокъ веселыхъ крпковъ и горячихъ поцѣлуевъ. Старшіе, скрѣпя сердце, терпѣли все это, но въ душѣ радовались, когда работа Ани приходила къ концу и съ удаленіемъ ея водворялся въ домѣ обычный порядокъ.

Каждый день Аня раньше всѣхъ на ногахъ. Чуть свѣтъ она разведетъ огонь, разбудитъ дѣвушекъ и принимается за работу; цѣлый день она проводитъ въ шитьѣ и разговорахъ и ничего ей тогда не надо, кромѣ добраго слова и немного пищи. Ласково даютъ ей то и другое, добавляя за трудъ ничтожный подарокъ. А что она веселится и цѣлуется — кому до этого дѣло! Она свободна, она «не продана человѣку», и продавать-то ее некому.

Отецъ у нея умеръ, старшаго брата нѣтъ, а слѣпая мать съ маленькими дѣтьми померла-бы съ голода, если-бы не Аня. Аню всѣ любятъ, хотя и запрещаютъ дочерямъ своимъ идти по ея слѣдамъ. Ей 22 года, у нея смѣлые живые глаза, бѣлые зубы, стройная фигура, маленькія руки и ноги, округлыя плечи, крѣпкій, гибкій станъ, свѣжія румяныя губы; не удиви-

тельно, что многіе признавались ей, что любятъ ее.

Аня сидѣла подъ окномъ на лавкѣ, въ юртѣ старика Тараса, своего дальняго родственника. Она пріѣхала сюда издалека, больше чѣмъ за сто верстъ, помогать шить приданное старшей его дочери.

— Нужно примѣрить, сказала она, бросая на руки вокругъ стоящихъ женщинъ богатый тарабаханій «сагынякъ» [1]). Позвали Бычу [2]), которая, быстро сбросивъ свой обыкновенный домашній костюмъ изъ коровьей кожи, надѣла свадебный нарядъ. Тарбаханъ—прекрасный звѣрекъ. Правда, мѣхъ его немного дòрогъ, но за то какъ блеститъ его шелковистый волосъ, какъ чудесно отливаетъ на сгибахъ и темнѣетъ, почти чернѣетъ, въ складкахъ и углубленіяхъ. Почувствовавъ на себѣ красивый нарядъ, Бычà зарумянилась. Блѣдная отъ трехдневнаго поста, смуглая, худенькая и маленькая, она внезапно выросла и похорошѣла. Она повернулась кругомъ, чтобы всѣ смотрѣвшіе могли еще лучше огля-

[1]) Женская одежда, сшитая изъ мѣха шерстью вверхъ.

[2]) Прозвище.

дѣть ее, и крикнула сердито на крошечнаго брата, который попробовалъ гладить красивый мѣхъ своими ручками, вынутыми изъ миски съ сорой [1]).

— Не тронь меня! не тронь!

— Не тронь ее! закричали всѣ хоромъ, улыбаясь и качая головами. Мать поправляла на дочери складки и, отстраняя окружающихъ, ежеминутно подавалась шага два назадъ, щурила глаза и, склонивъ голову, озабоченно всматривалась. Даже Тарасъ приблизился съ трубкой въ зубахъ, широко улыбаясь. Только женихъ, не шевелясь, сидѣлъ на лавкѣ около двери и безучастно глядѣлъ на огонь.

— Колода неотесанная!.. Пень лѣсной!.. Поди-же сюда! Посмотри! закричала Аня со смѣхомъ.

Молодой парень повернулъ къ ней свое пухлое лицо, сразу покрывшееся румянцемъ. На губахъ его появилась робкая улыбка. По мѣрѣ того какъ онъ становился предметомъ общаго вниманія — румянецъ его щекъ темнѣлъ, а улыбка все шире растягивала алыя губы, едва не касавшіяся красныхъ торчащихъ ушей.

---

[1]) Кислое молоко.

— Ну... ну... оставьте его въ покоѣ, сказалъ Тарасъ, вытряхивая трубку. — Оставьте его, пусть сидитъ.

— Зачѣмъ ему покой? Развѣ онъ его хочетъ? продолжала смѣяться Аня.—Посмотрѣли-бы, какъ онъ меня поподчивалъ вчера, когда я его случайно толкнула! Не три дня, а цѣлый годъ слѣдовало-бы ему поститься передъ свадьбой, авось остепенился-бы!

— Ну, ну! повторялъ Тарасъ — пусть сидитъ!.. Кехергесъ—кликнулъ онъ, обращаясь къ парню,—иди—посмотри лошадей. Ну, живо! Здѣсь дѣвки, пожалуй, съѣдятъ тебя...

Парень вскочилъ, схватилъ шапку и среди общаго смѣха выскользнулъ за двери.

Утромъ, какъ только померкли звѣзды и начало свѣтать, женихъ и невѣста съ отцомъ выѣхали въ городъ, размѣстившись верхомъ на двухъ лошадяхъ. Впереди ѣхалъ Тарасъ, за нимъ Кехергесъ съ Бычей позади себя.

— Что... ты не боишься? спросила Быча, прижавшись къ его широкимъ плечамъ.

Ѣхали среди горъ, долиной. Густая мгла покрывала лѣсъ, росшій на склонахъ. Кру-

гомъ стояла тишина, какъ всегда въ тайгѣ; только снѣгъ хрустѣлъ подъ копытами лошадей. Кони сильно фыркали. Между деревьями, неподвижно стоявшими точно бѣлые призраки, вилась засыпанная снѣгомъ лѣсная дорожка.

Кехергесъ, уткнувши губы въ черные волосы своего бѣличьяго ошейника, молчалъ и болталъ безпечно ногами. Онъ еще никогда въ жизни не бывалъ въ городѣ, но зналъ, что имъ предстоитъ длинный путь. Миновали лѣсъ, выѣхали на рѣку, спустились въ ея русло, занесенное снѣгомъ, и вновь поднялись на утесъ. На югѣ блѣдно загоралась заря. Мгла рѣдѣла и спадала, открывая болѣе высокія мѣста. Сначала выглянули крутые горные хребты, вершины соснъ, увѣнчанныхъ снѣжной короной, далекія равнины озеръ, волнообразные пригорки, озаряемые румянымъ утромъ. Все бѣлое, прозрачное, хрустальное, подернутое остатками исчезавшаго тумана, казалось нетерпѣливо ожидало появленія солнца, которое вотъ, - вотъ зажжетъ на всемъ радужные цвѣта.

— Не отставайте далеко отъ меня? закричалъ Тарасъ. Городъ уже близко. Ви-

дите? спросилъ онъ, указывая въ глубь долины. Женихъ и невѣста напрасно напрягали взоры, въ указанномъ направленіи, они не видѣли ничего, кромѣ снѣга, мглы и верхушекъ лѣса. Только на мгновеніе блеснуло гдѣ-то далеко, точно падающая звѣздочка, зажглась и погасла.

— Огонь, отецъ! что-ли? спросила Бычà.

— Нѣтъ, то золотая кровля на церкви. Увидите, все увидите; только не отставайте далеко отъ меня, не то заблудитесь. Тамъ домовъ и людей какъ комаровъ въ лѣсу. Да смотрите, чтобъ у васъ чего не стянули и не потеряйте чего-нибудь... Что упало, то пропало... Это вѣдь не у насъ дома!—ворчалъ старикъ, спустившись съ коня и очищая его отъ снѣга желѣзнымъ гребнемъ, привязаннымъ къ рукояткѣ бича.

Женихъ и невѣста также слѣзли съ коня и начали отрясать, побѣлѣвшую отъ инея, одежду.

— Ты боишься? снова спросила Бычà Кехергеса, когда онъ двинулся дальше.

— Какъ не буду бояться! угрюмо отвѣтилъ якутъ.

На лицахъ обоихъ выступилъ горячій румянецъ, ихъ губы немного дрожали. За

всякимъ снѣжнымъ утесомъ, за каждымъ холмикомъ они ждали какого-нибудь поразительнаго явленія.

Когда, наконецъ, изъ-за лѣса вынырнулъ городъ, и они увидѣли разбросанные въ прозрачной синевѣ всѣ его тридцать домовъ, когда, на бѣломъ фонѣ окрестности, рельефнѣе обрисовывались незнакомые дотолѣ имъ виды и необычныя остроконечныя кровли русскихъ строеній—изумленные они широко раскрыли глаза. Съ дѣтскимъ любопытствомъ всматривались они въ этотъ чуждый имъ видъ необыкновеннаго множества домовъ и народу. Солнце взошло. Заискрились снѣга на домахъ; побѣлѣли туманы: засверкали стекла въ домикахъ богатыхъ, тускло засвѣтились льды въ окнахъ бѣдняковъ. Нѣсколько человѣкъ равнодушно обогнало ѣдущихъ.

Въѣхавши въ городъ, Кехергесъ окончательно растерялся. Онъ забылъ, что Бычà сидитъ съ нимъ, сталъ вертѣться на сѣдлѣ, оглядываться во всѣ стороны и ежеминутно дѣлалъ громко замѣчанія.

— Фуй! Здѣсь, видно, что ни человѣкъ, то начальникъ округа, говорилъ онъ, снимая шапку передъ каждымъ прохожимъ

въ европейскомъ костюмѣ. Къ счастью, ихъ было немного, а то бѣднякъ, навѣрное, отморозилъ-бы себѣ уши. Наконецъ, въѣхали въ средину города и очутились передъ церковью. Высоко, въ хрустальномъ зимнемъ воздухѣ, пронизанномъ солнечными лучами, пересыпанномъ брилліантами снѣжной пыли, какъ въ огнѣ горѣлъ позолоченный крестъ.

Кахергесъ быстро стянулъ поводья и въ восторгѣ закричалъ во все горло:

— Тарасъ! Тарасъ! Тамъ должно быть самъ попъ сидитъ такъ близко къ Богу!

Но раньше чѣмъ старикъ оглянулся и успѣлъ отвѣтить, верховая лошадь Кехергеса, испуганная его крикомъ и не менѣе своего хозяина пораженная всѣмъ видѣннымъ, поднялась на дыбы и отпрянула въ сторону. Поясъ Кехергеса выскочилъ изъ рукъ Бычи и она упала въ снѣгъ. За ней покатился ея женихъ, а лошадь, поднявши хвостъ, помчалась въ поле. Насилу поймалъ ее Тарасъ. Старый якутъ сильно разсердился, прикрикнулъ на оправдывающагося парня и приказалъ ему молчать.

Кехергесъ притихъ и насупился.

Впрочемъ, Тарасу некогда было обра-

щать на него много вниманія. Скоро нашелъ онъ свидѣтелей и сватью, жену своего старшаго брата, нарочно пріѣхавшую для этого въ городъ. Всѣ вмѣстѣ пошли къ попу. Попъ записалъ что слѣдуетъ въ книгу и велѣлъ завтра придти въ церковь. Якутъ началъ упрашивать повѣнчать сегодня, священникъ долго не соглашался, но выведенный изъ терпѣнья настойчивостью Якута, позвалъ дьячка и всѣхъ ихъ отправилъ въ церковь, обѣщая придти вслѣдъ за ними.

Свадебный кортежъ тронулся впередъ. Первымъ шелъ Тарасъ, за нимъ сватья, затѣмъ Бычà и, наконецъ, послѣднимъ, наперекоръ обычаю, Кехергесъ, который забылъ уже объ утреннемъ приключеніи и, разинувъ ротъ, глазѣлъ по сторонамъ. Когда вошли, церковь была полна солнечнаго блеска и пыли, поднятой подметающимъ полъ сторожемъ. Съ приходомъ священника начался обрядъ. Въ то время, какъ дьячекъ выставлялъ на средину церкви аналой, Тарасъ старательно разстилалъ передъ нимъ ручникъ, а сватья расплетала тонкія косы невѣсты; потомъ вѣнчающихся пригласили стать передъ аналоемъ.

Быча̀ нѣсколько ободрилась и подвинулась впередъ, а Кехергесъ, чувствуя на ногахъ снѣгъ, который позабылъ отрясти при входѣ, ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ наступить на край полотенца. Ему и такъ казалось, что онъ стоитъ черезъ-чуръ на виду, черезъ-чуръ близко къ алтарю, блистающему какъ жаръ, въ потокахъ свѣта, проникающаго извнѣ черезъ большія, доходящія до пола окна; онъ чувствовалъ себя слишкомъ далеко отъ тѣхъ мрачныхъ угловъ, гдѣ всегда ютятся бѣдняки.

Отражаясь отъ золота и серебра, преломляясь въ хрустальныхъ украшеніяхъ люстръ, лучи солнца разбивались на тончайшія нити всѣхъ цвѣтовъ радуги, а одежды святыхъ на образахъ отливали тысячью красокъ. На эти горящія огнемъ ризы кадильный дымъ набрасывалъ сѣрую кисею своихъ клубовъ. Блѣдно горѣло въ нихъ пламя свѣчей и лампадъ, только строгое лицо отправлявшаго обрядъ священника ясно вырисовывалось передъ глазами парня. Кехергесъ трепеталъ подъ его суровымъ взглядомъ. Чего онъ хотѣлъ отъ него? Правда, вѣнецъ не совсѣмъ хорошо сидѣлъ на его остриженной головѣ, но развѣ онъ

виноватъ въ томъ? Вѣдь такъ на него надѣли.

Наконецъ, онъ не выдержалъ и, заложивъ назадъ руку, сталъ шевелить многозначительно пальцами передъ самымъ носомъ Тараса, но тотъ, погруженный въ молитву, не замѣчалъ этихъ сигналовъ отчаянія. Часто склоняя голову внизъ, онъ билъ себя въ грудь и горячо просилъ Бога, могучаго русскаго Бога, о счастьи дочери. Сердце стараго якута сильно билось, глаза заволоклись слезами, не удивительно, что онъ не замѣчалъ безпокойства парня. Не замѣчалъ и того, что криво держалъ свою свѣчу, сильно отекавшую, къ большому огорченію церковнаго сторожа, въ пользу котораго шли огарки.

Только сватья, чаще бывавшая въ церкви, да Бычà, по ея примѣру, держались благопристойно и мѣрно взмахивая рукою, осѣняли себя крестомъ и клали поклоны.

— Господи... Господи... Господи!.. загудѣлъ дьячекъ, любуясь своимъ басомъ, отъ котораго дрожали стекла и, слегка побрякивая, колыхались подвѣски паникадилъ.

Между тѣмъ, Кехергесъ задыхался отъ волненія. Вѣнецъ у него сдвинулся на самый лобъ.

— Свѣчка! крикнулъ наконецъ сторожъ, выведенный изъ терпѣнія, и рванулъ Тараса за рукавъ. Тарасъ очнулся. Въ эту же минуту вѣнецъ упалъ съ головы Кехергеса и со звономъ покатился подъ ноги священника. Парень поблѣднѣлъ, какъ то полотенце, на которомъ стоялъ. Дьячекъ поднялъ вѣнецъ и надѣлъ на голову шута, причемъ непримѣтно, но сильно рванулъ его за ухо.

— Господи... Господи!.. вновь загудѣло во храмѣ, а въ головѣ бѣднаго Кехергеса опять закружилось и зашумѣло. Къ довершенію всего, снѣгъ на его обуви началъ таять и вода потекла въ томъ же направленіи, въ какомъ недавно катился вѣнецъ.

Женихъ опустилъ глаза, въ его головѣ окончательно все помутилось. Что будетъ, если запачкается богатая одежда священника?

— Поцѣлуйтесь!.. раздалось въ его ушахъ.

Быча̀ толкнула жениха и подставила ему свои губы. Слава Богу, все кончилось! Поцѣловавшись, молодой утеръ свой носъ и поспѣшилъ спрятаться въ темный уголъ; новобрачной заплели косу и всѣ, одинъ за другимъ, осторожно вышли изъ церкви.

— Ишь, накапалъ!.. ворчалъ сторожъ, соскребая съ полу капли воску. — Ему что? — транжиритъ изъ чужого кармана... Эхъ, народъ! народъ! и качая головой, и звеня ключами поспѣшилъ за выходящими.

И опять стало въ церкви пусто и тихо; только лучи солнца все такъ-же горѣли на позолотѣ и хрусталѣ, да висячіе подсвѣчники, сотрясенные во время обряда, тихо колыхались на своихъ позолоченныхъ цѣпяхъ.

Тарасъ размякъ и расчувствовался.

— Кончилось! повторялъ онъ, глядя на дѣтей влажными глазами.

Но что-то не всѣ веселы? Безпокойство и смущеніе не оставили Кехергеса, Тарасъ видѣлъ это. Чтобы успокоить и приласкать парня, старикъ подозвалъ его къ себѣ, далъ ему денегъ и велѣлъ идти въ кабакъ за водкой.

— Торопись-же и нагоняй насъ... уѣдемъ сейчасъ!.. Боченокъ возьми у цѣловальника, скажи, что отъ меня пришолъ; онъ мнѣ пріятель.

Въ кабакѣ было людно, шумно и, по обыкновенію, темно. На грубой кабацкой стойкѣ хоть и горѣла свѣча, но кривой

подсвѣчникъ, въ которомъ она стояла и ея нагорѣвшій фитиль ясно свидѣтельствовали о равнодушіи посѣтителей къ свѣту. Не заботился о немъ и стоявшій тутъ-же якутъ, съ вялымъ сухощавымъ лицомъ. Этотъ, съ виду безучастный человѣкъ, видѣлъ все, не глядя, и, не слушая, слышалъ все что творилось въ его заведеніи.

Впрочемъ, свѣтло было настолько, что онъ могъ слѣдить за стоявшими передъ нимъ чашками и, всегда готовый наполнить ихъ, не пропускалъ удобнаго случая налить въ нихъ воды вмѣсто водки.

Несчастная сальная свѣчка трещала и шипѣла, тщетно воюя съ клубами табачнаго дыма и съ парами человѣческаго дыханія, окружавшими толпу.

Вспыхивающее пламя освѣщало временами лица гостей и чорныя, мѣстами покрытыя инеемъ и плѣсенью стѣны избы: потомъ снова все покрывалось сумракомъ. Здѣсь всегда было душно, пахло водкой и оленьими шкурами, изъ которыхъ состояла одежда большинства посѣтителей.

Кехергесъ подошелъ къ цѣловальнику и передалъ порученіе Тараса. Кабатчикъ кивнулъ головой въ знакъ согласія, крикнулъ

на помощника, чтобы тотъ смотрѣлъ, а самъ, наклонясь подъ прилавокъ, сталъ цѣдить изъ стоявшаго тамъ бочепка требуемую водку.

Кехергесъ пытливо разглядывалъ окружающихъ.

Какой-то тунгусъ, подвижной, сухощавый, неувѣренно подпрыгивая на тонкихъ ногахъ, разсказывалъ о замѣчательныхъ подвигахъ своего отца, объ его охотничьихъ приключеніяхъ, о «неразмѣнномъ» фунтѣ пороха, служившемъ ему 10 лѣтъ.

— Разъ случилось ему, говорилъ тунгусъ,—убить изъ винтовки одиимъ выстрѣломъ и одной пулей—лося, медвѣдя, который подкарауливалъ этого лося, случайно набѣжавшую лисицу, 14 оленей, которые тутъ-же паслись, гуся сидѣвшаго на горѣ надъ озеромъ... Ей-же Богу... утку, плывшую по этому озеру... ей-же Богу... пуля попала въ щуку, тамъ я ее и нашолъ... Хочешь: продамъ!

— Озеро на косогорѣ? Отецъ выслѣдилъ, а ты поймалъ?—Врешь, паре! вставилъ кто-то.

— Какъ не бываетъ!.. закричали многіе; больше всѣхъ, конечно, кричалъ тунгусъ.

Каждый не прочь былъ самъ разсказать исторію почище этой. Поднялся шумъ. Тунгусъ доказывалъ, что онъ оскорбленъ и что всѣ присутствующіе обязаны поставить ему бутылку водки, а если этого не сдѣлаютъ, то онъ, «шальной Пронька», выбьетъ кому нибудь зубы. Всѣ признали его правымъ, тѣмъ не менѣе никто не спѣшилъ удовлетворить его требованіе. Видя это, онъ пріумолкъ, но, немного погодя, снова заговорилъ, вынимая изъ ноженъ узкій и тонкій, какъ шило, ножъ.

— Вотъ ножъ моего отца! Не разъ онъ убивалъ имъ звѣря, быстрѣй чѣмъ бы вы успѣли проглотить кусокъ мяса. Я самъ какъ-то всадилъ его въ бокъ бѣжавшаго лося, и ножъ этотъ втянулъ меня въ самое брюхо звѣря. Я верстъ десять тащился, держась за его внутренности. Не думаю, чтобы въ цѣломъ свѣтѣ нашлась лучшая сталь. Смотрите! И взявъ ножъ за кончикъ лезвія, тунгусъ любезно протянулъ черенокъ слушателямъ.

— Сидѣлъ онъ и въ человѣческомъ мясѣ, небрежно добавилъ онъ.—Интересное оружіе переходило изъ рукъ въ руки. Когда оно вернулось къ своему владѣльцу, этотъ,

размахивая сверкающимъ остріемъ ножа, поклялся, что не продастъ его ни за какія деньги, а развѣ подаритъ милому другу, который поставитъ ему штофъ водки. Цѣловальникъ предложилъ полштофа, но тунгусъ, окинувъ собраніе пьянымъ взоромъ, замѣтилъ Кехергеса, стоявшаго съ открытымъ ртомъ и боченкомъ подъ мышкой, и вскричалъ, обращаясь къ нему:

— Возьми!.. говорятъ тебѣ!

Съ непривычной ему ловкостью, парень выскочилъ за дверь.

Солнце зашло, начинало смеркаться. Кехергесъ быстро зашагалъ въ ту сторону, гдѣ, какъ ему казалось, онъ долженъ былъ найти Тараса. Онъ, конечно, не нашелъ его и остановился посреди засыпанной снѣгомъ впадины, гдѣ лѣтомъ стояло озерко и гдѣ зимой перекрещивались тропинки городка. Съ тревогой оглядывалъ онъ разбросанные кругомъ дома и направился къ одному изъ нихъ. Робость овладѣла имъ, онъ боязливо отворилъ дверь и вошелъ въ просторную избу, гдѣ въ камелькѣ пылалъ яркій огонь. Комната была пуста, только самоваръ, стоявшій въ углу на лавкѣ, свистѣлъ и шумѣлъ. Кехергесъ кашлянулъ,

немного подождалъ, наконецъ рѣшился подойти къ перегородкѣ, въ скважины которой видны были мелькающія тѣни, слышны громкіе разговоры, смѣхъ и звуки музыки. Немного пріободрясь, онъ потянулъ дверь и просунулъ голову.

— Разъ! завопилъ козакъ, сидѣвшій противъ двери съ гармоникой въ рукахъ.

Танцующіе остановились и оглянулись.

Кахергесъ подался назадъ, но черезъ минуту опять просунулъ голову.

— Два! —Голова снова исчезла.

— Здѣсь остановился... началъ было парень.

— Три! перебилъ казакъ, и видя, что якутъ на этотъ разъ не прячетъ головы, крикнулъ: Давай деньги! Три рубля! Ты думаешь даромъ совать голову въ чужія двери?..

— Откуда я ихъ возьму?.. отвѣтилъ Кахергесъ и глупо улыбнулся.

— А, обманываешь! Хорошо! Ребята, берите его!

Развеселившаяся молодежь засвистала, захохотала, затопала ногами. Якутъ однимъ прыжкомъ очутился за дверями и пустился бѣжать. Не слыша за собой погони онъ остановился.

— Съ дороги! Прочь! кто-то крикнулъ, наѣзжая на него санями. Парень отскочилъ въ сторону и побрелъ по поясъ въ снѣгу, пока не увидѣлъ передъ собою церковь. Онъ присѣлъ на дорогѣ и сталъ разсматривать слѣды: не угадаетъ-ли, куда направились тѣ, что были съ нимъ здѣсь такъ недавно?

Но измятая меожествомъ старыхъ и новыхъ слѣдовъ, — земля не отвѣтила ему. Дикарь вздохнулъ и поднялся угрюмый, вспоминая свою родную дѣвственную тайгу, гдѣ каждая сломанная вѣтка, каждый сорванный листочекъ или помятая травка подробно повѣдали-бы ему имя и напраленіе путника.

Наступила ночь. Кругомъ смутно чернѣли силуэты домовъ, изъ низкихъ трубъ вырывалось пламя горѣвшихъ очаговъ, красныя окна блестѣли точно волчьи глаза. Якутъ ходилъ вокругъ домовъ, боясь заглянуть въ нихъ и дрожалъ отъ холода, голода и тревоги. Наконецъ онъ рѣшилъ искать тотъ дворъ гдѣ были привязаны ихъ кони... Но, блуждая по задворкамъ, среди кустовъ и ямъ, онъ вмѣсто лошадей набрелъ на двухъ дѣвушекъ, которыя со

смѣхомъ убѣжали отъ него, не обращая вниманія на его просьбы и распросы. Изъ избы вышелъ кто-то и посмотрѣлъ въ его сторону. Парень окончательно смутился, опять побрелъ на улицу и прислонившись къ забору сталъ ожидать въ уныломъ раздумьи.

— Авось милосердный Богъ пошлетъ какого-нибудь добраго человѣка!

Долго онъ ждалъ, какъ вдругъ услышалъ шаги. Кто-то шелъ, весело напѣвая и размахивая руками. Якутъ вышелъ изъ засады.

— Гдѣ здѣсь живетъ Чойонъ? спросилъ онъ несмѣло прохожаго.

— А зачѣмъ тебѣ его?

— У него Тарасъ, онъ навѣрное еще ждетъ меня.

— Какой Тарасъ?

— Тарасъ! Кангаласъ человѣкъ!

— А!.. Что держишь подъ мышкой?

— Водку.

— Водку! живо произнесъ незнакомецъ и немного подумалъ.—Ладно, иди, я тебя провожу.

Была масляница, веселились и въ казачьей. Ванька сидѣлъ на Сенькѣ и лѣвой

рукой билъ его по лицу, въ то время какъ Сенька крѣпко сжималъ зубами два пальца правой руки Ваньки. Толстый Данилко, скрестивъ на груди руки и опустивъ голову, глубокомысленно смотрѣлъ на нихъ, повторяя: «дерутся»! Васька, гдѣ-то въ темномъ углу, пиликалъ на скрипкѣ, а костлявый Михалко, заломивъ шапку на бекрень, носился по срединѣ избы, отплясывая соло «голубца». Гдѣ-то, въ глубинѣ, кто-то съ кѣмъ-то возился.

— Ребята! крикнулъ Алешка Трегубый, вторгаясь въ казачью.—Я нашелъ человѣка, который не знаетъ, что ему дѣлать съ водкой.

— Ха, ха, ха! Мы его научимъ!.. Давай его сюда! Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? кричали всѣ, обступивъ Алешку.

— Вотъ онъ! заревѣлъ со смѣхомъ Алешка и втолкнулъ Кехергеса впередъ. — А вотъ и она! добавилъ онъ, поднимая вверхъ боченокъ.

— Его жена! вмѣшался Михалко.

— Разопьемъ, что-ли? Разумѣется! Развѣ оставимъ?..

— Ахъ вы! морскія свиньи! крикнулъ Алешка, вырывая изъ рукъ Васьки чай-

ную чашку. — Первый, по человѣчеству долженъ пить хозяинъ. Онъ налилъ полную чашку и поднесъ ее Кехергесу.

— Пей!

— Водка Тараса... не смѣло проговорилъ парень.

— Пей, не то силой вольемъ въ горло.

Парень замялся, потомъ взялъ чашку и выпилъ ее до дна.

— Браво! Молодецъ! Ай-да! Ай-да! Урра-а-а! закричали казаки.

Заскрипѣла дверь, вбѣжалъ еще кто-то. Крики и смѣхъ усилились, пока не слились въ одинъ непрерывный хоръ веселья. Услыхавъ это, Мишка, стоявшій на караулѣ, не могъ вытерпѣть и, поставивъ вмѣсто себя кожухъ, набитый соломой, самъ вбѣжалъ въ избу.

— Гуляй, братцы! Гуляй! привѣтствовали его казаки. — Богъ далъ цѣлую четверть водки!

Ярче вспыхнуло пламя очага, громче заиграла скрипка, изъ темныхъ угловъ показались смѣющіяся пьяныя лица; засвистали, захлопали, закружились, и вокругъ остолбенѣвшаго Кехергеса образовался хороводъ красныхъ рубахъ, оленьихъ шкуръ,

тугусскихъ шапокъ. Охваченный водоворотомъ бѣшенаго танца, якутъ развязалъ ремни своего кафтана, развернулъ полы и самъ пустился въ плясь.

Поздно ночью нашелъ его Тарасъ спящаго въ сугробѣ снѣга. Рядомъ валялся пустой боченокъ. Съ помощью Бычи онъ посадилъ парня на коня и повезъ домой.

II. Идиллія.

На другой день, проснувшись утромъ, Кехергесъ не смѣлъ взглянуть на людей. Онъ усѣлся въ уголъ возлѣ двери и молча смотрѣлъ на камелекъ, довольный, что никто не трогаетъ его, никто не обращаетъ на него вниманія.

— Ну, разскажи, Пенёкъ, какъ это ты шатался по городу? пробовала посмѣяться Аня, но на лицѣ парня выразилась такая мука, что Аня пожалѣла его и оставила въ покоѣ.

Къ довершенію горя, Бычà захворала; съ утра у нее только голова болѣла. а къ

вечеру съ ней приключился «менерикъ» [1]), она начала кричать и метаться. Никто тутъ не былъ виноватъ и ужъ, конечно, меньше всѣхъ Кехергесъ, а просто вчера забыли бросить въ огонь масла и жиру и души усопшихъ родственниковъ молодой явились напомнить объ этомъ.

Парень сидѣлъ, какъ убитый, съ каждымъ крикомъ жены лицо его болѣзненно подергивалось, а влажные глаза выражали столько горя и мольбы, что старый Тарасъ сжалился и сказалъ:

— Ты, парень, лучше поѣзжай-ка завтра домой.

Такое рѣшеніе, очевидно, обрадовало его. Въ тотъ-же вечеръ онъ осмотрѣлъ узду, сѣдло и ремни—дѣла было не мало, вѣдь онъ долженъ завезти по дорогѣ Аню.

Еще чуть свѣтало, когда они верхомъ спѣшили на сѣверъ, по вьющейся среди лѣса дорогѣ.

Кехергесъ, которому хотѣлось какъ можно скорѣе уйти отсюда, поѣхалъ по степямъ и лѣсамъ кратчайшей дорогой, не-

[1]) Нервная болѣзнь, распространенная среди якутовъ. Страдающіе ею кричатъ и мечутся.

удобной, мало посѣщаемой. Онъ ошибся въ разсчетѣ.

Кто изъ парней не остался-бы охотно наединѣ возможно долго съ такой дѣвушкой, какъ Аня, въ лѣсу, среди молчаливыхъ лиственницъ. Глаза ея такъ игриво блестѣли, губы часто и весело смѣялись, голосъ раздавался какъ серебристый колокольчикъ и такъ хорошо волновалъ сердце собесѣдника; при всемъ этомъ, гдѣ найдешь дѣвушку, съ которой было-бы такъ мало хлопотъ, какъ съ Аней? На ночь она помогала ему разгребать яму въ снѣгу, разсѣдлывала коня и отпускала его въ степь. Съ нею Кехергесъ скоро забылъ, что ему нужно было спѣшить домой и все чаще и дольше засматривался на черные глаза своей спутницы. Она не стыдилась и не боялась страстныхъ взглядовъ парня; встрѣчала ихъ то смѣло и чистосердечно, то выжидающе опускала ресницы, бѣлѣвшія отъ осѣвшаго на нихъ инея. Хорошо имъ было ночью, вдвоемъ около огня. Они знали, что никого съ ними нѣтъ, кромѣ лѣса. Надъ ихъ головами висѣли обсыпанныя снѣгомъ вѣтви—точно выросшія изъ темноты. Когда Аня запѣвала пѣсню, тихая

тайга, очнувшись, то смѣялась, то грустно плакала. Въ такія минуты Кехергесъ забывалъ объ отцѣ, о домѣ, о всемъ Божьемъ мірѣ и, очарованный, сидѣлъ неподвижно, пока дѣвушка не скажетъ:

— Ну, Пенёкъ, раздѣвайся, пора спать.

Хорошо имъ было лежать на мягкой медвѣжьей шкурѣ, прижавшись, слушая шопотъ [1]) блиставшихъ на небѣ звѣздъ и взоромъ слѣдить за переливающимися на небѣ волнами сполоховъ [2]), легкими, неуловимыми какъ тѣни, прелестными, непостоянными, какъ сама любовь.

Не удивительно послѣ этого, что своей кратчайшей дорогой Кехергесъ ѣхалъ дольше, чѣмъ если-бы онъ ѣхалъ дальнимъ путемъ, и что, наконецъ, онъ принужденъ былъ почать то стегно мяса, которое Тарасъ послалъ въ подарокъ его отцу.

— Поживи у меня нѣсколько дней, говорила Аня парню, принимая его въ своей юртѣ.—Поживешь? упрашивала—заглядывая ему въ лицо.—Время худое, конь отдохнетъ.

---

[1]) Во время сильныхъ морозовъ слышенъ почами въ здѣшнихъ пустыняхъ мягкій шорохъ. Якуты приписываютъ его звѣздамъ.

[2]) Сѣверное сіяніе.

Кехергесъ молчалъ и думалъ о съѣденномъ мясѣ, но остался, такъ какъ радъ былъ оттянуть день расправы.

По цѣлымъ днямъ лежалъ онъ растянувшись и слушалъ жалобы старой Матрены на судьбу, или баловался съ дѣтьми, пока и это не надоѣдало ему.

Цѣлыми днями Ани не бывало дома, она возвращалась только вечеромъ, встрѣчаемая громкими возгласами ребятъ и веселымъ лаемъ собакъ.

Никогда не возвращалась она съ пустыми руками; то корзину съ рыбой несла она, то зайца, то десятокъ куропатокъ, и лучшій кусокъ всегда отдавала Кехергесу.

— Ахъ, Пенёкъ, Пенёкъ! хоть-бы ты дровъ нарубилъ для камина, говорила она шутливо.

Кехергесъ почесывалъ подбородокъ, отвѣчая неяснымъ бормотаньемъ, но время проводилъ попрежнему: лежа на лавкѣ въ ожиданіи вечера и возвращенія Ани.

Дѣвушка приносила съ собой веселье, шутки и пѣсни; а когда всѣ укладывались спать — поцѣлуи и ласки, въ тѣни развѣшанныхъ сѣтей, на постели изъ мягкихъ шкуръ. Когда имъ становилось душно въ

тѣсной юртѣ, они убѣгали далеко въ поле, въ лѣсъ, прячась отъ крикливой толпы ребятъ.

— Утони! утони, Пенёкъ! говорила Аня, толкая его въ снѣжный сугробъ,—тогда ужъ навѣрное отецъ тебя выпоретъ.

Парень вырывался и пускался въ погоню за нею; проворная, ловкая дѣвушка измучитъ его прежде чѣмъ дастъ поцѣловать себя въ горячія губы.

Жизнь текла какъ сонъ, но и на ея ясномъ горизонтѣ Богъ допустилъ показаться тучкѣ. Не смотря на всѣ условія для безмятежнаго счастья, тревога зашевелилась въ сердцѣ парня.

Подъ наплывомъ ея, онъ однажды побѣжалъ далеко въ степь, гдѣ паслась его лошадь. Онъ попробовалъ схватить ее, но конь не узналъ своего хозяина и, поднявъ хвостъ, исчезъ вдали.

— Эхъ, навѣрное отецъ побьётъ!.. сказалъ Якутъ, смотря во слѣдъ коню и почесывая подбородокъ.

Вечеромъ онъ передалъ Анѣ свои опасенія, но вмѣсто сочувствія вызвалъ такую бурю, что смущенный замолчалъ.

— Поѣзжай, поѣзжай! пускай тебя опять везутъ въ городъ. Знай только что теперь

ужъ не вѣнецъ, а цѣлую бочку надѣнутъ тебѣ на голову! и она окинула его испытующимъ, безпокойнымъ взглядомъ.

Долго не рѣшался Кехергесъ возобновить этотъ разговоръ.

Между тѣмъ туча надвигалась и росла.

— Что могутъ увезти въ городъ, это вѣрно; откликнулся онъ долго спустя, прерывая наконецъ, обычное молчанье за ужиномъ.—Но чтобы могли мнѣ поставить бочку на голову, это ты врёшь! прибавилъ онъ, глядя на возлюбленную.

— Такъ ты хочешь ѣхать? прошептала она.

Кахергесъ ничего не отвѣтилъ, но на другой-же день принялся розыскивать узду. Искалъ онъ ее и на третій, и на четвертый день; искалъ одинъ и при помощи Ани—напрасно!

Пораженный внезапной мыслью, онъ побѣжалъ за дѣвушкой.

— Аня, отдай узду, отдай сейчасъ!

Но дѣвушка уже сидѣла на саняхъ и кричала на собакъ, а умныя, послушныя животныя уносили ее съ быстротою вѣтра.

Кахергесу показалось, что она оглянулась и засмѣялась надъ нимъ.

Тогда онъ перестал говорить объ отъѣздѣ, но въ одно утро, оставивъ спавшую на постели дѣвушку, тайкомъ прокрался въ кладовую и взялъ спрятанную тамъ узду и положилъ къ себѣ въ шапку. Когда Аня уѣхала, онъ собрался пойти ловить коня, но увы, вмѣсто желѣза и ремней нашелъ въ шапкѣ только горсть рыбьей чешуи. Парень совсѣмъ разсердился и хотѣлъ уѣхать въ тотъ же вечеръ.

Долго просила его Аня, глядя ему въ глаза и обнимая его, прежде чѣмъ онъ согласился остаться еще на одинъ день.

— Богъ съ тобой, поѣзжай! говорила она,—я знаю что ты ужъ не вернешься.

Парень смягчился и остался еще на одинъ день, потомъ на другой, на третій и такъ, незамѣтно, пролетѣлъ цѣлый десятокъ дней. Наконецъ, до нихъ дошли слухи, что ищутъ безъ вѣсти пропавшаго парня, лѣтъ 23-хъ, высокаго, широкоплечаго, изъ улуса Кангаласъ, рода Есе, прозвищемъ Кехергесъ. Если-бы громъ грянулъ надъ головами шалуновъ, онъ не поразилъ-бы ихъ сильнѣе этой вѣсти. Парень надулся, палъ духомъ, но не трогался съ мѣста; послѣдняя возможность оправдаться исчезла

для него—онъ уже не могъ солгать отцу, что все это время жилъ у Тараса. Онъ молчалъ и только со страхомъ посматривалъ на дверь; нѣсколько разъ ему казалось, что онъ слышитъ какой-то грозный шорохъ.

Разъ вечеромъ, когда всѣ они сидѣли вмѣстѣ, дверь широко распахнулась и нѣсколько человѣкъ вошло въ юрту.

Кехергесъ вскочилъ и остановился какъ вкопанный.

— Тятя, это она! съ отчаяньемъ воскликнулъ онъ,—она спрятала мою уздечку!

Аня выступила немного впередъ.

— Ну, ну! Хорошо! сперва обогрѣюсь, заговорилъ коренастый съ просѣдью якутъ, развязалъ ремени платья и подошелъ къ огню.

— И какъ тебѣ не стыдно! обратился Тарасъ къ Аннѣ.—Если-бы твой отецъ былъ живъ, онъ бы тебя...

— Безпутная! Безпутная! крикнулъ отецъ Кехергеса.

Дѣвушка поблѣднѣла и выпрямилась.

— Не ругайтесь! гордо сказала она.—Не кормили вы меня и не одѣвали. Не господа вы мнѣ и не князья... а что сдѣ-

лалъ-бы со мною отецъ, о томъ нечего говорить. Ты, Тарасъ, хоть и родственникъ мнѣ и старикъ, чего хочешь отъ меня? Что худого я ему сдѣлала? Вѣдь онъ не маленькій!.. хотя вы и богаты—не боюсь я васъ...

— Мы разскажемъ попу твои продѣлки, онъ тебя научитъ.

— Говорите! отвѣтила дѣвушка и презрительно взглянула на гостей.—А ты, Кехергесъ... обратилась она было къ парню, но пораженная—замолчала. Его уже не было.

Въ тотъ же моментъ стукнула дверь, за камелькомъ захрустѣли придавленныя дрова и кто-то оттуда неловко выскочилъ на дворъ.

— Лови! закричали гости и бросились догонять. Тарасъ взялъ узду и одежду Кехергеса.

Опустивъ голову, Аня съ минуту стояла передъ огнемъ, прислушиваясь къ долетавшему со двора крику. Когда голоса стихли и раздался топотъ удалявшихся лошадей, она съ отчаяньемъ крикнула, ломая руки:

— Мама, отняли Печёка, отняли!

Хайлакъ [1].

Приближалось лѣто, стало тепло, и мѣховая шапка Хабджія уже была совершенно лишней. Его жена — Керемесъ — сшила ему шапку изъ лоскутковъ сукна, которые случайно попали въ ея шкатулку. Хабджій никогда въ жизни не носилъ такой шапки; въ жару онъ обыкновенно повязывалъ лобъ платкомъ. Поэтому неудивительно, что, почувствовавъ ее на своей круглой, гладко выстриженной головѣ, онъ долго оглядывалъ себя передъ осколкомъ зеркала, строя соотвѣтственныя этому украшенію мины.

---

[1]) Такъ называютъ якуты уголовныхъ ссыльныхъ; прозвище это оскорбительно и значитъ то же, что «острожникъ».

— Настоящій русскій!—вымолвилъ онъ, наконецъ, торжественно обращаясь къ стоящей тутъ же женѣ, а его бронзовое, плоское лицо засіяло отъ искренней, добродушной улыбки.

— Ну, иди, иди,—говорила Керемесъ, слегка ударяя его ладонью по широкой спинѣ. За это «настоящій русскій» обнялъ ее и, понюхавъ сначала по-якутски ея щеку, поцѣловалъ ее затѣмъ по-русски въ губы; притомъ оба разсмѣялись во все горло.

— Когда же ты, наконецъ, пойдешь?—кокетливо защищалась женщина, толкая мужа къ дверямъ.

Хабджій вздохнулъ, сдѣлался вдругъ серьезенъ, схватилъ приготовленныя уже рукавицы и «махалку» изъ волосъ отъ комаровъ, небрежно трижды перекрестился и сталъ уходить.

— Смотри, долго не мѣшкай! Если застанешь князя, такъ принеси подарки!—просила Керемесъ, провожая его до воротъ.

Хабджій кивнулъ головой.

Она еще долго стояла на дворѣ, смотря вслѣдъ удаляющемуся мужу, а когда онъ,

наконецъ, исчезъ за поворотомъ тропинки, она вздохнула и, тихо затянувъ пѣсенку, медленно вернулась въ юрту. Она не любила оставаться одна. Тишина пустого дома казалась ей невыносимой. Поэтому ей взгрустнулось, она замолкла, небрежно собирая разбросанные на лавкѣ лоскутки, нитки и другую мелочь.

«Какая тоска! Хоть бы Богъ ужъ скорѣе ребенка-то послалъ! Какъ она будетъ его лелѣять и любить, покрывать поцѣлуями. А вдругъ умру...» мелькнуло внезапно у нея въ головѣ; сколько женщинъ помираетъ при появленіи этихъ маленькихъ гостей изъ другого, лучезарнаго міра, котораго душа хоть и не помнитъ, а все-таки вѣчно тоскуетъ по немъ [1]). Но вѣдь это грѣшно! Зачѣмъ же ей тосковать? Развѣ ей здѣсь не хорошо, не весело?.. Особенно лѣтомъ, когда вдоволь пищи, когда вокругъ тепло и ясно. Она взглянула въ открытыя двери, черезъ которыя ей улыбались залитыя солнцемъ окрестности. Развѣ не хороши эти тучи, это блѣдно-голубое родное небо, эта черная, сумрачная и вмѣстѣ съ

[1]) Якутское вѣрованіе.

тѣмъ милая, знакомая тайга?.. Какъ упоительно пахнутъ разцвѣтшія лиственницы лѣсовъ. Нѣтъ! хороша якутская земля, ихъ земля; а если говорятъ, что тамъ, на югѣ, есть лучшія страны, такъ навѣрное врутъ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ пріѣзжаютъ сюда, къ нимъ!?

Сквозь полуоткрытыя двери во внутрь избы просунулись раздутыя, влажныя ноздри, а за ними показался черный, косматый, съ бѣлой лысиной посрединѣ, лобъ коровы, за которымъ видно было еще нѣсколько другихъ головъ бѣлыхъ, пестрыхъ, тянущихся къ юртѣ, бодающихся рогами и громко мычащихъ. Стадо возвращалось съ пастбища. Привязанные за каминомъ телята, почуявъ матокъ, начали брыкаться и блеять.

— Ге!—крикнула Керемесъ, отгоняя коровъ отъ дверей, и вышла съ подойникомъ въ рукахъ. Скотины, впрочемъ, было немного: всего пять коровъ дойныхъ, большой черный волъ, являющійся вмѣстѣ съ лошадью единственной рабочей силой въ ихъ хозяйствѣ, четыре яловыхъ, два «прошлогоднихъ» бычка, пара телятъ—вотъ и все. Однако телята здѣсь часто околѣваютъ, Богъ знаетъ еще, стоитъ ли ихъ держать.

А тутъ съ того же хозяйства нужно собрать на подати и повинности, на одежду и на лѣтнюю пищу, на посуду, на чай и на много другихъ вещей, безъ которыхъ никакъ не обойдешься и которыя ежегодно пропадаютъ и портятся. Нужно еще отложить на зиму, когда коровъ нельзя доить. Впрочемъ, ей жаловаться нечего. Богъ далъ ей трудолюбиваго мужа, ловца и мастера на всѣ руки, только... тутъ она лукаво улыбнулась, пустила теленка къ послѣдней выдоенной коровѣ, схватила ведро съ молокомъ и пошла въ молочную—низкій погребъ, въ которомъ на землѣ рядомъ стояли берестяные «чибычаги» [1]), полныя молока. Съ прежнихъ она сняла сливки, въ новыя налила только что выдоенное молоко, а изъ нѣкоторыхъ вылила содержимое въ мѣдный котелъ, въ которомъ она обыкновенно приготовляла «сорать» [2]), ежедневное кушанье якутовъ. Хабджій увѣрялъ, что она вкуснѣе всѣхъ приготовляетъ соратъ; не отрицали этого и приходившіе въ гости сосѣди, такъ какъ

[1]) Круглая, плоская посуда изъ березовой коры.
[2]) Кислое молоко—варенецъ.

у нихъ въ то время чаще всего рты были наполнены этимъ бѣлымъ, облитымъ сливками лакомствомъ, которое имъ щедро, нисколько не жалѣя, доставляла Керемесъ.

— Не Керемесъ, а Евменія! — вспомнила возившаяся около огня хозяйка «Евменія Слѣпцова!» Такъ поправилъ ее попъ, когда передъ свадьбой она сказала ему свое имя, которымъ ее называли мать, сосѣди, женихъ... Евменія!.. Евменія!.. Керемесъ!.. Керемесъ значитъ сиводушка, звѣрекъ, мѣхъ котораго очень дорогъ. Мѣхъ этотъ такъ мягокъ и шелковистъ, какъ ея косы, за которыя ее должно быть такъ прозвали: онѣ гуще и длиннѣе, чѣмъ это обыкновенно бываетъ у якутокъ. «Керемесъ» казалось ей гораздо красивѣе, чѣмъ «Евменія». Она понимаетъ это имя. Она знаетъ, какъ радуется Хабджій, когда приноситъ изъ тайги такую лисицу, а мѣхоторговцы хвалятъ его за это и угощаютъ чаемъ. А Евменія!.. Что же это значитъ? Говорятъ, что она дикарка, потому что не помнитъ своего имени. На что же оно ей? Его обязаны знать попъ и волостной писарь,

которымъ вѣдь за это платятъ якуты жалованье. Да, она дикарка и не ученая! А развѣ, несмотря на это, ее всѣ не любятъ, развѣ ее не ласкала мать, не любилъ отецъ, развѣ Хабджій сказалъ ей когда нибудь хоть одно дурное слово... Пускай ужъ тамъ... Однако, что это «его» нѣтъ такъ долго? Уже смеркается! Вѣдь онъ же знаетъ, что она боится оставаться одна. Что его могло задержать у князя?

Настала ночь... На сѣверѣ кровавая полоса зари стала такой узкой и блѣдной, какой уже должна была остаться до завтрашняго разсвѣта. Постепенно темнѣющее по направленію къ югу небо уже одѣлось нѣсколькими робко сверкающими звѣздами; на болотѣ перестали посвистывать кулики; пара дикихъ утокъ, шумя крыльями, пролетѣла и опустилась на сосѣднемъ озерѣ; заросли, луга, рѣка и боръ скрылись подъ прозрачнымъ покровомъ лѣтней полярной ночи, а въ тайгѣ появились привидѣнія. Керемесъ затворила двери. Напрасно. Духи ее преслѣдовали, стуча въ стѣны юрты; пугали ее своими криками, показывались въ темныхъ углахъ избы. Сердце у нея билось, она не смѣла поднять глазъ. На-

прасно она старалась забыться, нагибаясь надъ работой у огня и зашивая одежду мужа.

— Когда же онъ, наконецъ, придетъ. Нѣтъ, она уже никогда больше не согласится остаться одна; она непремѣнно выпроситъ у Хабджія, чтобы онъ взялъ кого-нибудь въ домъ, какую-нибудь старую бабу, или какого-нибудь слѣпого, хилаго старика, къ которому ужъ никакъ нельзя будетъ ревновать. Только бы одной не оставаться, не мучиться...

Вдругъ у воротъ послышались шаги и голосъ ея мужа. Она вскочила, чтобы выбѣжать ему на встрѣчу, но внезапно остановилась на полпути, удерживаемая тайной мыслью... Духи бываютъ иногда ужасно коварны. Поэтому она схватила тлѣющую головешку и въ ту минуту, когда входящіе показались въ дверяхъ, бросила ее на порогъ. Ихъ было двое; она разглядѣла ихъ сквозь столбъ дыма, который поднялся вверхъ, а одинъ изъ нихъ былъ ея мужъ.

— Чего ты такъ испугалась?—спросилъ онъ, всматриваясь въ нее пытливымъ взглядомъ.

Пристыженная Керемесъ молча подняла

съ земли головешку. Другой былъ какой-то чужеземецъ, высокій, рыжебородый, бѣлолицый, должно быть «нуча» [1]). Онъ принесъ съ собой какіе-то узелки и мѣшки. Когда онъ сталъ укладывать ихъ въ углу на лавкѣ, Керемесъ догадалась, что это, вѣроятно, тотъ «хайлакъ», котораго недавно привезли въ ихъ мѣстность. Что̀ бы это значило? До сихъ поръ ихъ не заставляли кормить ни одного изъ этихъ пришельцевъ. Она вопросительно взглянула на Хабджія, который былъ сердитъ и блѣденъ. Пришелецъ разбиралъ, приводилъ въ порядокъ, укладывалъ свое имущество, наконецъ, сѣлъ и закурилъ коротенькую мѣдную трубку.

— Готовь ужинъ! —сказалъ Хабджій женѣ и подсѣлъ къ гостю.

— Вотъ мой домъ!—сказалъ онъ, протягивая впередъ руку.—Что, скверный, неправда-ли? Не знаю, хорошо-ли тебѣ здѣсь будетъ? Въ дождь вода течетъ на голову, зимой холодно; я вѣдь предупреждалъ, что я бѣдный человѣкъ. Самъ ты говорилъ, что хочешь жить на одномъ мѣ-

[1]) «Нуча»—вообще бѣлый человѣкъ съ юга.

стѣ. И то правда: такому барину, какъ ты, не подобаетъ шляться изъ юрты въ юрту. Только подумай самъ, хорошо-ли будетъ тебѣ у насъ? Тебѣ нуженъ бѣлый, хорошій домъ, —ты «нуча», тебѣ нужно ѣсть мясо и хлѣбъ, подъ ногами имѣть полъ, на столѣ тарелки и серебряныя ложки, а у насъ ничего этого нѣтъ; домъ, самъ видишь, плохой... скота у насъ мало, мы бѣдные! Дадимъ, что у насъ есть, да пища-то наша не больно лакомая: все «соратъ» да «соратъ». Дикій якутъ, самъ знаешь, все съѣстъ.

— А волость тебѣ ничего не платитъ за мое содержаніе? —вдругъ спросилъ молчавшій все время пришелецъ.

— Да нѣтъ-же! У насъ тутъ иные обычаи, у насъ «нуча» возятъ изъ юрты въ юрту, гдѣ они живутъ по нѣскольку дней; но ты самъ говоришь, что не будешь ѣздить, что тебѣ это уже надоѣло, что ты хочешь жить на одномъ мѣстѣ. Прекрасно! Отлично! Вотъ я тебѣ и посовѣтую, какъ другу посовѣтую, такъ какъ я тебя люблю. Я вообще люблю «нуча». Славный народъ, красивый народъ, богатый народъ, умный народъ! Такъ вотъ, не живи ты у меня! Пойди завтра на собраніе и скажи госпо-

дамъ князьямъ, что не хочешь жить у меня, что я бѣденъ, что у меня ничего нѣтъ, что мой домъ неудобенъ и грязенъ... скажи имъ, а ужъ они найдутъ тебѣ хорошее жилище, гдѣ тебѣ можно будетъ жить постоянно. Ну такъ какъ же? Самъ подумай! Въ нашей странѣ хлѣбъ не растетъ, все у насъ получается отъ скота: и одежда, и пища, и деньги. У богатыхъ много коровъ, много кобылъ, у нихъ поэтому и много сливокъ, много масла, говядины... у нихъ есть теплая одежда, есть дома... Отчего ты не хочешь жить у богатыхъ.

— Да я же хочу!.. — крикнулъ пришелецъ,—но волость сюда меня назначила!

— У богатыхъ, — продолжалъ Хабджій, не обращая вниманія на это восклицаніе— тебѣ было бы хорошо, ты былъ-бы сытъ, чисто жилъ бы! Такъ вотъ пойди завтра или послѣзавтра на собраніе и скажи: я не хочу жить у него, онъ бѣденъ, плохо ѣстъ и плохо кормитъ, домъ у него грязный и вода протекаетъ съ крыши... Ты увидишь, какъ у мена течетъ вода съ крыши, когда станутъ идти дожди...

— Пойдешь? что?—спрашивалъ онъ настойчиво.

— Не морочь ты меня. Я, братъ, старый воробей!—отвѣтилъ на чужестранномъ языкѣ пришелецъ и отвернулся.

— Нѣтъ! Такъ ты всегда будешь сидѣть у меня! — съ подавленнымъ отчаяніемъ и бѣшенствомъ вскричалъ якутъ.

— Не знаю! Теперь лѣто! теперь вездѣ хорошо, а потомъ увидимъ.

Хабджій на минуту задумался, плюнулъ въ сторону, всталъ и подошелъ къ огню.

— Чего ты копаешься! — крикнулъ онъ сердито, обращаясь къ женѣ, — подавай ужинать.

Онъ задыхался отъ злости.

— Пень деревянный!—проворчалъ онъ, всматриваясь въ зеленоватые, холодно-спокойные, устремленные на огонь глаза хайлака, въ его широкое лицо, на которомъ лежалъ отпечатокъ чего-то грознаго и неудержимаго.—Разбойникъ! Ледяные глаза! злился якутъ. Все его краснорѣчіе, которымъ онъ такъ гордился и которое онъ выработалъ въ теченіе трехлѣтней службы въ своей волости въ качествѣ десятскаго, не произвело ровно никакого впечатлѣнія.—Чортъ-бы его побралъ!

Но громко Хабджій не сказалъ ни слова;

онъ только сердито сплевывалъ. Ужинъ для пришельца былъ поставленъ особо, но онъ самъ подозвалъ къ себѣ хозяевъ и даже далъ имъ къ чаю по горсти сухарей, остатокъ своей тюремной пищи.

— А вѣдь онъ добрый! — сказалъ якутъ громко, съ хитрой, едва замѣтной улыбкой, будто-бы обращаясь къ женѣ.

Керемесъ, молча, осторожно, точно тѣнь, сновала по избѣ, постоянно обходя вокругъ очага, чтобы ни на одно мгновенье не заслонить огня разсерженнымъ мужчинамъ. Однако, она замѣтила нѣсколько разъ, что непріятный взглядъ хайлака былъ направленъ на нее; хайлакъ также замѣтилъ, что и она, хотя осторожно, но все-таки все время поглядываетъ на него. Онъ поэтому закрутилъ усъ и пригладилъ густые волосы.

Керемесъ еще до сихъ поръ не видѣла русскихъ, кромѣ попа и волостного писаря, которые, какъ здѣсь родившіеся, лицомъ были совершенно похожи на якутовъ; этотъ хайлакъ былъ первымъ человѣкомъ съ юга, съ которымъ ей случилось встрѣтиться.

— Ой! какой громадный!.. А на рожѣ волоса растутъ, точно у собаки! — съ отвра-

щеніемъ замѣтила она мужу, ложась спать.— А на долго?

— На мѣсяцъ!

— Боже мой! Такъ долго!

Что-жо я подѣлаю?—отвѣтилъ Хабджій,—приказали! и, перевернувшись на другой бокъ, заснулъ. Керемесъ долго не могла сомкнуть глазъ. Передъ ней все время стояла фигура хайлака въ томъ видѣ, въ какомъ она впервые его увидала сквозь густой дымъ и искры; она все время чувствовала на себѣ взглядъ его большихъ, блестящихъ чужеземныхъ глазъ, цвѣтомъ напоминающихъ небо; засыпая, она видѣла блѣдное, широкое его лицо, наклоняющееся къ ней... волоса его отвратительной бороды, касаясь ея груди и лица, будили ее. Она слыхала много разсказовъ объ этихъ «нуча». Преданія ея родины разсказывали ужасныя вещи объ ихъ жестокости, а въ сказкахъ ихъ имя сдѣлалось синонимомъ зла—и она поэтому трепетала. Испуганная, покрытая потомъ, вскакивала она съ постели при каждомъ движеніи безпокойно мечущагося на своемъ ложѣ хайлака, а когда вдругъ среди темноты раздался звукъ голоса, произносящаго непонятныя слова, она толкнула ногой мужа.

— Въ прорубь!.. Знаю... напрасно... лучше... я васъ... убилъ... я жить хочу... мать пресвятая Богородица... а за что?

Голосъ затихъ и перешелъ въ непонятное бормотанье.

Супруги, прижавшись другъ къ другу, долгое время съ ужасомъ всматривались въ темное пространство избы, но дикіе крики уже не повторялись; наконецъ, супруги снова легли. Keремесъ плакала.

— Не плачъ! — утѣшалъ ее Хабджій, — только мѣсяцъ—какъ-нибудь перетерпимъ... Богъ дастъ!

* *
*

— Нуча... нуча!.. Вставай чай пить! Завтракъ готовъ!..—будилъ на другой день Хабджій своего гостя. Хайлакъ вскочилъ, протеръ глаза: на очагѣ весело пылалъ огонь, валилъ паръ изъ чайниковъ и котловъ; на серединѣ избы вертѣлась Керемесъ, выметая соръ. Пришелецъ поспѣшилъ одѣться; Хабджій подалъ ему воды умыться и уступилъ свое мѣсто у очага.

— Какіе это у васъ на югѣ люди все бѣлые, рослые, полные и красивые...—замѣтилъ якутъ, съ удивленіемъ всматриваясь въ здоровенную фигуру хайлака.—Не то,

что мы! А почему это такъ? Почему у васъ растетъ хлѣбъ, а у насъ нѣтъ? Почему вы господа, а мы якуты?

Хайлакъ молчалъ, такъ какъ былъ занятъ расчесываньемъ бороды. Наконецъ, онъ вытеръ гребенку, завернулъ ее въ бумагу и спряталъ въ карманъ. Затѣмъ онъ сдѣлалъ нѣсколько низкихъ благоговѣйныхъ поклоновъ передъ стоящими на полкѣ въ углу избы образами и сѣлъ за столъ. Въ широкой, красной рубашкѣ на выпускъ, вымытый, причесанный, онъ имѣлъ очень приличный видъ. Правда, его брюки были сильно поношены и потерты, но они все-таки были не кожаныя, а суконныя; на его жилетѣ не хватало нѣсколькихъ пуговицъ, а изъ оставшихся двѣ были гораздо больше своихъ сосѣдокъ, но онѣ были металлическія и съ орлами. Наконецъ, кивнувъ головой подававшей ему чашку чаю Керемесъ (чѣмъ очень разсмѣшилъ Хабджія), онъ проявилъ свою благовоспитанность... Серьезно и благосклонно, такъ какъ онъ, какъ самъ выразился, желалъ жить съ ними «по человѣчески», выпилъ хайлакъ три чашки чаю и только тогда въ отвѣтъ на вопросы якута сталъ разсказывать что-то

очень глубокомысленное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне темное. Такъ какъ онъ старался быть краснорѣчивымъ и употреблялъ слишкомъ много бранныхъ словъ и жестовъ, а также таинственныхъ терминовъ каторжниковъ, то Керемесъ думала, что онъ ругаетъ ее за немного подгорѣвшее молоко, а Хабджій понималъ только одно: много хлѣба, много солнца, много воздуха!..

— Ростутъ-то они отъ солнца... точно сѣно... объяснилъ онъ женѣ.—Что касается употребленія хлѣба, то на этотъ счетъ онъ имѣлъ крайне слабыя понятія; онъ зналъ, что хлѣбъ ѣдятъ, но сомнѣвался въ томъ, что отъ него можно полнѣть.

— А звать тебя какъ? нерѣшительно спросилъ якутъ гостя.

— Костя Хрущовъ!

— Костя Кру... Кру... пробовалъ выговорить Хабджій, но запнулся.—Какое длинное имя! Мы ужъ лучше тебя будемъ называть прямо: «нуча», «нашъ нуча»... Хорошо?

Костя презрительно улыбнулся. Пусть его называетъ, какъ хочетъ! Онъ, вѣроятно, думаетъ, что Хрущовъ—это его настоящая фамилія. Дуракъ! Это только такъ...

для полиціи, а его фамилія?.. Да, его фамилія! — прибавилъ онъ многозначительно—за его фамилію ему навѣрно вкатили-бы сто палокъ и повѣсили-бы, или, по крайней мѣрѣ, приковали-бы къ тачкѣ.

— Такъ! согласенъ! Все одно, какъ звать. Ты для насъ будешь «нуча», нашъ «нуча», другъ... Вѣдь ты теперь числишься въ нашей волости!.. Поэтому ты нашъ человѣкъ... Будемъ друзьями. Ты добрый! Вѣдь, правда? льстиво говорилъ якутъ.

Развалившись на лавкѣ, опершись на локтѣ лѣвой руки, Костя лѣниво смотрѣлъ впередъ; его толстая, обутая въ черную якутскую сару, правая нога, перекинутая черезъ согнутое колѣно лѣвой, привѣтливо покачивалась. Дѣйствительно, онъ чувствовалъ, что онъ добръ, но ему не хотѣлось бесѣдовать. Поэтому Хабджій, нѣсколько разъ безуспѣшно съ нимъ заговаривавшій, взялъ, наконецъ, топоръ и отправился на работу; Керемесъ тоже куда-то ушла, и Костя остался одинъ.

Въ закрытой со всѣхъ сторонъ юртѣ было тихо и темно; однако, чудный солнечный день полосами своихъ золотыхъ лучей продирался въ нее сквозь многочис-

ленныя отверстія въ стѣнѣ, сквозь щели плохо затворенныхъ дверей, сквозь дыры натянутаго въ окнахъ пузыря, усѣивая свѣтлыми кружечками и полосками глиняный полъ, играя на разставленной вокругъ утвари и заглядывая въ безсмысленно вытаращенные глаза хайлака.

Костя зѣвнулъ, вытряхнулъ пепелъ изъ потухшей трубки, схватилъ шапку и вышелъ на дворъ.

Онъ шелъ безъ всякой цѣли, съ любопытствомъ осматривая все попадавшееся на глаза. Онъ былъ въ лѣсу, былъ и надъ озеромъ, былъ на лугу, гдѣ паслось стадо, и вскорѣ зналъ почти столько-же, сколько самъ хозяинъ. Онъ зналъ, сколько у Хабджія коровъ, сколько чего у него въ клѣти, какъ онъ запираетъ эту клѣть, гдѣ ставитъ сѣти и капканы, гдѣ рубитъ дрова...

Бродя по окрестности, Костя вышелъ, наконецъ, на берегъ рѣки и сѣлъ, чтобы отдохнуть. Тутъ было немного веселѣе, чѣмъ въ угрюмой, вѣчно молчаливой и неподвижной тайгѣ съ ея обширными однообразными лугами, съ ея черными, спящими среди болотъ озерами. Тутъ кипѣла жизнь.

Рѣка, точно слегка сморщенная лента, быстро стремилась въ даль;—ея волны съ шумомъ подмывали обрывистые берега. Бѣлая чайка, вдругъ вылетѣвъ изъ-за лѣсовъ и синихъ горъ, съ крикомъ остановилась надъ ея поверхностью. Изъ глубины водъ, блеснувъ серебристой чешуей, съ плескомъ выпрыгнула рыба. Сидя надъ обрывомъ, облитый лучами солнца, въ виду чудной синеватой гористой дали, Костя задумался, ему стало грустно, и онъ затянулъ острожную пѣсенку «про Разгильдяева сына»...

Когда эхо повторило послѣднія слова этой длинной, мучительной пѣсни, когда она замерла, пѣвецъ глубоко вздохнулъ и бросился на спину въ густую, пожелтѣвшую траву, островки которой, защищенные отъ вѣтра упавшимъ стволомъ дерева, уцѣлели съ минувшей осени.

Надъ нимъ въ вышинѣ висѣли блѣдноголубыя, безконечно глубокія небеса, а надъ его головой медленно плыла по нимъ пара бѣлыхъ облаковъ-близнецовъ. Онъ слѣдилъ за ними взглядомъ. Ничѣмъ ненарушаемая тишина господствовала на берегу рѣки. Спугнутыя пѣснью человѣка

чайки и другія птички улетѣли, рыбы перестали играть и удалились въ глубину водъ, только рѣка шумитъ, все стремясь впередъ, или вдругъ плеснетъ, падая въ воду, подмытый ею берегъ. Костя закрылъ глаза и вскорѣ заснулъ.

Онъ спалъ долго. Его разбудили крики и трескъ ломаемыхъ кустовъ. Онъ открылъ глаза, дрожа отъ холода. Небо, висящее надъ нимъ, уже было темнѣе и ближе: кое-гдѣ слабо мигали рѣдко разбросанныя по нему звѣзды: на сѣверѣ надъ лѣсомъ горѣла заря. Это былъ вечеръ, а можетъ и утро? Мокрый отъ росы и еще объятый пріятной дрожью пробужденія, Костя, не двигаясь, направилъ глаза въ ту сторону, откуда долетали клики.

Прямо надъ его головой, на упавшемъ стволѣ дерева стояла Кереметь; выставивъ немного впередъ одну ногу, обутую въ черныя, маленькія, кокетливыя «сары», она стояла, небрежно перегнувъ назадъ гибкій станъ и отбросивъ молодыя плечи. Быстрая ходьба или волненіе украсили легкимъ румянцемъ ея круглыя щеки, изъ-за свѣжихъ, открытыхъ губъ сверкалъ рядъ жемчужныхъ зубовъ, а изъ-подъ накинутаго

на голову яркаго платка выбивались черныя косы и большія, серебряныя серги, бѣлый блескъ которыхъ еще сильнѣе выдавалъ бронзовый цвѣтъ ея залитаго багрянцемъ зари лица. Одной рукой она придерживала вѣтки наклоняющагося къ ней куста, въ другой, опущенной къ землѣ, сжимала зеленый прутъ; взглядъ ея черныхъ, длинными рѣсницами осѣненныхъ глазъ искалъ чего-то среди кустовъ. Она не видѣла лежащаго у ея ногъ мужчины, и его взглядъ могъ совершенно свободно пользоваться простотой ея одежды, одежды дикарки; къ тому же она была молода и красиво сложена.

— Послушай-ка,—вдругъ сказалъ Костя, подымаясь и хватая ее за край рубашки, но якутка, замѣтивъ его, крикнула, вырвалась и пропала въ кустахъ. Нѣкоторое время слышно было, какъ она быстро пробиралась сквозь кустарники, ломая сучья и гоня передъ собой заблудившихся коровъ. Костя пробовалъ разсердиться: онъ звалъ ее, бранился, угрожалъ ей, но, наконецъ, расхохотался, вскочилъ на ноги, стряхнулъ приставшіе къ платью и къ головѣ листья и медленно пошелъ по направленію къ дому.

— Гдѣ же ты, «нуча», пропадалъ? — спросилъ, увидѣвъ его, Хабджій. — Мы давно уже ждемъ тебя здѣсь къ ужину!

— Пропадалъ? я? Я вовсе не пропадалъ, я только заблудился и едва нашелъ дорогу! — отвѣтилъ Костя, посматривая на раскраснѣвшееся лицо Керемесъ. И началъ молоть всякій вздоръ о томъ, гдѣ онъ былъ и что видѣлъ. А вралъ онъ такъ забавно, что Керемесъ невольно разсмѣялась. Хабджій съ удивленіемъ смотрѣлъ на него, но видя, что «нуча» въ хорошемъ настроеніи духа, подсѣлъ и началъ:

— Нуча! нуча! Послушай ты! Камень молчитъ, ледъ молчитъ, пень молчитъ. Если человѣкъ сидитъ, какъ замерзшій, и молчитъ, какъ пень, его сердце становится тяжелымъ. У птицъ есть языкъ, и онѣ кричатъ, звѣри тоже кричатъ, даже вода кричитъ, когда бѣжитъ, и вѣтеръ, когда вѣетъ... у человѣка есть языкъ, и поэтому онъ долженъ кричать! У тебя, «нуча», большой языкъ, мудрый языкъ, тебя стоитъ послушать, стоитъ понять, но ты не повѣришь, какой я глупый, такой ужъ глупый... что ничего не могу понять. Если ты не вѣришь, такъ спроси кого только хочешь,

и всѣ тебѣ это скажутъ!.. Тебѣ, «нуча».— прибавилъ онъ, наклоняясь къ нему и понижая голосъ,—хорошо было бы жить тамъ, гдѣ бы тебя понимали, у богатыхъ, умныхъ, у такихъ, которые умѣютъ говорить потвоему... вѣдь у тебя языкъ замороженный, у меня нѣтъ ушей: у меня языкъ замороженный, а у тебя нѣтъ ушей: подумай самъ, сколько это хорошихъ и умныхъ вещей пропадаетъ... Я тебѣ посовѣтую, посовѣтую, какъ другу, вѣдь я тебя люблю. Вотъ завтра или послѣзавтра иди къ князю, созови сходку и скажи ему: «Онъ глупъ. Онъ ничего не понимаетъ; онъ неученый и дикій, я не хочу жить у него!» Хорошо? Пойдешь? Къ тому же пища...

— Брось ты эти глупости, и будемъ жить «по человѣчески»,—сказалъ Костя, взявъ въ руки ложку.—Ты еще не знаешь, какой я веселый... На всѣ руки мастеръ, что называется... и плясать, и пѣть, и въ карты... Въ рудникахъ меня всѣ любили. Эхъ, и весело же тамъ! Пить-то и ты вѣдь, должнобыть, любишь! Водки тамъ много. А пѣсни какія! Хочешь я тебѣ спою одну? Самую лучшую!—и забывъ о полной ложкѣ, которую онъ держалъ въ рукѣ, хайлакъ затянулъ:

«Вновь Ланцовъ бѣжать задумалъ,
Колокольчикъ зазвенѣлъ»...

. . . .

— Чего жъ ты, дуракъ, не слушаешь!?— крикнулъ онъ, обращаясь къ Хабджію, видя, что якутъ встаетъ изъ-за стола. Я съ ними, какъ «съ людьми», а онъ!!

Наступила минута глубокаго, непріятнаго молчанія.

— Ну, ну, не бойтесь! —сказалъ Костя.— Я добрый... ей Богу добрый! — и сталъ быстро, молча перебирать свой скарбъ...— Вотъ, на! Возьми. Я добрый, только забылъ, что вы не можете меня понимать!.. да, вѣдь, и пѣсня, пѣсня-то хороша... Бери же!—и совалъ въ руку Керемесъ листокъ табаку. Но та отодвигалась, поднимая руки кверху, точно боялась дотронуться до подарка. Ея глаза вопросительно смотрѣли на мужа.

— Отчего ты не берешь? Я вѣдь ничего за это съ тебя не требую!—прибавилъ Костя, прищуривая глазъ.

— Возьми!—приказалъ Хабджій, окончательно насупившись. Онъ сѣлъ, повернувшись спиной къ огню, и сталъ грѣться, часто сплевывая сквозь зубы. Керемесъ

удалилась въ тѣнь. На женской половинѣ иногда неясно мелькала ея рубашка и тихо стучалъ ножъ, которымъ она рѣзала табакъ. Костя тоже затихъ и, сидя на лавкѣ, долго изъподлобья смотрѣлъ на нихъ обоихъ; наконецъ, на его лицѣ появилась саркастическая улыбка, онъ отвернулся и плюнулъ...

Тихо, однообразно проходили дни для жителей юрты Хабджія. Ежедневно утромъ, сейчасъ же послѣ завтрака, хозяинъ бралъ топоръ и шелъ на дворъ обтесывать балки для новой клѣти, которую онъ хотѣлъ выстроить тутъ же около дома. Керемесъ брала работу и тотчасъ же выходила изъ дому вслѣдъ за нимъ. Она садилась гдѣ-нибудь въ тѣни и шила. Костя оставался одинъ, вѣчно одинъ. Нѣкоторое время онъ бродилъ по окрестностямъ, заходилъ къ сосѣдямъ, но вскорѣ ему это надоѣло; поэтому онъ пробовалъ чѣмъ-нибудь заняться. Онъ началъ ставить сѣти и капканы, но ничего не могъ поймать; впрочемъ, и ловить-то не нужно было, такъ какъ предусмотрительный Хабджій доставалъ рыбы и дичи, сколько требовалось. Поэтому Костя сидѣлъ дома, страшно много куря.

Керемесъ очень любила табакъ, но того, что она получала, ей никогда не хватало, поэтому она часто съ раздраженіемъ отгоняла отъ себя облака дыму, выпускаемаго Костей, а онъ, точно нарочно, постоянно садился гдѣ нибудь около нея. Хайлакъ, правда, предлагалъ ей нѣсколько разъ табаку, но, получая всякій разъ въ отвѣтъ молчаніе, онъ пересталъ это дѣлать при мужѣ, а видѣться съ ней наединѣ ему почти никогда не удавалось.

— Скажи мнѣ!—спросилъ его разъ хозяинъ, когда Костя, по своему обыкновенію, сидѣлъ на заваленкѣ съ трубкой въ зубахъ, смотря, какъ якутъ работаетъ. — скажи мнѣ! Что, у васъ тамъ, на югѣ, есть якуты?

— Якуты? Зачѣмъ?

Хабдскій прочелъ удивленіе въ глазахъ хайлака, вытеръ рукавомъ рубахи потъ со лба и, оперпись на топорище, пояснилъ:

— Ты говоришь, что тамъ у васъ много хлѣба, много хлѣба, много коровъ и воловъ, много табуновъ лошадей; что тамъ есть большіе каменные города... широкія дороги... Кто же все это сдѣлалъ? Кто же

тамъ у васъ работаетъ?.. Ты говоришь, что тамъ нѣтъ якутовъ!

Онъ вздохнулъ и протянулъ руку къ дымящейся трубкѣ Кости. Хайлакъ хотѣлъ дать ему ее, но по мѣрѣ того, какъ якутъ развивалъ свои разсужденія, рука Кости сокращалась, лицо заливалось волной густой, горячей крови, губы дрожали.

— Кто работаетъ? дураки работаютъ... И я пробовалъ работать!!.—вдругъ крикнулъ онъ и спряталъ трубку за спину.

— Если не будутъ работать, то помрутъ!.. возразилъ якутъ, оскорбленный отвѣтомъ хайлака и тѣмъ, что тотъ не далъ ему затянуться.

Костя вскочилъ.

— Помрутъ!! Пусть помираютъ... Изъ горла вырву!! Задушу! А жить буду, хочу жить!.. Пусть умираютъ—и онъ махнулъ по воздуху могучимъ кулакомъ.—Пусть помираютъ!.. я пробовалъ!..

Онъ толкнулъ ногою лежащій на дорогѣ обрубокъ и ушелъ, надвинувъ шапку на глаза.

— Шайтанъ!—шепнулъ побдѣднѣвшій якутъ, смотря вслѣдъ ушедшему, и сплюнулъ сквозь зубы. Онъ сожалѣлъ, что на-

чалъ этотъ разговоръ. Собственно говоря, его велерѣчіе и краснорѣчіе сильно уменьшилось съ тѣхъ поръ, какъ хайлакъ сталъ отвѣчать тихимъ посвистываньемъ на увѣренія якута въ любви и на его совѣты поселиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Однако, у него осталось его столько чтобы, начавъ разговоръ съ самаго отдаленнаго предмета, всегда съумѣть найти дорогу въ свой «Римъ» и вывести въ концѣ концовъ заключеніе, что для Кости самое лучшее какъ можно скорѣе удрать отъ него.

И, дѣйствительно, иногда, а въ послѣднее время довольно часто, Костя убѣгалъ, но не дальше сосѣдняго лѣса; эти побѣги совершалъ онъ обыкновенно подъ вечеръ, когда надѣялся встрѣтить тамъ ищущую коровъ Керемесъ. Напрасно! Онъ до сихъ поръ не могъ ее поймать. Онъ, правда, видалъ ее нѣсколько разъ издали среди кустарника, но лишь только онъ пробовалъ идти за ней или приблизиться къ ней, она всегда исчезала, промелькнувъ въ кустахъ, быстрая, какъ испуганная лань. Наконецъ, онъ сталъ устраивать настоящія охотничьи облавы. Онъ угонялъ

далеко въ лѣсъ коровъ, прятался въ кусты и лежалъ въ нихъ иногда по нѣскольку часовъ. Скотъ привыкъ къ нему и не убѣгалъ уже, задравъ хвосты, какъ прежде, когда онъ появился среди него въ первый разъ. Вскорѣ Костя зналъ прекрасно, какъ онъ пасется, зналъ всѣ тропинки въ лѣсу. Напрасно! Преслѣдуемая Кереметъ всегда убѣгала передъ нимъ, и онъ находилъ ее дома, преспокойно грѣющейся у очага; тогда она просила обыкновенно Хабджія, чтобы тотъ пошелъ съ ней отыскать стадо, которое, должно быть, забрело слишкомъ далеко.

Такъ прошло полъ-мѣсяца.

— Иду сегодня къ князю, сказалъ Костя какъ-то разъ утромъ, взявъ шапку.

— Зачѣмъ?

— Дѣло есть... хочу его объ одномъ дѣлѣ просить.

Лицо Хабджія прояснилось. Давно-бы уже слѣдовало. Развѣ онъ не повторялъ этого ежедневно? Костя слушалъ, слушалъ, улыбаясь, стоя на порогѣ и смотря въ землю.

— Ну, такъ пусть не забудетъ: съ крыши течетъ, грязно, дурная пища, онъ бѣ-

день и неученъ... ничего не понимаетъ,--перечислялъ Хабджій.

Костя вышелъ, но, пройдя не больше трехсотъ шаговъ, оглянулся и, увидя, что онъ одинъ, повернулъ въ сторону, въ кусты.

Онъ бѣжалъ прямо въ лѣсъ черезъ пни и рвы, пробираясь сквозь кусты и трясины, разгоняя и пугая спрятавшихся сюда отъ жары куропатокъ и дикихъ утокъ. Наконецъ, онъ вышелъ на полянку, съ которой видна была въ отдаленіи между двумя рощами юрта Хабджія.

Онъ остановился здѣсь у подошвы поросшаго малинникомъ и терновникомъ холмика, нашелъ подходящее мѣсто, гдѣ вѣтеръ, дувшій съ сѣвера, не давалъ себя чувствовать, гдѣ кусты не заслоняли ему вида, и легъ на-сторожѣ. Однако вскорѣ, согрѣтый лучами высоко стоявшаго солнца, подкрѣпившись принесенной съ собой пищей, онъ вздремнулъ. Это входило, впрочемъ, въ программу его дѣйствій.

Онъ проснулся вечеромъ. Со страхомъ думая, что, можетъ быть, уже поздно, онъ тотчасъ же пустился по боковымъ тропинкамъ въ сторону пастбища.

Слава Богу! Коровы еще паслись, только часть ихъ вышла на дорогу и, пощипывая траву, медленно подвигалась къ дому. Онъ загналъ нѣсколько изъ нихъ подальше и притаился за кустомъ растущей около дороги лозы.

Небольшое отверстіе, образованное капризно извивавшимися листьями, позволяло ему прекрасно видѣть всю тропинку тянувшуюся вдоль береговъ озера. По этой тропинкѣ непремѣнно должна была идти Керемесъ. Немного спустя, онъ увидѣлъ, что она выходитъ изъ лѣсу. Она остановилась на нѣкоторое время, озираясь вокругъ, а затѣмъ стала приближаться къ нему, загоняя къ дому разсыпавшійся по лугу скотъ. Наконецъ-то! Вотъ она уже близко... сквозь кусты промелькнулъ ея красный платокъ.

Онъ притаилъ дыханіе. Еще одна минута. Раздался трескъ сломанной ея ногою вѣтки, и женщина появилась передъ нимъ: граціознымъ свободнымъ жестомъ обрывая листочки куста, за которымъ онъ скрывался.

Онъ поднялся на колѣни и обхватилъ ее.

— Любишь ты меня? Хорошъ я?..— спрашивалъ онъ, пригибая ее къ землѣ.

— Убьетъ!! убьетъ;—прошептала, блѣднѣя, женщина, но не сопротивлялась.

Поздно вечеромъ, въ сопровожденіи якута изъ сосѣдней юрты, куда онъ забрелъ, разыскивая проводника, возвратился Костя домой. Онъ не былъ у князя, заблудился и только совершенно случайно нашелъ людей, которые приняли его самымъ лучшимъ образомъ, — такъ разсказывалъ на другой день Костя Хабджію.

Керемесъ наклонилась къ землѣ, пряча лицо, облитое горячимъ румянцемъ.

Хабджій обѣщалъ ему самъ показать дорогу, но Костя отложилъ свое путешествіе. Однако, обманутый привѣтливостью и благосклонностью хайлака, якутъ взялся рьяно за работу, полный самыхъ радужныхъ надеждъ. А работы было достаточно. Трава выростала, пора уже было поправить изгородь вокругъ сѣнокоса, очистить лугъ отъ воды, запрудить сосѣднюю рѣчку, которая уже опала. Все это, а особенно послѣднее, нужно было сдѣлать еще до конца мѣсяца, такъ какъ въ противномъ случаѣ нечего будетъ ѣсть во время сѣнокоса. Хабджій несмѣло попросилъ гостя помочь, объясняя, что, собственно говоря,

и ему лучше будетъ, такъ какъ рыба въ рѣкѣ очень вкусна. Однако, онъ удивился и сильно обрадовался, когда Костя, безъ всякаго спора, тотчасъ-же согласился...

— Какъ медвѣдь!!! какъ медвѣдь!!!—въ восхищеніи разсказывалъ онъ вечеромъ про своего помощника. Но Керемесъ знала это лучше его. Она еще чувствовала на своихъ плечахъ слѣды желѣзныхъ объятій хайлака. Онъ, правда, работалъ теперь вмѣстѣ съ Хабджіемъ, но, несмотря на это, не переставалъ ее преслѣдовать. Онъ даже сталъ настойчивѣе, только теперь легче было его избѣгать.

Черезъ нѣкоторое время Костя заявилъ, что не пойдетъ на работу.

— Почему?—спросилъ Хабджій, который уже привыкъ къ его помощи.

— Потому что не хочу и баста! Вамъ одолженіе сдѣлаешь, такъ вы ужъ и думаете... Все даромъ хотите.

Якутъ замолчалъ и поникъ головой. На работу непремѣнно нужно было идти, но какая-то мысль, точно молнія, мелькнула у него въ головѣ и ударила прямо въ сердце. Онъ вышелъ, но почти сейчасъ же

вернулся и сѣлъ въ избѣ, подозрительно посматривая на пришельца и на жену.

Керемесъ поблѣднѣла какъ смерть.

Костя сталъ жаловаться на головную боль и весь день пролежалъ на лавкѣ; Хабджій снова повеселѣлъ. Однако, онъ не пошелъ на работу, а сидя передъ огнемъ, вырѣзалъ изъ дерева ложку, которая правда, была полезна, но не необходима. На слѣдующій день онъ точно также не пошелъ на рѣчку, а возился около чего-то дома, внимательно слѣдя за пришельцемъ.

Костя приходилъ въ бѣшенство. Онъ совершенно выздоровѣлъ отъ вчерашней болѣзни и снова началъ преслѣдовать эту неуловимую женщину.

Онъ даже пересталъ скрывать это, преслѣдуя ее въ присутствіи мужа, въ присутствіи навѣщавшихъ ихъ сосѣдей, при всѣхъ, наглыми, палящими взглядами. Керемесъ трепетала и становилась еще ласковѣе, покорнѣе и трудолюбивѣе, чѣмъ обыкновенно.

Хабджій любилъ ее сильнѣе прежняго, хотя чувствовалъ, что происходило что-то, очень его безпокоившее.

Застать ее одну Костѣ удавалось все рѣже и рѣже.

— Дура!.. Отчего не любишь... хочешь денегъ? На! Куплю тебѣ перстней, платокъ куплю... табаку дамъ!.. Обними, поцѣлуй! —говорилъ онъ страстно, когда, наконецъ, послѣ многихъ уловокъ и нѣсколькихъ часовъ ожиданія, ему удавалось поймать ее гдѣ нибудь.—Отчего не любишь?.. Чего боишься?..—шепталъ онъ, покрывая поцѣлуями ея уста, ея глаза, влажные отъ вечерней росы, а можетъ быть и отъ слезъ.

Но она, хоть и не защищалась, однако никогда не отвѣчала на его ласки, никогда не приходила въ назначенное мѣсто, никогда не отвѣчала на его вопросы. Напрасно онъ ее ласкалъ и спрашивалъ, и удерживалъ, и приходилъ въ бѣшенство, и бранился, и угрожалъ,—какъ только его объятія ослабѣвали, она вырывалась и быстро убѣгала.

Однажды онъ упрашивалъ такъ долго и такъ настойчиво, что она, со страхомъ смотря на небо, обѣщала придти. Костя, счастливый и увѣренный въ томъ, что она придетъ, ждалъ. Въ отдаленіи послышались шаги, сердце его сильно забилось, но изъ

кустарниковъ вдругъ вышелъ Хабджій и спросилъ многозначительно, не видалъ ли онъ, куда ушли коровы.

Онъ уже давно подозрѣвалъ, что хайлакъ, не довольный подаваемыми ему кушаньями, потихоньку подаиваетъ коровъ. Молчаніе Керемесъ, когда онъ подѣлился съ ней этой мыслью, подтвердило ему это.

— Еще можешь какъ нибудь встрѣтиться съ нимъ въ лѣсу,—говорилъ онъ женѣ,— это злой человѣкъ!—и сталъ самъ ходить каждый вечеръ за стадомъ.

Но едва якутъ уходилъ изъ дому, въ юртѣ появлялся Костя. Сначала Керемесъ удавалось скрыться нѣсколько разъ передъ нимъ и возвратиться домой вмѣстѣ съ Хабджіемъ. Но убѣжищъ было слишкомъ мало, а хайлакъ былъ слишкомъ хитеръ. Вслѣдствіе этого, она блѣднѣла и худѣла съ каждымъ днемъ, а ея глаза свѣтились горячечнымъ блескомъ. Громадное, волосатое тѣло Кости внушало ей отвращеніе, а воспоминаніе его ласкъ, дышавшихъ настоящимъ тюремнымъ развратомъ и испорченностью большихъ городовъ, обливало ея лицо горячимъ румянцемъ стыда.

— Ты, должно быть, больна!—говорилъ

Хабджій, видя, какъ она была разсѣянна, какъ дрожали ея руки, когда она наливала чай въ стоящую передъ нимъ чашку.

— Да нѣтъ же!..

Въ эту минуту въ юрту вошелъ Костя.

— Гдѣ ты, пуча, сидишь такъ долго вечеромъ? — замѣтилъ съ раздраженіемъ якутъ.—Въ лѣсу, вѣдь, холодно.

— А тебѣ какое дѣло?—отрѣзалъ Костя, опускаясь на скамейку, на которой онъ еще недавно ласкалъ Керемесъ.

— Постарайся достать кого нибудь въ домъ. Я не хочу оставаться одна... -сказала, наконецъ, однажды Керемесъ, прижимаясь къ мужу.

— Такъ, значитъ?.. Гдѣ же ты его встрѣтила? Несчастье! —крикнулъ Хабджій голосомъ, въ которомъ звучало сдержанное бѣшенство и слышались слезы. Онъ приподнялся на постели и, грубо отталкивая протянутыя къ нему голыя руки жены, кричалъ:

— Говори, говори, собака!

— Да нѣтъ же!.. нѣтъ!.. только я боюсь. Прямо такъ! боюсь!—шептала якутка, подавляя рыданія и закрывая рукой мужу ротъ.

На слѣдующій день подъ вечеръ въ юртѣ Хабджія появился новый жилецъ—слѣпая Упача. Она умѣла только мять кожи, да разсказывать длинныя, хотя и правдивыя, однако никѣмъ не слушаемыя исторіи.

Болѣе никто не соглашался жить въ томъ домѣ, гдѣ пребывалъ «хайлакъ». Впрочемъ, одинъ молодой парень — «Пётюръ»—самъ напрашивался, но его Хабджій не хотѣлъ брать.

Упачу напоили, накормили и устроили ей мѣсто на одной изъ стоящихъ вдоль стѣнъ лавокъ; на слѣдующій день утромъ она уже сидѣла съ кожей въ рукахъ и, не обращая вниманія ни на разговоры жильцовъ юрты, ни на ихъ отсутствіе, продолжала свой нескончаемый разсказъ. Впрочемъ, у нея теперь почти всегда бывали слушатели, такъ какъ Керемесъ, принеся изъ клѣти отложенную на зиму работу, какія-то кобыльи и оленьи кожи, засѣла около Упачи и отлучалась только на очень непродолжительное время, чтобы выдоить коровъ или приготовить ужинъ.

Костя тоже не ходилъ въ лѣсъ. Молчаливый и злой, по цѣлымъ днямъ валялся онъ на лавкѣ.

Наконецъ, самъ хозяинъ, бросивъ работу, заглядывалъ иногда въ юрту. Однако только Керемесъ развлекала и побуждала старую нищенку къ разсказамъ своимъ частыми, веселыми восклицаніями, выражавшими то живой интересъ, то другія, соотвѣтствующія разсказу чувства. Всѣ остальные молчали.

Случился дождливый, пасмурный день. Костя всталъ въ необыкновенно сердитомъ и угрюмомъ настроеніи. За завтракомъ онъ поссорился съ хозяиномъ изъ-за пищи и, хотя потомъ немного смягчился и даже простилъ якута, однако, его сумрачное лицо заставляло догадываться, что онъ еще на что-то сердится.

— А что, не пойдешь къ князю?—спросилъ его якутъ какъ можно привѣтливѣе, снимая съ колышка уздечку.

— Нѣтъ! А что?

— Да вотъ я ѣду! Сегодня праздникъ, такъ навѣрное удастся застать его дома. Князь любитъ гостей, онъ принялъ бы тебя какъ слѣдуетъ... Кромѣ того, тамъ сегодня сходка, и ты бы могъ...—прибавилъ якутъ, робко поднимая на него глаза.

— Нѣтъ!..—рѣзко прервалъ Костя. По лицу якута промелькнула тѣнь.

— Я боленъ... жалко, что не могу ѣхать. У меня голова болитъ, а отъ ѣзды еще больше разболится, прибавилъ немного ласковѣе хайлакъ.

Онъ отошелъ отъ огня, передъ которымъ стоялъ, и легъ на постель.

— Спитъ?—спросилъ Хабджій немного спустя, входя снова въ юрту.

Но Костя не спалъ; онъ внимательно наблюдалъ за якутомъ и, когда, по его мнѣнію, тотъ долженъ былъ уже уѣхать, Костя всталъ и вышелъ изъ юрты.

Въ дверяхъ онъ столкнулся съ возвращавшейся Керемесъ. Она дала ему дорогу, прижавшись къ стѣнѣ. Дождь перестать падать, однако было пасмурно и холодно.

Удостовѣрившись въ томъ, что Хабджія и его лошади уже дѣйствительно не было. Костя возвратился въ юрту.

Упача разсказывала о какомъ-то тунгусѣ, а рядомъ съ ней сидѣла смущенная Керемесъ. Костя стоялъ нѣкоторое время передъ огнемъ и угрюмо смотрѣлъ на нее изъ-подлобья, подавляя сильное волненіе, которое имъ овладѣло.

— Я голоденъ! Хозяйка, принеси поѣсть!—сказалъ онъ, наконецъ, отвернувшись.

Пораженная его измѣнившимся голосомъ, Керемесъ не двигалась съ мѣста.

— Слышишь ты? Я ѣсть хочу! Масла давай!—крикнулъ онъ, топнувъ ногой.

Якутка взяла деревянную чашку и вышла; немного спустя за ней послѣдовалъ Костя. Женщина угадала его присутствіе по тѣни, которая скользнула надъ отверстіемъ погреба, и долго не рѣшалась выйти. Костя ждалъ угрюмый, бѣшеный. Наконецъ, она вышла, держа въ рукахъ полную чашку масла и дрожа, не смѣя взглянуть въ лицо хайлаку, сѣла у входа въ погребъ. Хайлакъ ждалъ, смотря, какъ она медленно укладывала куски коры на дверяхъ, но, когда она, поднявшись, хотѣла незамѣтно проскользнуть мимо него, онъ схватилъ ее за плечи и старался опрокинуть на землю.

Солнце неожиданно выглянуло изъ-за тучъ и освѣтило окрестности. Обширный, окружающій домъ, лугъ, лежащее вблизи озеро, зеленая тайга, съ виднѣющимися кое-гдѣ тропинками, заблестѣли внезапно среди разсѣявшагося тумана, ясные, на-

гіе, открытые... Объятая стыдомъ женщина оттолкнула Костю и побѣжала домой...

— Каждый годъ приходилъ тунгузъ и сватался за дочь, каждый годъ онъ давалъ на тысячу оленей больше, но якутъ отказывалъ. Не къ нисшимъ, а къ высшимъ намъ нужно идти —говорилъ онъ—дочь отдамъ я не тебѣ, а якуту или «нучѣ». И вотъ бродилъ охотникъ со своими безчисленными стадами по сосѣднимъ горамъ.—говорила своимъ монотоннымъ голосомъ Упача.

Костя вбѣжалъ въ юрту и подошелъ прямо къ задыхавшейся Керемесъ, сидѣвшей рядомъ съ нищей.

— Напрасно это! — Онъ толкнулъ ее, повалилъ на спину и рукой зажалъ ей ротъ, чтобы она не могла кричать...

— Когда олени съѣли всю пищу въ тайгѣ, выпили всю воду изъ ручьевъ... бормотала слѣпая,—тогда исчезъ и тунгузъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезла и якутская дѣвушка въ бурную осеннюю ночь, когда вышла посмотрѣть, на кого залаяли собаки...

Упача замолчала, съ удивленіемъ прислушиваясь къ плачу своей молодой хозяйки.

— Тебѣ жалко ее?

Плачущая не отвѣчала.

Въ ту-же ночь она во всемъ призналась мужу.

Хабжій пришелъ въ бѣшенство. Онъ ревелъ, толкалъ ногами и безжалостно билъ свою жену, которая только просила, чтобы билъ тише, а то могутъ услышать... а сама до крови кусала себѣ губы, чтобы удержать рыданіе. Наконецъ, дикарь спохватился и, схвативши за голову, какъ ребенокъ, упалъ съ плачемъ на грудь побитой.

Съ этого дня онъ не отходилъ отъ нея ни на минуту, ни на одно мгновеніе. Онъ какъ тѣнь ходилъ повсюду за нею, слѣдя за всякимъ ея движеніемъ, за всякимъ взглядомъ и нервно, болѣзнено дрожалъ, когда къ ней нечаянно приближался Кости. Онъ постоянно старался очутиться между нимъ и ею, и, несмотря на это, чувствовалъ постоянное безпокойство, его трясло, какъ въ лихорадкѣ. Запущенное хозяйство приходило въ совершенный упадокъ. Сосѣди собрались косить, уже косили, а онъ все сидѣлъ у очага, стругая что-нибудь, или безсмысленно смотря въ огонь.

Слабый, больной, апатичный, онъ только

считалъ дни мѣсяца; онъ считалъ-бы минуты, если-бы ему было извѣстно подобное дѣленіе времени.

— Еще шесть дней! Какъ это безконечно много! Какъ безконечно много!

А когда онъ думалъ о будущемъ и видѣлъ въ перспективѣ цѣлый рядъ подобныхъ гостей, то у него все валилось изъ рукъ, а въ головѣ подымался рой ужасныхъ мыслей. Но онъ всетаки молчалъ.

Молчала и Керемесъ, говорила только одна Упача, но уже что-то очень непонятное.

— Тьфу! Чортъ возьми! Не съ кѣмъ и слова молвитъ!...—кричалъ Костя и пытался свистѣть или пѣть, но черезъ минуту замолкалъ, подавленный окружающей его атмосферой ненависти, презрѣнія и страха. Даже Упача переставала бормотать, когда онъ приближался къ ней.

— Ну, ну! Чего надулся,—говаривалъ онъ въ минуту хорошаго настроенія, похлопывая якута по плечу.—Не бойся, вѣдь я тебя не съѣмъ.

Не видя вокругъ себя одни недовѣрчивые и мстительные взгляды, онъ самъ терялъ хорошее расположеніе духа. Тогда

онъ радовался раззоренію Хабджія, его горю, страху и страданіямъ Керемесъ: онъ сдѣлался крайне требовательнымъ относительно пищи, такъ что якутъ принужденъ былъ, наконецъ, зарѣзать для него корову, потому что въ его сѣти и капканы дичь уже не попадала.

А между тѣмъ на дворѣ сіяло солнце, разносился запахъ лѣсовъ, волновались озера, потухала и загоралась въ одномъ заревѣ соединенная заря разсвѣта и заката. Но для нихъ всё было сумрачно и ненастно. Они сидѣли въ душной и темной юртѣ, слѣдя другъ за другомъ и другъ друга раздражая.

Костя, соскучившись, нѣсколько разъ отправлялся на прогулку, но, очутившись въ густомъ лѣсу, чувствовалъ какое-то безпокойство, его обнималъ неопредѣленный паническій страхъ. Молчаніе бора внушало ему ужасъ. Онъ видѣлъ разбросанные среди пней и листьевъ трупы такихъ-же, какъ онъ, пришельцевъ, съ размозженной головой или съ пулей въ сердцѣ. Что же? Развѣ онъ не одинъ? Кто его любитъ? Кто за него заступится?.. Пропалъ безслѣдно!..

И ему казалось, что онъ видитъ при-

таившуюся въ кустахъ фигуру съ оружіемъ въ рукахъ...

— Что они тамъ дѣлаютъ?..

И онъ поспѣшно возвращался домой; онъ заставлялъ якута пробовать подаваемую ему пищу.

Страхъ обнималъ его все чаще и чаще. Иногда онъ просыпался ночью и лежалъ, прислушиваясь къ тому, что происходитъ за занавѣской постели хозяевъ. Не будучи въ состояніи заснуть, онъ ворочался на своемъ ложѣ, мучимый то мыслью о внезапной смерти, то образомъ Керемесъ и воспоминаніями о пережитыхъ наслажденіяхъ.

Однажды ему показалось, что кто-то идетъ, осторожно и легко ступая по избѣ; онъ вскочилъ и схватилъ со стола забытый тамъ ножъ. Но это былъ обманъ слуха. Его взглядъ, устремленный въ темноту юрты, ничего не замѣтилъ, а разслышалъ онъ только храпъ спящихъ. Онъ легъ снова, но уже не выпустилъ изъ рукъ ножа. Ощущеніе холоднаго желѣза вызвало цѣлую массу неясныхъ, но знакомыхъ картинъ. Вытянувшись, вспотѣвъ и весь дрожа, всматривался онъ въ

нихъ, чувствуя, какъ его волоса встаютъ дыбомъ, а кровь леденѣетъ въ жилахъ. Онъ видѣлъ себя самого среди такого мрака съ ножемъ въ рукахъ, наклонившимся надъ спящимъ ближнимъ, видѣлъ блѣдныя, окровавленныя человѣческія фигуры, судороги и страданія убиваемыхъ... и съ глухимъ стономъ перевертывался на другой бокъ.

Взошло солнце и ударило своими лучами въ закрытыя двери юрты и, найдя въ нихъ щелку, ворвалось внутрь и заглянуло въ глаза разбойнику.

Видѣнія исчезли.

Костя всталъ и вышелъ на дворъ подышать чистымъ воздухомъ. Горячій, пурпурный блескъ молодого дня облилъ его и ослѣпилъ. Онъ стоялъ нѣкоторое время, защищая глаза ладонью. Среди большого, огороженнаго жердями двора лежали еще сонныя коровы и пережевывали вчерашній кормъ. Черный быкъ, отдыхающій въ сторонѣ около погасшаго дымокура *), поднялся и, наставивъ косматыя

*) Кучи навоза, которыя зажигаютъ, чтобы отгонять отъ скота комаровъ.

уши, смотрѣлъ на него съ удивленіемъ; поодаль на лугу бѣлый жеребецъ пасъ и гонялъ своихъ кобылицъ. Костя улыбнулся. Остатки недавно пережитыхъ страданій пропали въ его мутныхъ глазахъ. Онъ направился къ изгороди и, оперпись на одинъ изъ столбовъ, съ наслажденіемъ слѣдилъ за подробностями этой дикой, степной любви.

Возвратившись въ юрту, онъ долго лежалъ спокойно на своей постели.

Немного спустя онъ вскочилъ и, притаивъ дыханье, на цыпочкахъ приблизился къ ложу Хабджія.

Въ юртѣ уже было настолько свѣтло, что онъ могъ продѣлать это, не задѣвъ ни за одинъ изъ разставленныхъ въ юртѣ предметовъ. Безшумно приподнялъ онъ кожаную занавѣску и взглянулъ во внутрь. Хабджій съ женой спали обнявшись.

— Керемесъ, — позвалъ онъ подавленнымъ голосомъ.

Якутка поднялась и сѣла на постели.

— Поди сюда!—шепнулъ онъ грозно.

Но она не двигалась, широко раскрывая заспанные глазки.

Костя протянулъ къ ней руку, но вдругъ, увидѣвъ вперенные въ себя блестящіе

глаза Хабджія, сжалъ кулакъ и тяжело опустилъ его на голову якута. Мужчины стали бороться, однако, перевѣсъ былъ на сторонѣ хайлака. Напрасно Керемесъ старалась помочь мужу. Костя не чувствовалъ ея ударовъ, не чувствовалъ ея рукъ, силящихся сдавить его шею, [illegible] схвативъ за горло якута, сыпа[illegible] его голову удары, которые могли оглушить быка. Хабджій защищался все слабѣе и слабѣе, наконецъ, онъ разжалъ руки и, брошенный Костей, покатился съ постели, срывая занавѣску. Точно во снѣ видѣлъ онъ еще нѣкоторое время защищавшуюся и, наконецъ, принужденную покориться Керемесъ — и потерялъ сознаніе.

— Собака! Укусила! Чего воешь?—крикнулъ на половину гнѣвно, на половину со смѣхомъ Костя, вытирая текущую по лицу кровь.

— Убитъ!.. Мертвъ! Спасите!.. стонала Керемесъ, но якутъ, придя въ себя, уже оттолкнулъ ее и закрылъ голову сорванной занавѣской.

Въ углу что-то бормотала испуганная Упача. Керемесъ, оглушенная всѣмъ, что

произошло, сидѣла на землѣ, опершись плечами о кровать.

— Что жъ это, ты долго будешь нюни разводить?! Невинность какая! подумаешь— барышня... Вставай! вставай и ты—крикнулъ хайлакъ Хабджію, толкая его ногой, но дикарь оскалилъ зубы и укусилъ его сквозь сапогъ.

— Собака!.. собака... настоящая собака!.. — весело кричалъ Костя, снова толкая его:

— Ррр!.. рр...

Якутъ вскочилъ, весь дрожащій, съ пѣной у рта.

— Брысь! —крикнулъ, поблѣднѣвъ, разбойникъ. Онъ отступилъ назадъ и схватился за ножъ...

На этотъ разъ ему самому пришлось поставить чайники и заварить чай; молока и масла онъ велѣлъ принести якуткѣ, онъ отдалъ приказаніе такимъ грознымъ тономъ, что та не осмѣлилась ослушаться.

Жизнь начинала возвращаться въ прежнюю колею. Керемесъ выдоила коровъ, Хабджій поднялся съ земли и одѣлся.

— Ты, братъ, не смотри не меня, точно съѣсть меня хочешь, вотъ лучше чайку

напейся—говорилъ ему съ улыбкой Костя.— Я тебя проучилъ немножко, вотъ и все! Да и изъ за чего все это? Изъ-за бабы! Тьфу! Плюнь ты на это дѣло. Ты думаешь— она меня одного любила! Не вѣрь ты этому!.. У нея навѣрное ужъ сотни любовниковъ были! Развѣ ты не знаешь, что всякая баба только объ томъ и думаетъ, какъ бы мужа надуть! Не она ли первая ко мнѣ лѣзла!

— Врешь! Врешь! Убей ты меня, но всетаки врешь!—крикнула, обливаясь слезами, Керемесъ.—Ты меня силой взялъ.

— Те... те... те...—флегматично отвѣтилъ Костя.—А кто выгонялъ мужа по вечерамъ въ лѣсъ за коровами, чтобы оставаться наединѣ со мной?

Керемесъ умолкла, пораженная въ самое сердце.

— И ты ему вѣришь? Вѣришь?—настойчиво спрашивала она мужа, подавая ему налитую чашку чаю. Тотъ молчалъ, но чашку взялъ только тогда, когда Керемесъ поставила ее на столъ.

Якутка рыдала, спрягавъ голову въ подушку, хайлакъ смѣялся.

— Вѣрь ты ей, бабьи слезы — роса утренняя...

Но Хабджію вдругъ стало невыразимо жалко жены и, не допивъ чаю, онъ схватилъ шапку и выбѣжалъ изъ юрты.

— Иди! иди! къ князю... жаловаться...— подтрунивалъ Костя,—да свидѣтелей! свидѣтелей не забудь прихватить... свидѣтелей!..

Хабджій дѣйствительно пошелъ къ князю. Голодный, оборванный, избитый, онъ Богъ знаетъ какъ долго тащился къ нему, несмотря на то, что разстояніе было всего въ нѣсколько верстъ.

Мать, жена и сестра князя просто ахнули, когда онъ вошелъ въ избу. Онѣ не узнали его: до такой степени былъ онъ измѣненъ страданіемъ. Самого князя не было дома. Онъ еще наканунѣ поѣхалъ съ работникомъ за найденной имъ вблизи мамонтовой костью.

— Должно быть сегодня вернется. Пусть подождетъ. Но что у него за дѣло и что это у него на лицѣ?—спрашивали, окруживъ его, женщины.

Якутъ говорилъ что-то непонятное, но обласканный и накормленный, онъ излилъ передъ ними свою душу.

Онъ разсказалъ имъ все, что случилось

ночью, промолчавъ только о причинѣ и окончаніи этой сцены. Глотая слезы, онъ показывалъ имъ синяки и ссадины на своемъ тѣлѣ.

Женщины посмотрѣли другъ на друга и поняли все. Онѣ проклинали хайлака и выражали сочувствіе, кивая головами и восклицая:

— Всѣ они такіе, эти пришельцы съ юга! И на кой чортъ ихъ сюда присылаютъ. За что насъ наказываютъ? За что? За какіе грѣхи? Пусть бы ужъ сидѣли тамъ, гдѣ разбойничали.

— Законъ! Такой ужъ законъ!—грустно промолвила старая, чуть не столѣтняя ихъ мать,—законъ!

И онѣ замолкли, объятыя мистическимъ ужасомъ передъ этимъ таинственнымъ существомъ,имѣющимъ видъ печатной бумаги, а такимъ живымъ и могущественнымъ, что можетъ доставить людямъ безчисленныя страданія. Онѣ знали, что достаточно было одного этого слова, чтобы ихъ мужья опускали съ трепетомъ головы... Кто знаетъ, что тамъ напечатано въ этихъ книгахъ? Можетъ быть такъ и должно быть?..

— Ну и Керемесъ тоже! Кто бы могъ

этого ожидать? Такъ онъ ее поймалъ?..— настойчиво спрашивали онѣ Хабджія.— Какимъ образомъ это произошло? Какъ это было? Пусть разскажетъ! Давно уже?

Но якутъ, подъ вліяніемъ какой-то упрямой мысли, безпокойно вертѣлъ въ рукахъ шапку, которую ему еще недавно сшила жена. Недавно! Охъ, какъ это было давно! Давно уже. И уже никогда не вернется... Хабджій вскочилъ и сталъ прощаться...

— Такъ идешь? Князя ждать не будешь? спрашивали женщины.

— Нѣтъ.

Онѣ проводили его до воротъ и стояли, смотря, какъ онъ шелъ съ опущенной головой...

Наступалъ вечеръ. Солнце еще не закатилось, но, скрывшись за лѣсомъ, кидало немного свѣта. На тропинкѣ господствовалъ густой сумракъ, только кое-гдѣ сквозь вѣтви проникалъ золотой лучъ солнца.

Хабджій шелъ, ежеминутно спотыкаясь; иногда онъ останавливался и отдыхалъ, грустно поглядывая вдаль.

— Ахъ, еслибы Богъ далъ встрѣтить князя!

Но князя нигдѣ не было видно.

Онъ уже совершенно потерялъ надежду на свиданіе съ княземъ, когда вдругъ на поворотѣ тропинки, ведущей къ его дому, показалось двое мужчинъ верхомъ, которыхъ онъ тотчасъ-же призналъ за князя и его работника. Они вели за собой лошадей, нагруженныхъ костями.

Хабджій остановился. Князь [1]), поровнявшись съ нимъ, тоже остановился и спросилъ:

— Что новаго? Откуда и зачѣмъ идешь? Что тебѣ нужно?

Хабджій молча кланялся.

Догадываясь, что дѣло его, должно быть, особенно важно, онъ слѣзъ съ коня и, пустивъ его на траву, сѣлъ на землю.

— Разскажи съ самаго начала, какъ было дѣло, обратился онъ къ якуту, закуривая трубку.

Князь былъ крѣпкій, коренастый человѣкъ, съ просѣдью, со строгимъ, немного гордымъ лицомъ.

— Каждый человѣкъ... началъ Хабджій

---

[1]) Избирательная должность, соотвѣтствующая волостному старшинѣ.

голосомъ бывшаго десятскаго, но вдругъ, совершенно забывъ о своемъ краснорѣчіи, нагнулся къ ногамъ князя и, обнявъ ихъ, закричалъ:

— Я ревную!.. ревную!.. ревн!.. о, возьми его, возьми!..

Князь, который былъ больше удивленъ, чѣмъ растроганъ, оттолкнулъ его.

— Говори толкомъ! Чего тебѣ нужно? спросилъ онъ.

— Возьми его!..

— Кого?

Хабджій показалъ на домъ.

— Его!..

Князь отрицательно покачалъ головой.

— Хайлакъ любитъ его жену, объяснилъ князю работникъ.

Князь задумался.

— Что-жъ подѣлаешь? Со всякимъ несчастье случается.

— Потерпи! Вѣдь ужъ немного дней осталось до конца. Черезъ нѣсколько дней отъ тебя возьмутъ хайлака.

Но когда Хабджій, успокоившись, наконецъ, разсказалъ ему все, какъ было, князь рѣшилъ поѣхать къ нему. Онъ велѣлъ снять съ лошадей поклажу и, поло-

живъ на ней крестъ-на-крестъ три зеленыя вѣтки, въ знакъ того что не потеря. повернулъ къ юртѣ якута. Работника и порожнюю лошадь взялъ онъ тоже съ собой на всякій случай.

Вскорѣ они увидѣли снопъ искръ, вылетающій изъ трубы юрты.

Первое, что замѣтили, входя въ юрту, это была красная шея и широкія плечи грѣвшагося передъ огнемъ хайлака. Угрюмо и внимательно наблюдалъ онъ за ними, когда, стоя на серединѣ юрты, отбивали поклоны и крестились передъ иконами.

— Какъ поживаешь, нуча? привѣтливо спросилъ князь, подавая ему руку.

Хайлакъ небрежно протянулъ два пальца.

— Что подѣлываешь? Что знаешь? Хорошо тебѣ здѣсь? вздыхая спросилъ князь, и сѣлъ на скамейкѣ.

— Ничего! отвѣтилъ Костя,—а ты зачѣмъ пріѣхалъ? Что знаешь?

Князь откашлялся.

— Вы, тутъ кажется, подрались съ хозяиномъ?.. Послушай... зачѣмъ ты его бьешь? Ты не имѣешь права... ты долженъ пожаловаться!..

— Кому?

— Мнѣ...

— А ты кто такой? Такой-же якутъ, какъ и онъ! Воронъ ворону глаза не клюетъ!.. Да и неправда, я его вовсе и не билъ!..

— А это что? спросилъ князь, показывая на покрытое синяками лицо Хабджія.

— А я почемъ знаю? хладнокровно отвѣтилъ Костя, даже не посмотрѣвъ на якута,—должно быть самъ себѣ сдѣлалъ!

Князь замолчалъ и, вынувъ ножъ, соскоблилъ имъ потъ со лба и съ лица.

— А зачѣмъ-же ты его жену трогаешь? —спросилъ князь необыкновенно строгимъ тономъ.

— Трогаешь...—повторилъ, передразнивая его, Костя и приблизился къ нему.— Я мужчина,—крикнулъ онъ,—вотъ и трогаю...—и такъ ударилъ кулакомъ по столу, что тотъ затрещалъ, и что-то въ немъ сломалось.

Князь поблѣднѣлъ и отдвинулся немного.

— Ты не сердись,—сказалъ онъ ласковѣе,—а скажи, какъ и что... попроси волость... волость тебѣ не откажетъ и дастъ другую женщину. У этой уже есть свой мужъ.

— А если я не хочу другой?

Князь замолчалъ и отеръ потъ со лба.

— Ты вотъ лучше спроси, какъ меня кормятъ-то, что мнѣ даютъ?... — громко крикнулъ Костя.—Сорать да сорать! Что я, теленокъ что-ли? Тьфу, чортъ-бы васъ побралъ! Да вѣдь тутъ хуже, чѣмъ въ рудникахъ, хуже чѣмъ на каторгѣ... Свиньи вы всѣ, вотъ что... Съ ними хочешь по человѣчески жить, а они... Я васъ,—и онъ энергически махнулъ кулакомъ, да такъ близко около носа князя, что тотъ отодвинулся, поглядывая искоса на висящій на боку у хайлака ножъ.

— Чего-жъ ты на меня-то сердишься? Что я тебѣ дурного сдѣлалъ? — сказалъ мягко князь.—Вотъ, лучше собирайся, да и поѣдемъ туда, гдѣ тебѣ дадутъ говядины и всего...

Костя повернулся къ нему задомъ.

— Всѣ вы одинаковы... Разсказывай!.. А говядину, пожалуй, сюда привези... Мнѣ и тутъ хорошо! Не поѣду!—отвѣтилъ онъ.

— Какъ-же ты не поѣдешь? Срокъ кончился... Мы уже совершили раскладку повинностей. Ты намъ всѣ счеты испортишь... Мы помѣстимъ тебя у хорошаго человѣка.

Костя молчалъ, даже не поворачиваясь. Поэтому и князь примолкъ и, посидѣвъ въ раздумьи нѣсколько минутъ, началъ собираться въ путь.

— До свиданья, куча, — сказалъ онъ, останавливаясь передъ Костей.—Ну, перестань-же! А ты, Хабджій, старайся: пищу давай хорошую и ни въ чемъ не противься!—строго приказывалъ онъ якуту, а глазами мигалъ ему, чтобы тотъ послѣдовалъ за нимъ.

— А ты не уѣзжаешь? —спросилъ Костя работника князя, видя, что онъ возвращается вмѣстѣ съ Хабджіемъ въ юрту.

— Я не оттуда, не откуда, —увильнулъ якутъ.

— Врешь!... вѣдь я видалъ тебя у князя.

Якутъ запнулся и притворился, что ничего не понимаетъ.

— Спиридонъ Винокуровъ!.. бормоталъ онъ.

— Дуракъ!.. съ презрѣніемъ вымолвилъ Костя, плюнулъ и ушелъ.

Было уже очень поздно, но якуты и не думали ложиться спать.

Керемесъ, поставивъ у огня чайники и

котлы, вмѣстѣ съ мужемъ отправилась въ главную клѣть, небольшую, четырех-угольную постройку, стоящую немного въ сторонкѣ.

— Завтра у насъ будетъ много гостей!.. Завтра возьмутъ хайлака... — говорилъ Хабдкій, вынося изъ всѣхъ угловъ остатки уцѣлѣвшихъ съѣстныхъ припасовъ. Когда-то я былъ богатъ, а теперь какъ тутъ мало всего... просто стыдно! Гости будутъ голодны!—Керемесъ обняла мужа.

— Богъ дастъ, мы снова будемъ богаты. Онъ уйдетъ, а ты забудешь обо всемъ? обо всемъ?...—сквозь слезы шептала якутка, прижимаясь къ нему.

Такъ: они забудутъ о прошломъ и будутъ жить попрежнему.

Они мечтали, какъ малыя дѣти, не зная, что прошлое не исчезаетъ. Нѣтъ! Они убѣгутъ отсюда въ горы къ тунгузамъ, будутъ бродить съ ними по лѣсамъ.

Хайлакъ стоялъ на порогѣ и видѣлъ сквозь открытыя двери, какъ горящая лучина блуждала изъ угла въ уголъ по клѣти. Огонекъ мелькалъ во мракѣ точно звѣздочка, продираясь наружу сквозь неровно сколоченныя стѣны строенія.

— Что-то убираютъ!.. Что-то задумываютъ, непремѣнно что-то задумываютъ!.. И его лицо покраснѣло, а глаза безпокойно забѣгали. При видѣ возвращавшихся Хабджія и Кеpемесъ, онъ скрылся въ юрту.

Его безпокойство возрастало по мѣрѣ приближенія разсвѣта. Онъ не находилъ себѣ мѣста. Онъ то ложился, то садился, то снова вскакивалъ и ходилъ.

Якуты внимательно слѣдили за нимъ, попивая въ углу чай. Никто не говорилъ ему ни словечка.

— Чаю даже не дали!—думалъ разбойникъ съ горечью. Забытый ножъ украли.

Вдругъ, прохаживаясь по юртѣ, онъ запнулся за куль лежащихъ въ углу веревокъ.

— Это что?

— Это мое... ло... лошадей путать,— пролепеталъ работникъ князя, вырывая у него изъ рукъ веревки.

— А!!—Костя поблѣднѣлъ, какъ смерть... его губы задрожали, лицо искривилось, жилы на лбу напружились. Онъ медленно прошелся вдоль юрты, волоча за собой правую ногу, которая на минуту забыла, что уже давно на ней не было цѣпи,

и блестящими глазами уставился на остріе лежащаго въ углу подъ лавкой топора.

— Нѣтъ! Постой-ка!.. Не я, такъ и не ты!—заревѣлъ онъ и, схвативъ топоръ, съ быстротою молніи поднялъ его и подскочилъ къ ужинающимъ.

Якуты остолбенѣли. Они смотрѣли на него, не двигаясь съ мѣста, но когда свистнулъ топоръ и, ближе всѣхъ къ хайлаку сидящая, Упача безсильно покатилась на землю, они бросились къ выходу. Однимъ прыжкомъ, какъ тигръ, догналъ ихъ Костя. Керемесъ бѣжала послѣдней.

Онъ схватилъ ее и оттолкнулъ вглубь юрты.

Свѣтало. Тяжелыя, черныя, гонимыя утренней зарей тучи собирались на сѣверѣ, образуя подвижной, толстый валъ, который, выплывая на середину неба, поочереди тушилъ еще кое-гдѣ мелькающія звѣзды, а за собой оставлялъ блѣдно-розовый разсвѣтъ.

Убѣгающіе остановились.

— Керемесъ! — прошепталъ Хабджій, ища глазами жену, — Керемесъ!! Гдѣ же ты?!—повторялъ онъ въ безпамятствѣ, возвращаясь къ юртѣ. Гдѣ же ты?! Серебро мое! Солнышко!

Двери юрты были заперты.

Онъ слышалъ, какъ хайлакъ, ломая скамьи и столы, заваливалъ ихъ извнутри. Онъ слышалъ его сопѣніе и проклятія. Вдругъ онъ вздрогнулъ: въ юртѣ раздался страшный крикъ, крикъ ужаса, отчаянія, мольбы.

Хабджій кинулся къ дверямъ и ударилъ въ нихъ кулакомъ. Но здѣсь крикъ уже затихъ и раздавался подъ однимъ изъ оконъ. Якутъ побѣжалъ туда. Но голосъ все убѣгалъ и звучалъ все въ разныхъ углахъ. Хабджій, бѣгая за нимъ, кружилъ вокругъ своей юрты, наконецъ, у одного изъ угловъ дома крикъ замеръ подавленный.

Якутъ припалъ къ заваленкѣ, колотилъ въ стѣну руками и ногами, отрывая покрывающіе ее навозъ и глину. Наконецъ, онъ замеръ, весь сосредоточившись въ слухѣ.

Тутъ близко, сейчасъ за тонкими лиственничными балками, онъ чувствовалъ, почти видѣлъ, какъ двое людей, тяжело дыша, боролись, онъ слышалъ стукъ ударовъ, трескъ костей, еще разъ услышалъ чей-то слабый, жалобный стонъ, который, наконецъ, замеръ на вѣки ужасной, медленной гаммой агоніи. Хабджій продолжалъ при-

слушиваться и долго еще въ ушахъ гудѣлъ этотъ стонъ, хотя въ юртѣ уже господствовала тишина.

Онъ очнулся лишь тогда, когда какіе-то вооруженные всадники окружили его юрту.

Его стали разспрашивать, но онъ, ошеломленный, только бормоталъ что-то непонятное. Пріѣхавшіе, осторожно заглянувъ въ юрту сквозь щели и окна, выломали дверь топоромъ и ворвались во внутрь.

На полу лежалъ трупъ убитой Кересмесъ.

Изъ зіяющей на груди раны еще струился ручеекъ коралловой крови; цѣлая лужа ея собралась въ углубленіи.

Надъ этой ужасной лужей, скорчившись, сидѣлъ хайлакъ и плескался въ ней рукой.

— Масло пахтаю! — сказалъ онъ съ кривой, противной усмѣшкой. — Якуты бросились на убійцу.

— Позволь! позволь мнѣ его убить! — молилъ Хабджій, обнимая колѣни князя.

Но тотъ оттолкнулъ его...

Въ жертву богамъ [1]).

(Посвящаю Е. К. Брешковской).

Тамъ, гдѣ рѣка «Широкая» [2]) впервые выбѣгаетъ изъ скалистыхъ ущелій на болѣе просторную долину, вблизи воды, среди небольшой, поросшей муравою полянки, стоитъ украшенный рѣзьбою деревянный столбъ. У этого столба ежегодно собираются съ окрестныхъ горъ бродячіе тунгусы. Еще по дорогѣ соединившись въ крупные отряды, гдѣ сотни оленей и десятки людей сплетаются въ живописныя, подвижныя ленты, они являются въ долину многочисленной,

[1]) Составлено по преданіямъ, записаннымъ въ Верхоянскихъ горахъ.

[2]) Кень-юряхъ по-якутски—верховья Яны.

веселой толпой, и говоръ ихъ голосовъ, и шумъ ихъ жизни заглушаютъ на время рокотъ рѣчныхъ перекатовъ. Огни стойбищъ, разбросанныхъ полукругомъ у подножія горъ, образуютъ тогда среди лѣса въ сумеркахъ вечера красивую діадему золотистыхъ блестокъ, перевитую нѣжной весенней зеленью и сѣрой прозрачной тканью стволовъ и сучьевъ.

Хорошо въ это время въ горныхъ долинахъ: комары и овода не мучатъ еще ни людей, ни животныхъ—тамъ прохладно и уютно, а между тѣмъ все уже расцвѣло и только вверху, на гребняхъ горъ, умѣряя жару, лежатъ нетронутыми зимніе снѣга. Надъ снѣгами блѣдное прозрачное небо уже не меркнетъ ночью, не зажигаетъ звѣздъ, а только горитъ одной продолжительной зарей, соединяющей закатъ минувшаго дня съ восходомъ будущаго.

Непрерывно въ продолженіи слишкомъ недѣли толпится на полянѣ у столба народъ; собираются на совѣтъ старшины, родовые начальники, почетные старики—обсуждать общественныя нужды и бѣды, взимать ясакъ и распредѣлять тяготы. Между тѣмъ молодежь веселится—танцуетъ, уха-

живаетъ, устраиваетъ скачки и состязанія. По долинѣ несутся крики, смѣхъ, слышны удары топора, пѣніе, топотъ бѣгущихъ оленей, свистятъ ременныя «момоки», забрасываемыя на рога предназначенныхъ на убой животныхъ, звенятъ стеклянныя и серебряныя украшенія на груди женщинъ, являющихся всюду, гдѣ трудъ, гдѣ жизнь.

Такъ бывало искони.

Случился, однако, отмѣнный годъ, когда, не смотря на то, что людей уже много собралось въ долинѣ, шумъ рѣки не терялся въ ихъ говорѣ, не видно было ни играющей на майданѣ молодежи, ни мечущихся изъ стороны въ сторону оленей, не слышно ни пѣсенъ, ни смѣха. Даже общія сходки устраивались какъ-то неохотно и люди собирались по большей части отдѣльными кучками у отдѣльныхъ палатокъ. Лица большинства были грустныя, взглядъ тупой, разговоръ лѣнивый. Смѣхъ и шутка, такъ любимые тунгусами, рѣдко теперь гостили въ кругу разговаривающихъ—они бѣжали, упорно встрѣчаемые общимъ равнодушіемъ.

Собравшіеся не разбредались, однако, а ждали съ нетерпѣніемъ прихода старика

Седьтичана, въ отсутствіи котораго сходъ не рѣшался разбирать главныхъ вопросовъ. Между тѣмъ старикъ что-то медлилъ.

— Не ѣдетъ старикъ, не ѣдетъ... и не пріѣдетъ! брюзжалъ толстый промышленникъ, сидя въ кругу другихъ на полянкѣ у огня. Это былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, на тунгуса непохожій, немного рыхлый и полный, одѣтый по-якутски и якутскимъ серебрянымъ поясомъ подпоясанный, важный, знающій себѣ цѣну, богачъ. Кому охота посѣщать погибающихъ!.. добавилъ онъ и надулъ губы.

— Передъ судьбой, князь, не уйдешь!.. отвѣтилъ мрачно сидящій противъ него по другую сторону костра, бѣдно одѣтый, какъ мѣдь темный, какъ горный лишай морщинистый старикъ.

— Это вѣрно!.. согласился третій. Не уйдешь... не спрячешься!.. Я-ли не бѣгалъ, я-ли не прятался?! И что же?.. Извѣстное дѣло,—заговорилъ, волнуясь, разсказчикъ и въ сотый, можетъ быть, разъ сталъ описывать исторію своего несчастія, всякій разъ выслушиваемый съ одинаковымъ вниманіемъ. Когда пришло извѣстіе о падежѣ, я кочевалъ въ вершинахъ Буръ-Янгы. Я

какъ разъ собирался спуститься въ долины, но, услышавши, медлилъ. И богъ долго миловалъ меня, и я возгордился... Вдругъ разъ ночью разбудилъ меня трепетъ сердца. Сонный прислушиваюсь: слышу не то выстрѣлъ, не то громкій зовъ. Высунулъ голову изъ отверстія постели: и опять—не то шумъ въ лѣсу, не то отдаленные выстрѣлы. Собаки тявкають и воютъ, точно увидѣли медвѣдя. Вышелъ я изъ палатки, смотрю, —сіяетъ луна, псы бросились къ ногамъ моимъ, а въ глубинѣ долины какая-то огромная тѣнь, минуя горы, шла въ низовые лѣса. Я закрылъ рукою глаза, неспособный глядѣть. Сердце у меня колотится, точно птица, не могу двинуться отъ испуга...

— Охъ!.. вздохнули слушатели.

— И что-же: сто оленей пало заразъ!.. Не дожидая свѣта, въ ту же ночь мы снялись съ мѣста. Бѣжали мы безостановочно, а стада между тѣмъ таяли. Раздѣлилъ я ихъ на три части, разослалъ въ разныя стороны, и что-же: черезъ нѣсколько дней явился сынъ, а вскорѣ за тѣмъ дочь съ пустыми руками. Я рѣшился бѣжать на край свѣта: есть-же гдѣ-нибудь мѣсто, куда

не забредаетъ никто. Отъ павшихъ не бралъ ничего — даже недоуздковъ. Такъ и бросалъ... Когда палъ передовой, я не снялъ даже со лба узорчатой опояски, наслѣдованной отъ прадѣдовъ...

— Охъ!..

— Сильно тогда плакали женщины,—продолжалъ ободренный сочувствіемъ разсказчикъ,—но такъ совѣтуютъ русскіе купцы, говоря: не хорошо брать что-либо у его жертвъ — онъ всюду найдетъ, отыскивая свою собственность. Я послушался и, бросая, уходилъ. Наконецъ, я зашелъ такъ далеко, что самъ испугался... Наврядъ-ли былъ тамъ кто-либо до меня. Нѣтъ деревьевъ, даже кустовъ нѣтъ—одни камни, да снѣгъ, да вѣтеръ... Нельзя было разбить палатки по недостатку жердей, а послать за ними назадъ въ лѣсъ я боялся... Подъ уступомъ скалы выкопали мы яму въ снѣгу и такъ жили. И было намъ хорошо, и начинали радоваться, такъ какъ моръ прекратился. Прошелъ день, прошелъ другой и ни одинъ олень не заболѣлъ. Ожидаемъ молча, въ тревогѣ... Не то что говорить — думать избѣгаемъ «о немъ»: авось и «онъ» насъ позабудетъ! Оленей

съ глазъ не спускаемъ, идемъ куда они идутъ, какъ чукчи, ночуя среди стада. Такъ прошло нѣкоторое время. Уже жена стала улыбаться и я самъ подумывалъ, что все будетъ хорошо, что немногое современемъ умножится, какъ вдругъ опять, какъ тогда, разбудило меня безпокойство сердца. Какъ тогда сіялъ мѣсяцъ и было кругомъ свѣтло и тихо. Олени, собравшись въ кучу, спали въ снѣгахъ. Кругомъ отъ утесовъ ложились тѣни; только одна тѣнь не отъ камней, а сама по себѣ одиноко висѣла въ воздухѣ...

— Охъ!..

— Я выползъ осторожно съ постели, зарядилъ ружье и, не одѣваясь, нагой сталъ скрадывать «его». «Онъ» не замѣтилъ меня и, стоя на камняхъ, глядѣлъ на мое добро. Только, когда въ торопяхъ, становя сошки, я чуть зашумѣлъ, «онъ» обернулся и устремилъ на меня свои огненные глаза. Я выстрѣлилъ туда межъ нихъ... Что затѣмъ случилось—не знаю. Не знаю ударилъ-ли онъ меня, или дыханіемъ обвѣялъ, только пролетѣло мимо меня что-то, точно буря. Когда я очнулся, у меня не было больше оленей... Тумара былъ бѣденъ.

Разсказчикъ умолкъ, махнулъ рукой, вскочилъ на ноги и остановился въ кругу слушателей съ головой, опущенной на грудь, съ выраженіемъ скорби въ чертахъ.

Болѣе молодые изъ присутствующихъ тоже поднялись. Только старики не тронулись съ мѣста, и уставившись глазами въ тунгуса, ждали продолженія.

— «Ну и чтожъ?!.»

Тумара поднялъ голову, открылъ ротъ и вдругъ въ тотъ мигъ, когда взоръ его скользнулъ въ даль за предѣлы круга сидящихъ, на лицѣ его выразилось недоумѣніе, губы задрожали, а изъ глазъ покатились слезы.

Всѣ сію-же минуту обернулись туда, куда онъ смотрѣлъ. Тамъ, облокотившись на горбъ бѣло-молочнаго оленя, стоялъ старый, сѣдоволосый тунгусъ, въ старинномъ, узорчатомъ національномъ платьи. Сзади за нимъ, придерживая въ поводу верховаго оленя, стоялъ похожій на него лицомъ и одеждой юноша.

Сельтичанъ!.. воскликнули всѣ, увидѣвъ ихъ, — наконецъ-то ты пріѣхалъ, отецъ нашъ!.. А мы думали, что ты покинулъ насъ гибнущихъ! Что новаго? Что слышалъ и видѣлъ ты за хребтомъ? Что подѣлы-

ваютъ люди Мемель? Живутъ ли еще или, какъ мы, послѣднимъ дышутъ дыханіемъ? Что ты намѣренъ дѣлать, господинъ нашъ? Приходишь одинъ или съ народомъ? Возвратишься-ли въ горы, иль уйдешь къ морю?..» спрашивали прибывшихъ.

Сельтичанъ отдалъ сыну поводья, вошелъ въ кругъ и, поздоровавшись со всѣми пожатіемъ руки, сѣлъ около по-якутски одѣтаго князя. Тотъ торопливо уступилъ ему мѣсто. Затѣмъ старикъ вынулъ изъ кисета маленькую китайскую трубочку и медленно набилъ ее табакомъ.

Толпа притихла и опять разсѣлась кругомъ.

— Моръ перебрался за хребетъ два мѣсяца тому назадъ... началъ спокойно и серьезно старикъ. Мемель испуганные разбѣжались. Они направились къ морю, но пойдутъ другимъ путемъ, минуя мѣста гибели. Сюда нечего ихъ ждать. А мой обозъ будетъ къ вечеру...

— О Сельтичанъ, кто сомнѣвался, что ты придешь. Ты умный, ты смѣлый, ты, мы знаемъ, ничего не боишься... повторялъ нараспѣвъ князь, протягивая руку къ дымящейся трубочкѣ сосѣда. Тѣнь промелькнула по лицу старика.

— Никто не уйдетъ передъ судьбой... холодно отвѣтилъ онъ.

— Успѣхъ твой — удѣлъ твой, о Сельтичанъ! Богъ любитъ тебя... Развѣ не правда? развѣ кругомъ не гибнутъ стада, а у тебя палъ хотя-бы маленькій сосунчикъ?..

Опять тѣнь промелькнула по лицу старика.

«Богъ любитъ тебя, Сельтичанъ!» повторялъ, вздыхая, князь.

— Богъ любитъ меня, потому что блюду старинные обычаи. — Добро мое не отъ слезъ человѣческихъ, а отъ горъ, отъ камней, отъ лѣсу и воды... отвѣтилъ сухо старикъ.

— Истинно! И рука твоя всегда была щедрая... подхватили присутствующіе. Въ дни гибели ты поддерживалъ народъ свой! Ты надѣлялъ лишенныхъ завтрашняго дня...

— Кому-же помогать, если не тебѣ? Что могу дать, напримѣръ, я, имѣющій товары и должниковъ? Долги подарю-ли я въ этотъ тяжелый годъ? Чтожъ, я не прочь... вѣдь и я тунгусъ!.. А только кого накормятъ кислые долги? Они, думаю, не родятъ оленей!..—вставилъ, хихикая, князь

— Это правда: погибнемъ безъ тебя, Сельтичанъ!.. У кого возьмемъ? У кого есть стада многочисленнѣе твоихъ? У кого сердце лучше? Чей родъ изстари знаменитый и богатый? Чьи сыновья — стрѣлки, удачливые промышленники? Чьи дочери растутъ, привлекая глаза нашихъ юношей?.. Развѣ ты не первый изъ насъ? Кто не страдалъ? Кто не боялся? Кто никогда не лгалъ, не обманывалъ, какъ мы, ползающіе передъ судьбою? Это ты, Сельтичанъ, и куда обратимся, если ты не пожалѣешь насъ... неслось наперерывъ отовсюду.

— Богъ свидѣтель: подѣлюсь съ вами!— За тѣмъ и прихожу сюда... отвѣтилъ въ волненіи старикъ.

— Тумара!.. Тумара!.. кричалъ между тѣмъ князь, разыскивая разсказчика, ты продолжай! Увидишь, Сельтичанъ, что будетъ дальше...

Опять воцарилась тишина. Тумара, сидящій въ первомъ кругу вѣчующихъ, правой рукой провелъ по правому уху и, помолчавъ, началъ:

— Я сказалъ, какъ лишенные оленей, навьючивъ на собственныя спины добро и дѣтей, мы повернули къ долинамъ. Дѣти хворали отъ гнилого мяса и вскорѣ

умерли. Мы сами тоже отъ этой пищи ослабѣли. Но, въ то время, что можетъ найти охотникъ въ гольцахъ?.

— Правда!..

— Вскорѣ совсѣмъ пищи не стало. Съѣли мы всѣ наши запасы, съѣли кожанные мѣшки, старые ремни, засаленные передники женщинъ. Не осталось ни крошки, содержащей сокъ. Мы, блуждающіе въ горахъ, развѣ незнакомы съ голодомъ? А развѣ среди промышленниковъ Тумара былъ послѣднимъ?

— Онъ былъ первымъ! — согласились слушатели.

— «Но тутъ случилось другое... Было насъ много, а осталось насъ четверо: я, жена, сынъ да дѣвка. Мы шли, жаждущіе человѣческаго лица... Всюду въ извѣстныхъ мѣстахъ, въ старинныхъ стойбищахъ побывали мы и всюду находили остывшіе камни огней... Люди разбѣжались, гонимые опасеніемъ. Мы, дальше уходя, еще больше удалились отъ нихъ... Когда, спускаясь съ горнаго перевала, убѣждались мы, что жерди далекихъ палатокъ не одѣты кожей — силы покидали насъ... И все-таки мы шли,—искали: неохота человѣку прекратить теплое дыханіе, умереть въ снѣ-

гахъ, не сказавъ никому про судьбу. Разгребая влажную золу холодныхъ костровъ, роясь въ сметьѣ и отбросахъ стойбищъ, мы отыскивали крохи пищи. Огрызая недоѣденныя собаками кости, мы разжигали голодъ. Наконецъ, пришло время, когда мы не могли видѣть вблизи тѣлъ собственныхъ дѣтей, полныхъ крови, и не дрожать. «Тумара, пусть умретъ дѣвка для сохраненія родителей!» сказала наконецъ жена. Жалко было ребенка, онъ глядѣлъ на насъ, не понимая. «Тальо», говоритъ ей мать, «по стариннымъ обычаямъ, дочь умираетъ, когда гибнетъ родъ!..»

— Правильно! согласились слушатели.

— Выйди Тальо изъ палатки умыться въ снѣгахъ и взглянуть передъ смертью на міръ божій!..» Дѣвка поняла и отпрыгнула прочь, но ее удержали. Тогда стала просить съ плачемъ: «Подождите до вечера: можетъ быть богъ пошлетъ добычу... Я хочу жить... я боюсь!..» И мы ждали, наблюдая. Часто выходила дѣвочка за двери и, прикрывши глаза ладонью осматривала лѣсъ, а всякій разъ вмѣстѣ съ нею выходила мать, спрятавъ въ рукавѣ ножъ... Уже темнѣло. Часто выходила дѣвочка и все

дольше стояла у порога, а я лежалъ въ тѣни, выжидая. Вдругъ слышу снаружи крикъ и сердце прыгнуло мнѣ въ глотку. Входитъ жена, качаясь, точно пьяная, съ ножемъ въ рукахъ... «Убила?» «Нѣтъ, Тумара, богъ милостивъ», говоритъ, «звѣрь идетъ лѣсомъ на двойной отсюда выстрѣлъ!» Я зажалъ ей ротъ, чтобы плакать не смѣла, и съ сыномъ выскочилъ за двери. Передъ палаткой сидѣла на землѣ дѣвка, протягивая впередъ руки, а недалеко въ лѣсу, правда, стоялъ звѣрь...

— Стоялъ звѣрь... повторила толпа.

— Развѣ для промышленника трудно убить запягаго ѣдой звѣря? Но члены мои высохли отъ голода, но жилы мои ослабѣли отъ мученій и, скрадывая добычу, я чуть держалъ ружье въ трясущихся костяхъ. Когда пораженный пулей звѣрь прыгнулъ въ кусты, мы бросились за нимъ, точно волки... И вотъ: богъ помогъ—остались въ живыхъ, чтобы завтра умереть...

Тумара умолкъ, повѣсилъ голову и опять правою рукою погладилъ правое ухо. Окружающіе молчали. И казалось имъ, что слышатъ они въ этотъ мигъ напряженнаго вниманія плескъ каждой отдѣльной волны

въ рѣкѣ, стукъ каждой отдѣльной вѣтки въ колеблемомъ вѣтромъ лѣсу. Вдругъ среди этихъ однообразныхъ звуковъ пронесся звукъ отличный, заставившій всѣ лица просіять. Всѣ повернули головы туда, откуда онъ прилетѣлъ.

Міорэ, молодой сынъ Сельтичана, нагнулся къ отцу и шепнулъ:

— Отецъ, наши идутъ!..

— Да—идутъ!..

Дѣйствительно: это шелъ обозъ.

Старики остались на мѣстѣ, но молодежь мало-помалу покинула кругъ и собралась на краю рощи, откуда лучше былъ видѣнъ отрядъ, уже появившійся въ скалистыхъ воротахъ долины.

Впереди, верхомъ на темно-рыжемъ оленѣ, ѣхала молодая дѣвушка. Ея богато украшенное серебромъ платье указывало, что она холена и любима въ семьѣ. Въ рукахъ держала она «копье—пальму»; распущенные волоса ея сдерживала на головѣ вышитая цвѣтными бусами и корольками діадема. Она очищала путь каравану, обрубая среди нависшихъ надъ тропою вѣтвей и сучковъ тѣ, которые могли задѣть за вьюки или платье ѣдущихъ. Когда

она подымала оружье, лучи солнца зажигали на его лезвіи пламенный отблескъ, который точно блуждающій огонекъ, носился нѣкоторое время надъ ея головою, плавалъ съ боку рядомъ съ серебряными украшеніями, покрывающими ея грудь, пока брошенный умѣлой рукой не потухалъ въ зелени кустовъ.

— Хока!.. Хогай!..— вскрикивала всякій разъ восхищенная молодежь. Около дѣвушки кружились два черныхъ пса, которые поминутно то выскакивали далеко впередъ, то останавливались и возвращались, высматривая, обнюхивая и не оставляя ничего безъ вниманія. Позади дѣвушки тянулась длинная вереница навьюченныхъ оленей. На нѣкоторыхъ сидѣли люди:—молодыя и старыя женщины, подростки, наконецъ, дѣти, привязанныя къ горбамъ животныхъ поверхъ вьюковъ—зашитыя въ мѣха, толстыя, жирныя, неподвижныя, точно домашніе боги.

Въ самомъ хвостѣ каравана два вооруженныхъ промышленника при помощи собакъ гнали стадо запасныхъ необученныхъ животныхъ и самокъ съ телятами.

Шумъ, гамъ, топотъ, тревожныя похрю-

киванія оленьихъ матокъ, отыскивающихъ отставшихъ дѣтенышей, брящаніе бубенчиковъ и колокольчиковъ, подвязанныхъ къ шеямъ передовыхъ животныхъ, возгласы людей, перекликающихся между собою или призывающихъ къ порядку стадо, все это, повторенное отголоскомъ долины, сливалось въ ушахъ слушателей въ знакомую пѣсню довольства и богатства привольной кочевой жизни. Глаза ихъ разгорѣлись и они не могли уже сдержать возгласовъ удивленія или порицанія, вызываемыхъ образами и лицами, проходящими мимо, точно цвѣтныя, летучія тѣни.

— А вотъ старуха Ніоренъ!..

— Славная старуха!..

— Такими бывали раньше тунгускія женщины...

— Сказываютъ...

— Посмотрите, какъ ловко оленемъ правитъ...

— Еще-бы... Говорятъ родила недавно Сельтичану сына—это лучше...

— Ничего лучшаго не вижу—жена Маянтылана еще старше, а родила...

— Молчите, вотъ Саля, невѣстка старика, про которую складывали пѣсни...

— Развѣ она и теперь ихъ не стоитъ!..

— И то правда...

— Болтайте, болтайте: услышитъ Міорэ—онъ вамъ задастъ!..

Что-же онъ намъ сдѣлаетъ? Мы его не боимся!

— Смотрите, смотрите: Лаубзаль!.. Упадетъ.

— Правда! — олень диковатый!.. Напрасно посадили мальчика...

— Молодецъ мальчуганъ — увидите: будетъ онъ у старика лучшій...

— А Чунъ—Мэ?

— Мцы!.. Чунъ-Мэ... Чунъ-Мэ... — со вздохомъ проговорили нѣкоторые, вспоминая красавицу съ пламеннымъ клинкомъ надъ головою.

— Слышно, — князь сватать ее намѣренъ для сына...

— Эхъ! не дастъ старикъ любимой дочери князю, не отдастъ...

Когда проѣзжалъ старшій сынъ Сельтичана, извѣстный промышленникъ и стрѣлокъ, прозываемый «Оглескъ льдовъ», разговаривающіе почтительно умолкли. Наконецъ, исчезъ въ далекой рощѣ послѣд-

ній олень каравана и лѣсъ сомкнулъ за ними свои колышущіяся вѣтки.

Сельтичанъ поднялся и, попрощавшись съ присутствующими легкимъ кивкомъ головы, уѣхалъ. Это значило, что онъ вскорѣ ждетъ всѣхъ къ себѣ.

Вечеромъ кругомъ только что разбитой палатки старика собралось много народа, собрались почти всѣ временные жители долины. Хозяинъ приказалъ заколоть нѣсколько оленей и началось угощеніе. Затѣмъ гости, сытые послѣ продолжительнаго поста, даже пьяные отъ необычнаго количества поглощеннаго жира и мяса, съ безпечностью истыхъ тунгусовъ, позабыли горе и взявшись за руки танцовали весело напѣвая, тунгуское «ладо»:

— «Хугой—хэгый! хэгый—хыйра!
Хыйра—хумгой! Хумгой—хока!
Хока—эхандо!—харга!..
Хорга—чоо...о...ча!..»

Глядя на веселящихся, и старики у огня равномѣрно — плавно колыхали тѣлами, повторяя:

— Хугой—хэгый!.. Хака—чоо!..

— Какъ думаешь, Ольтунгаба, авось, Богъ дасть, пройдетъ годъ испытанія и возвратится веселіе среди горъ?..—обратился Сельтичанъ къ одному изъ гостей, какъ мѣдь темному, какъ горный лишай морщинистому старику.

— Сельтичанъ, жизнь наша — точно тѣнь, брошенная на воду!—отвѣтилъ загадочно тотъ.

На завтра по утру жители долины поднялись въ необыкновенно торжественномъ настроеніи. День обѣщалъ быть богатымъ на происшествія. Погода стояла прелестная, небо -прозрачное, безоблачное, точно бирюза. Когда собравшіеся на совѣтъ разсѣлись по мѣстамъ: старики и почетные члены родовъ—впереди, младшіе—позади, а еще дальше, внѣ круга—дѣти и женщины, въ середину вошелъ, послѣ многократныхъ упрашиваній, Ольтунгаба и, кланяясь, сказалъ:

— И такъ, не внимая къ моей старости, требуете?..

— Къ кому-же обратимся?..

— Есть волхвы молодые, могущественные...

— Ольтунгаба, заступникъ нашъ! Кто по-

смѣетъ шаманить въ твоемъ присутствіи?..— послышались въ кругу голоса.

Старикъ молчалъ, исподлобья глядя на волнующуюся толпу.

— «Ты колеблешься, а для многихъ послѣдній наступаетъ день!..

— Не о себѣ думаю, а помню старинные обычаи... Что скажетъ языкъ мой? Трудный день требуетъ труднаго, тяжелый день—тяжелаго... И зачѣмъ попусту тревожить опасное?!. Если не окажется мужественный, развѣ не умру я?!.

— Все равно — погибнемъ всѣ!.. Вѣдь ты желаешь намъ добра, Ольтунгаба?.. Мы рѣшили!..»

— Такъ и быть! — согласился, наконецъ, послѣ нѣкотораго раздумья, волхвъ.

Два самыхъ извѣстныхъ ворожея подали ему волшебный кафтанъ, съ длинной бахрамой и множествомъ металлическихъ эмблемъ и бубенцовъ. Распустили сѣдую косичку старика и надѣли ему на голову желѣзную рогатую корону. Между тѣмъ пожилой тунгусъ, пажъ волхва, сушилъ у огня бубенъ. Когда инструментъ достаточно подсохъ и натянулся, сушившій ударомъ колотушки попробовалъ его упру-

гость. Мрачный, знакомый гулъ покатился по долинѣ, прекращая разговоры. Тогда по серединѣ круга положили бѣлую оленью кожу головой на югъ, старикъ усѣлся на ней, закурилъ трубку и, глотая дымъ, запивалъ его холодной водой. Остатки воды выбрызнулъ на всѣ четыре стороны и затѣмъ замеръ неподвижно, повернувшись лицомъ къ солнцу. Долго сидѣлъ онъ, опустивъ голову и устремивъ взглядъ изъ подъ нависшихъ волосъ на ослѣпительно-бѣлыя вершины горъ. Наконецъ, легкая дрожь пробѣжала по его тѣлу и онъ болѣзненно, принужденно икнулъ. Дрожь и икота, постепенно усиливаясь, превратились въ настоящія, полу-поддѣльныя, полу-дѣйствительныя судорги и стоны. Въ кругу послышались вопли. Какая-то старуха упала, извиваясь въ корчахъ. Къ довершенію впечатлѣнія, въ то-же время недалеко отъ шамана на землѣ появилась летучая черная тѣнь и орелъ зарѣялъ между нимъ и солнцемъ. Пронзительный крикъ прорѣзалъ воздухъ. Толпа пошатнулась, подобно травѣ, обвѣянной порывомъ вѣтра. Кто кричалъ—шаманъ или орелъ? такъ и осталось неизвѣстнымъ.

— Не хорошо, не хорошо!.. шептали кругомъ.

— Тише!..

Раздался мощный, унылый громъ барабана и послѣ нѣсколькихъ ударовъ птица улетѣла.

Опять надолго воцарилась тишина и спокойствіе, нарушаемыя только невнятнымъ бормотаніемъ шамана. Затѣмъ издали, какъ-будто изъ далекаго лѣса, изъ глубины ущелій, сталъ долетать мелодическій хоръ побрякушекъ, похожій то на жужжаніе пчелинаго роя, то на чириканіе перекликающихся птицъ. Это Ольтунгаба игралъ бубенцами. Звукъ росъ, крѣпчалъ, приближался, превращаясь въ шумъ водопада, въ гулъ непогоды, бьющей струями дождя; къ нему всё чаще и чаще примѣшивались глухіе, одинокіе мрачные вздохи. Наконецъ, поднятый вверхъ, неистово потрясаемый, подбрасываемый и обсыпанный ливнемъ ударовъ бубенъ заревѣлъ, точно стая хищниковъ, увидѣвшихъ добычу. Длилось это мгновеніе, затѣмъ инструментъ, мастерскимъ движеніемъ брошенный на мягкую кожу, умолкъ, хотя не переставалъ дрожать.

— О, Гольоронъ!.. простоналъ волхвъ, закрывая лицо руками.

И опять тишина, перерываемая только икотой, позѣвываніемъ и невнятнымъ бормотаніемъ кудесника и та-же музыка, и тѣ-же вздохи и стоны. Разнообразятъ ихъ только голоса птицъ: кукушки, ворона, ястреба, орловъ и чаекъ... Всѣ онѣ въ перемежку съ чудодѣйственными, никому непонятными заклинаніями, кричатъ и галдятъ, точно во очію увидѣли что-то грозное и спѣшатъ увѣдомить объ этомъ своихъ господъ, живущихъ высоко въ воздушномъ мірѣ. Заклинанія мало-по-малу дѣлаются осмысленнѣе, фразы—связнѣе и вотъ волхвъ проговариваетъ первую отрывистую строфу гимна:

— Слышите-ли вы шумъ отъ моря!..

— О, да!.. подхватываетъ пажъ.

— Я, стоящій впереди творенія!..

— Истинно! соглашается пажъ.

— Я среди избранныхъ первый!..

— Правда!.. поддакиваетъ пажъ.

— Пусть прійдутъ горящіе, точно дискъ солнца!..

— Пусть прійдутъ!..

— Онъ самъ подобенъ тучѣ... Огнен-

ный воронъ летитъ передъ нимъ... Дитя загадки...

— Дитя загадки!..

— Я, сынъ твой...Я, ничтожный, попирающій землю стопами, умоляю тебя...

— Истинно умоляю!..

— Помоги слабому сердцу пройти трудный путь!..

— О такъ!..

— Мой бубенъ—мой пѣстунъ, а вѣтеръ—мои крылья!..

— Правда!..

— Направляюсь къ вамъ, окруженный вѣнкомъ крылатыхъ и безпокойныхъ...

— Крылатыхъ и безпокойныхъ...

— Клювы ихъ разинуты—гортани напружены...

— Напружены...

— И стонутъ горы, и содрагается печень земли...

— О!..

— А я все иду, робкій, но неудержимый!..

— Истинно!..

— Защитникъ мой,— господинъ мой, взываю къ тебѣ...

— Хорошо...

— Развѣ я не изъ страдающаго народа?..

— Мало-ли?!.

— Мощный, помоги!.. Гнѣвный, защити!.. Грозный, сохрани!..

— Просимъ!..

— Если, блуждая, ошибусь—не дай уйти по бездорожію!..

— Ладно!..

— Защищая отступленіе, веди меня...

— Идемъ!..

Старикъ поднялся и, все болѣе и болѣе оживляясь, сталъ плясать. Пляска изображала путь. Кудесникъ въ причудливыхъ выраженіяхъ описывалъ встрѣчаемыя препятствія и пояснялъ ихъ жестами. Пажъ все вторилъ, идя за старикомъ и поддерживая его по временамъ за локоть. Наконецъ они у цѣли, у предѣла. Торжественный, спокойный,—волхвъ поднялъ умолкнувшій бубенъ къ небу и запѣлъ:

— Ты, змѣевидный Этыгаръ, живущій въ краяхъ подземныхъ, властвующій надъ повѣтріемъ, болѣзнями, и самою смерью...

— Ты, Этыгаръ!..

— И ты, Ияны, похожій на человѣка съ огромными крыльями, ты охраняющій отъ гибели стада...

— Ияны!..

— И ты, Аркунга, обладающій силой прорицанія...

— И ты, Номандай, ужасный крикъ котораго леденитъ сердца...

— И ты съ желѣзными перьями, Іавадабаки!..

— И ты, котораго узнаемъ только по тѣни!..

— Спрашиваю васъ, что нужно вамъ и какая гнѣву причина?..

— Уймите подвластныхъ вамъ, сократите преслѣдованія ваши! Развѣ не видите, что погибаемъ, а погибнувши, кто принесетъ вамъ жертвы.

— Очень нужно!..

— Иду къ вамъ, путаясь въ длинномъ платьи, беззащитный! Годы согнули мою спину; — широко раскрытые зрачки — не видятъ.

— Правда!.. опять подхватилъ пажъ, который умолкъ, не смѣя повторять всѣхъ грозныхъ заклинаній.

— Зачѣмъ смотрите жадными глазами на наши палатки?

— Идучи къ морю и возвращаясь отъ моря кочуемъ...

— Истинно!..

— Вы любите черныхъ оленей, вы любите пестрыхъ оленей... Развѣ они перестали вамъ нравиться...

— Неужели?

— Ха! ха! ха!.. Развлекаясь забыли вы насъ—веселясь миновали насъ...

— Иль желаете дорогихъ мѣховъ, серебра, стеклянныхъ украшеній, цвѣтныхъ суконъ, сладкихъ пряниковъ, водки?..

— Что за прелесть!.. причмокивалъ пажъ...

— Дуракъ: развѣ это много для могущихъ взять все?..

— Такъ изберите среди насъ дѣвушку, непознавшую мужа, мы наложимъ на нее имя, и ни одинъ юноша не коснется ея...

Молчаніе.

— Огненный Гольоронъ, пролети Гольоронъ надъ землею, вѣщая...

Молчаніе. Затѣмъ среди громовыхъ ударовъ бубна раздались отчетливо грозныя, какъ-бы издали несущіяся слова:

— Собакамъ даютъ излишекъ! Пусть народъ докажетъ покорность, человѣкъ—повиновеніе. Иначе: да погибнутъ подобно утреннему туману!..

— Охъ!.. Что-же дать можемъ мы, ничего неимущіе?..

— Такъ я скажу вамъ, какъ бывало: пусть кто гордъ, кто богатъ, чьи сыновья—стрѣлы летящіе, дочери красавицы; кого всѣ любятъ, чья мысль ласкова, чьи совѣты мудры, чье сердце мужественно, рука щедра, душа доброжелательна... Мы хотимъ посмотрѣть страхъ ужаса, блѣдность лица, слезы безповоротнаго прощанія...

Ольтунгаба умолкъ и опустилъ бубенъ.

— Нѣтъ, добавилъ онъ, подумавъ,—имени я не скажу... Будутъ говорить: Ольтунгаба завистливъ, а развѣ нужна мнѣ кровь человѣка?.. Что нужно волхву, кромѣ бубна? Я сказалъ все...

Онъ вяло исполнилъ остальную часть обряда и угрюмый, истощенный, занялъ мѣсто въ кругу зрителей. Ему и болѣе почетнымъ гостямъ подали чаю, а для другихъ, не медля, молодежь стала бить и свѣжевать оленей и ставить на огонь котлы. Незамѣтно, однако, было того оживленія и веселости, какія всегда сопутствуютъ въ тунгускихъ стойбищахъ подобнымъ дѣламъ. Присутствующіе сдержанно обмѣнивались словами, понижая голосъ до шопота. Съ

семьей Сельтичана обращались какъ-то особенно учтиво, а на старика избѣгали даже глядѣть.

Между тѣмъ самъ Сельтичанъ сидѣлъ, какъ всегда, спокойный и привѣтливый, будто ничего не замѣтилъ. Онъ пробовалъ даже завязать разговоръ съ Ольтунгаба, но волхвъ угрюмо молчалъ. Тогда Сельтичанъ громко сталъ разсказывать, какъ жилось въ этомъ году за хребтомъ. Онъ вспоминалъ разные охотничіе анекдоты и передавалъ ихъ до того остроумно и мило, что вскорѣ крогомъ него столпились люди съ смѣющимися лицами. Только любимый сынъ его Міорэ, стоя сзади отца, мрачно глядѣлъ на окружающихъ.

Мало-по-малу водворилось обычное передъ ѣдой настроеніе. Когда-же вынули изъ котловъ ароматные куски жирной оленины, то въ заботахъ о посудѣ и размѣщеніи потонули безслѣдно остатки печали.

Тогда только на мгновеніе затуманился, покинутый слушателями, Сельтичанъ. Міорэ, внимательно наблюдавшій за отцомъ, еще больше нахмурился.

— Непремѣнно, вижу, хотите съѣсть старика... не вытерпѣлъ юноша и, улучивъ

минуту, сказалъ въ сердцахъ проходящему мимо Ольтунгаба. Тотъ съ удивленіемъ и гнѣвомъ взглянулъ на него.

— Ты молодъ и опромѣтчивъ...

— Ну, ладно—не бывать этому!.. отвѣтилъ охотникъ и, тряхнувъ головою, отошелъ въ сторону.

Этотъ короткій разговоръ не ускользнулъ отъ вниманія присутствующихъ и вызвалъ по закоулкамъ разнообразные толки и замѣчанія.

Между тѣмъ Сельтичанъ опять сталъ подъ конецъ пиршества привѣтливъ, какъ подобаетъ человѣку, угощающему другихъ, не считая убыли, отъ всего сердца.

Но, возвратившись къ себѣ въ палатку, онъ не скрывалъ заботы и задумчивый сидѣлъ передъ огнемъ, не замѣчая даже куска мяса, положеннаго передъ нимъ женою на ужинъ.

— Ѣшь, Сельтичанъ!.. Не грусти, господинъ нашъ: мы вѣрные рабы твои...— проговорила наконецъ та, трогая мужа за плечо.

Старикъ пытливо взглянулъ на семью, любовно и преданно глядящую на него, и улыбнулся. Поѣлъ онъ плотно и съ удо-

вольствіемъ, потому что нѣтъ въ жизни происшествій, способныхъ, по мнѣнію тунгусовъ, лишить жирную оленину ея привлекательности.

Утромъ онъ проснулся раньше другихъ. Не разжигая потухшаго огня и чуть-ли не впервые съ тѣхъ поръ, какъ сталъ хозяиномъ, не тревожа спящихъ, онъ осторожно выползъ изъ палатки. Солнце не взошло еще надъ хребтами, но уже свѣтило надъ землею гдѣ-то тамъ за ними. Заря уже исчезла, сводъ неба уже былъ полонъ дневнаго сіянія, на горныхъ снѣгахъ мѣстами, среди нѣжныхъ голубыхъ тѣней впадинъ, обозначились уже тонкіе, золотистые прожилки блестящихъ граней. А между тѣмъ внизу, въ долинѣ, всё еще спало: спалъ лѣсъ, подернутый туманомъ, спали усталые люди, спали огни, чуть дымившіеся въ притихшихъ стойбищахъ, спали олени въ рощахъ, лежа на мхахъ и пережевывая вечернюю жвачку. Только рокотала рѣка да изрѣдка перекликались горныя куропатки, взлетая съ покрытыхъ росою ночевокъ па обсыхающія вершины лиственницъ.

Старикъ долго и внимательно осматривалъ знакомую долину. Вдругъ вздрогнулъ:

вдали передъ одной изъ палатокъ тоже стоялъ человѣкъ и тоже, казалось, осматривалъ окрестности. Зоркій глазъ Сельтичана узналъ Ольтунгаба, а палатка принадлежала князю. Старикъ нахмурился и вошелъ въ домъ.

— Вставайте дѣти! Эй! Чунъ-Мэ: разти огонь! Довольно вамъ спать въ день такой!

Всѣ поднялись и засуетились, охваченные тревогою. Старикъ съ наслажденіемъ наблюдалъ, какъ искони заведенный порядокъ распредѣлялъ безъ словъ между присутствующими занятія: женщины ставили на огонь чайники и котлы, выносили на дворъ постели, мужчины осматривали ремни и оружье, собираясь уйти въ лѣсъ провѣрять стада. Суета улеглась, когда подали чай. Чинно усѣлась семья кругомъ деревянной доски, употребляемой вмѣсто стола. Хозяинъ молчалъ и никто не смѣлъ говорить, но всѣ, не исключая старой Міоренъ, волновались. Молодыя женщины и дѣвушки съ дикой тревогой посматривали на старика и присутствующихъ мужчинъ, Міорэ гнѣвно хмурился, а «Отблескъ Льдовъ» почтительно, но съ примѣсью любопытства,

взглядывалъ на отца. Тотъ, напившись чаю, обстоятельно закусивши и выкуривъ трубку, сказалъ, наконецъ, младшему сыну:

— Иди, парень, по людямъ!..

Міорэ не двинулся съ мѣста.

— Слышишь!..

Только послѣ вторичнаго грознаго оклика юноша поднялся и сталъ застегивать сг[illegible]у, но вмѣсто того, чтобъ выйти, онъ вдругъ повалился въ ноги отцу:

— Ты рѣшилъ... ты рѣшилъ!.. О, отецъ, не покидай насъ!.. Сородичи не согласны... Я вчера говорилъ съ юношами: пусть сдохнутъ всѣ наши олени, — мы жить будемъ промысломъ, говорятъ... А если ужъ такъ хотятъ непремѣнно, такъ... пусть зарѣжутъ жирнаго князя!..

— Ты глупъ, дитя мое!.. — улыбнулся старикъ.—Еще неизвѣстно, что сдѣлаю; я хочу увидѣть народъ... Иди, говорю тебѣ!

— Господинъ нашъ! зачѣмъ обманывать надеждами?..

— Не болтайте—я сказалъ!..

— Насъ тогда не отпустятъ — лучше уйдемъ тайкомъ!..

— Я сказалъ!.. — повторялъ упрямо старикъ.

— Отецъ, уйдемъ, уйдемъ отецъ!..— просили, протягивая къ нему руки, но старикъ ударомъ ноги въ грудь отбросилъ отъ себя самаго назойливаго, Міоро, и закричалъ:

— Проклятое вороньё—перестаньте клевать мое сердце!..

— Правильно, — согласился «Отблескъ Льдовъ», до сихъ поръ угрюмо молчавшій,— зачѣмъ, Міоре, не слушаешь, когда отецъ приказываетъ?!

Парень, который какъ упалъ, такъ и лежалъ и плакалъ, молча поднялся и вышелъ изъ палатки.

Опять собрался на полянѣ у столба народъ. Собрались всѣ отъ мала до велика. Вооруженные, разодѣтые въ лучшія платья, разсѣлись кучками по родамъ, блистая на солнцѣ свѣтлыми украшеніями, щеголяя узорчатыми мѣховыми одеждами, отороченными длинной пушистой бахромой. Пировали—боролись, не подавая виду, зачѣмъ собрались. Родъ Сельтичана отличался среди прочихъ доброкачественностью оружья, богатствомъ нарядовъ, силой и ловкостью,

гордымъ, независимымъ видомъ. Сидя немного впереди своихъ, старикъ зорко наблюдалъ за всѣмъ.

— Ослабѣлъ народъ, отощалъ...—говорилъ онъ по временамъ окружающимъ.— Таково-ли было колѣно Тумара? Гдѣ Лелієль, неуступающіе въ доблести нашему роду? Гдѣ Илькэнъ?..

— Когда ты уйдешь, и мы разсѣемся и ослабѣемъ,—отвѣчали ему сородичи.

— Послѣ меня останется «Отблескъ Льдовъ»—не сынъ мой, а другъ мой...

Тускнѣли лица родовичей Сельтичана и старикъ, глядя на нихъ, медлилъ.

Между тѣмъ народъ всё болѣе волновался; носились какіе-то страшные, глухіе толки. Само собою случилось такъ, что родъ Сельтичана обособился. Къ нимъ никто не подходилъ, и разговоры умолкали при ихъ приближеніи; только Міорэ и еще нѣсколько юношей, не смущаясь, сновали съ таинственнымъ видомъ взадъ и впередъ среди вѣчующихъ. Вечеромъ люди разошлись, но волненіе не улеглось, а бурлило по отдѣльнымъ стойбищамъ, и долго тунгусы жгли огни въ палаткахъ и разговаривали вполголоса, вздрагивая всякій разъ, когда не-

ожиданно являлся въ ихъ кругу кто-нибудь посторонній. Нѣкоторые молча точили клинки.

— Развѣ безъ происшествій умираетъ такой человѣкъ?!

На третій день явились всѣ въ полномъ вооруженіи. Многіе молодые воины захватили съ собою копья и, опираясь на нихъ, стояли внѣ круга. Совѣщаніе не было открыто, но надъ толпою неслось бурное жужжаніе страстныхъ, сдерживаемыхъ голосовъ. Глаза всѣхъ поминутно обращались на Сельтичана, который, особенно богато одѣтый, сидѣлъ въ кругу своихъ сородичей, одинъ только, среди тревожныхъ, совершенно спокойный и ясный.

— Неужели дозволимъ старику обмануть насъ?..—шептали.

— Неужели дозволимъ старику обмануть насъ?—спрашивалъ князь, переходя отъ группы къ группѣ.

— А что?—отвѣтили ему въ одной,— думаешь, легче тебѣ будетъ завладѣть дочкой, когда старика не станетъ? Не думай—не отдастъ тебѣ ея никогда «Отблескъ Льдовъ»... Не забудетъ онъ тебѣ этого дѣла!..

— Какого дѣла?! Пусть подохнутъ всѣ мои олени, пусть проживу до конца на одномъ мѣстѣ, какъ русскій въ деревянномъ дому, если это правда!.. горячился князь. — Ольтунгаба не такой человѣкъ!..

— Ольтунгаба пьётъ водку!..

Обвиняемый, озадаченный, не нашелся сразу отвѣтить.

— Дураки! разразился онъ наконецъ и, поглаживая оба уха, побѣжалъ къ другимъ жаловаться. Всё это еще больше усилило толки. Наконецъ, они проникли въ родъ Сельтичана и достигли Міорэ.

— Отецъ—тебя обманываютъ!.. заговорилъ страстно юноша, подходя къ старику. — Ты умрешь, а между тѣмъ всё это дѣло князя: онъ подкупилъ Ольтунгаба! Онъ думаетъ, что если тебя не будетъ, не будетъ равнаго ему среди насъ... Отецъ, умоляю тебя, встань спокойный и уйди... Палатки наши убраны, юноши готовы, олени засѣдланы—не успѣютъ оглянуться, какъ исчезнемъ въ горахъ... А если и замѣтятъ, то развѣ мы не дѣти твои?!

По лицу Сельтичана прошла тѣнь.

— Пусть судятъ Ольтунгаба, пусть судятъ! заговорилъ онъ въ волненіи.

— Ольтунгаба!.. Ольтунгаба!.. подхватили многочисленные голоса родичей Сельтичана.

— Ольтунгаба, Ольтунгаба!.. кричали всюду.

Угрюмый, темный какъ мѣдь, сѣдой какъ лунь старикъ вошелъ, нехотя, въ кругъ.

— Правда, что ты бралъ отъ князя подарки?.. Что ты въ угоду ему обманулъ насъ?.. продолжали кричать.

— Постойте: пусть говоритъ одинъ. Развѣ не видите, что у меня ушей пара, не помѣщаетъ сотню голосовъ?..

— Пусть говоритъ одинъ!—согласились.

Выборный, самый почётный родоначальникъ самаго могущественнаго рода, сталъ производить допросъ:

— Бралъ подарки?

— Какъ мнѣ не брать: развѣ я не живу отъ добраго сердца? Развѣ не давалъ мнѣ ихъ не разъ и Сельтичанъ, и ты? И князь давалъ, но не просилъ ни о чемъ и я не обѣщалъ ему ничего... Развѣ не грѣхъ даже думать... Развѣ можно сказать подобное... Стыдно вамъ!.. Спросите людей...

Позвали свидѣтелей, вызвали князя, и

всѣ они стали смиренной кучкой въ грозномъ кругу. Но опросы не выяснили ничего, кромѣ того, что Ольтунгаба посѣщалъ палатку князя наравнѣ съ другими и пользовался—«отъ его щедротъ». Князь клялся, божился, поглаживалъ оба уха заразъ обѣими руками и чрезвычайно охотно, и чрезвычайно пространно разсказывалъ о своемъ безкорыстіи, о своихъ заслугахъ, о своемъ заступничествѣ въ интересахъ племени передъ властями, о своихъ жертвахъ преимущественно въ дѣлѣ уплаты податей. Ольтунгаба презрительно и односложно огрызался.

— Ты не вѣришь мнѣ, Сельтичанъ, обратился онъ наконецъ къ старику.—Ты забылъ, какъ любилъ и училъ я тебя юношу? Какъ помогалъ въ невзгодахъ? Какъ нѣкогда повѣдалъ я тебѣ о дальнихъ земляхъ, о старинныхъ преданіяхъ?.. Развѣ я не былъ сверстникомъ твоего отца? Развѣ не былъ съ нимъ друженъ еще въ то время, когда ты ползалъ ребёнкомъ? Затѣмъ, когда ты выросъ, развѣ я не гордился тобою, а ты не одобрялъ моихъ совѣтовъ? Кто былъ первый среди насъ промышленникъ и боецъ? Кто былъ мудрый и осторожный въ рѣ-

чахъ?!. Ты, Сельтичанъ, былъ всегда настоящимъ тунгусомъ—мы всѣ это знаемъ, а въ старину умирали развѣ худшіе? Клянусь тебѣ, старикъ, и тебѣ, весь народъ—я сказалъ сущую правду... Пусть лицо мое повернется на спину, пусть тѣло мое высохнетъ, какъ листъ табаку, пусть лопнутъ мои глаза и жилы станутъ слабы, какъ плохо ссученныя нитки, и... пусть рука моя горитъ, какъ горитъ сердце отъ обиды...

Тутъ Ольтунгаба рѣшительнымъ движеніемъ положилъ руку въ огонь костра. Пытка продолжалась мгновеніе. Всѣ вскочили, а Сельтичанъ, подойдя къ старику, оттолкнулъ его прочь

— Прости, Ольтунгаба, и вы простите, видѣвшіе... проговорилъ онъ взволнованно.— Грѣхъ думать нехорошо, уходя... А я уйду... я рѣшилъ, народъ мой... Я уйду приглашаемый... Развѣ не всё равно: я останусь—а вы уйдете?!. Гдѣ одно яйцо не гніётъ, а торчущій гусиныя перья развѣ не портитъ оружья? Какой человѣкъ безъ оленей—человѣкъ? Какой тунгусъ безъ тунгусовъ—тунгусъ? Я ухожу, но имя мое останется съ вами! —Вы оставайтесь!.. И пусть стада ваши умножатся... Пусть возмужаютъ дѣти

ваши... Пусть палатокъ вашихъ не минуетъ веселіе... Пусть въ котлахъ вашихъ не переводится пища, въ натрускахъ порохъ, а въ сердцахъ добродѣтель!.. Я ухожу, но мысли мои ласковы, подобно лучамъ заходящаго солнца... Я ухожу... Прощай, народъ мой... Прощайте!

Быстрымъ движеніемъ онъ сорвалъ съ груди узорчатый «далысъ» и вонзилъ въ себя ножъ по рукоять.

Мгновеніе стоялъ еще, глядя мёркнущими глазами, затѣмъ зашатался, покатился и упалъ. Народъ ахнулъ.

Ольтунгаба торопливо опустился на землю рядомъ съ умирающимъ, обнажилъ его, чуть колыхнущуюся, грудь и положивши на неё руку недалеко отъ раны, проговорилъ, обернувшись къ солнцу:

— О ты, всѣхъ выше стоящее божество!.. Помоги намъ—защити насъ... Не такіе мы ужь послѣдніе, мы, вскормившіе такое сердце!

— Мы, вскормившіе такое сердце!.. вскричала дружно толпа... Всѣ они, даже жирный князь, чувствовали въ этотъ мигъ, что сердца ихъ также горятъ и трепещутъ готовностью жертвы, какъ и то, которое стынуло подъ рукой Ольтунгаба.

— Таковы воины, — спустя нѣкоторое время прошепталъ волхвъ и бережно закрылъ оброненнымъ на землю «далысомъ» сведенное судорогой лицо покойнаго.

Иркутскъ, 2 марта 1893 года

Преданія.

1. Разбойникъ Маньчары.

«Маньчары» значитъ: болотная трава. Такъ называла его мать въ дѣтствѣ и имя это, по якутскому обычаю, осталось за нимъ навсегда. Онъ былъ крещеный, но какое его крещеное имя—не знаю. Знаю только, что былъ онъ изъ хорошаго рода, изъ богатаго дома. Родители его умерли рано и онъ жилъ у старшаго брата. Разъ Маньчары, играючи, сбросилъ у братовой жены съ головы платокъ. Это было при людяхъ и женщина разсердилась:

— Развѣ не знаешь, что я вѣнчаннал, что я жена человѣка?!.—сказала и пожаловалась мужу, когда тотъ пріѣхалъ.

Разсердился старшій братъ и ударилъ меньшаго рукой по спинѣ.

Маньчары промолчалъ, но ночью забралъ постель, топоръ, кремень и огниво и исчезъ. На другой день, по утру, увидѣли вдали столбъ дыма, не потухавшій два дня сряду — это горѣлъ огромный сорокасаженный стогъ сухаго, прошлогодняго сѣна, принадлежащій Маньчарову брату. Догадались, кто это сдѣлалъ, и въ досадѣ ударили руками по бедрамъ. Маньчары не возвратился больше.

Между тѣмъ сталъ у сосѣдей пропадать скотъ, стали изъ складовъ и амбаровъ теряться вещи. Маньчары былъ силенъ до невѣроятности, былъ быстръ до неуловимости, ловокъ —недотрога. Онъ бѣгалъ до того скоро, что всадникъ на конѣ не въ состояніи былъ его нагнать; онъ могъ прыжками уклоняться отъ стрѣлъ и пули, замѣтивши ихъ полётъ. Схвативши голову девяти-травнаго жеребца подъ мышки, онъ вёлъ животное куда хотѣлъ, точно годовалаго теленка. Взявши въ руки по ногѣ (стягу) мяса или узлу награбленнаго добра, онъ прыгалъ вдоль изгороди по верхушкамъ столбовъ, не оставляя слѣда на землѣ. Былъ онъ богатырь, былъ онъ силачъ, былъ непокорный и суровый. Людей

однако, не убивалъ. Онъ даже терпѣть не могъ убійцъ, говоря:

— Зачѣмъ, глупые, пожираютъ людей? Я ворую скотъ и добро, потому что завидую... (людямъ).

Долго онъ обижалъ народъ, уходя, скрываясь отъ преслѣдованія безнаказанно. Между прочимъ онъ увелъ женщину, жену человѣка почетнаго, — князя. Женщина была не красива собою, черная, маленькая, но, встрѣтивши ее въ лѣсу одну, собирающею ягоды, разбойникъ полюбилъ ее.

Она не хотѣла идти за нимъ, сопротивлялась. Тогда, онъ, проколовши у нея руку межъ костей повыше кисти, продѣлъ въ отверстіе ремень и увелъ, привязавши къ сѣдлу.

Черезъ эту женщину онъ и погибъ. Въ глухомъ лѣсу была у него землянка, гдѣ онъ жилъ съ своей полюбовницей. Разъ якутъ промышленникъ, отправившись ставить луки на лисицъ въ мѣстности отдаленной, мало извѣстной, въ глухой чащѣ, замѣтилъ дымокъ выползающій изъ земляной разщелины. Онъ догадался, что это значитъ и, запомнивши мѣсто, убѣжалъ поскорѣе домой. Тамъ разсказалъ, что ви-

дѣлъ. Собрались люди, вооружились и пошли ловить разбойника. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ жилъ, встрѣтили его женщину. Та разсказала имъ все, проливая слезы.

— Три года живу съ нимъ, не видя людей... Взялъ меня силой, пробивши руку...

Показала имъ шрамъ у кисти.

— Живемъ въ землянкѣ, имѣющей два выхода. Берегитесь!..

Люди осторожно окружили домъ; женщина вышла и говоритъ:

— Ычча! Что за холодъ!.. Какой сильный вѣтеръ дуетъ на дворѣ!..

— Не загадывай загадокъ, противная! Вижу наступаетъ мой день, пришла погибель изъ-за твоей длинной рубахи!.. закричалъ Маньчары и схватилъ пальму. Но людей уже былъ полный домъ,—люди были всюду.

— Если не станете ломать мнѣ рукъ и ногъ [1]), я сдамся. Если нѣтъ: буду васъ колоть!..

Якуты обѣщали и онъ, бросивъ оружіе, заложилъ руки за спину. Увели его и, за-

[1]) По преданіямъ, нѣкогда, якуты у военно-плѣнныхъ героевъ и вождей ломали правую руку и правую ногу.

ковавши въ цѣпи, посадили въ острогъ. Затѣмъ судили, наказали и увезли далеко.

Три раза уходилъ Маньчары.

Всѣ царскія печати, сколько ихъ ни есть, были у него выжжены на лбу. Дремучей тайгой, лѣсомъ — чащей пробирался онъ домой. Плывя внизъ по теченію рѣчекъ, въ дуплистыхъ пняхъ, передѣлываемыхъ имъ въ лодки, питаясь кореньями, — онъ шелъ—достигалъ. Сказываютъ, завидѣвши опять якутовъ, очутясь опять въ родной землѣ, онъ рыдая цѣловалъ её, катался по ней, хватая губами куски глины. А вѣдь твердый былъ Маньчары человѣкъ. Я понимаю, почему ты, русскій, среди насъ тоскуешь.

Колымскій Улусъ. Урочище Андылахъ.
1882 года.

2. Покореніе Колымскаго края.

Якуты утверждаютъ, что въ странахъ, лежащихъ на востокъ отъ Индигирки, они появились одновременно съ русскими. Въ горахъ Тасъ-Ханяхтахскихъ мнѣ указывали ущелье, по которому будто бы прошелъ первый казацкій отрядъ. Этотъ отрядъ будто бы велъ якутъ, «а впереди его бѣжала собака». Ущелье это находится недалеко поварни Тёряхъ-Юряхской, тамъ, гдѣ горная цѣпь разбивается на нѣсколько вѣтвей—и гдѣ сворачиваетъ съ почтоваго тракта проселочная дорога на Мому. Болѣе точныхъ свѣдѣній объ этомъ пути я узнать не могъ, кромѣ утвержденія, что онъ не совпадаетъ съ теперь существующимъ.

Раньше другихъ стали заходить въ этотъ край два брата-якута, ловкіе, смѣлые, богатыри не люди, никого не слушающіеся,

никому не подчиняющіеся господа. Край этотъ въ старину былъ богатый; соболя было, точно бѣлки, рыбы многое-множество. Достаточно было пустить стрѣлу въ озеро, чтобы она выплыла съ рыбой. Жили здѣсь кочевали густо ламуты[1]). И свѣтились ночью ихъ огни, многочисленные точно звѣзды на небѣ, а бѣлая чайка, пролетая съ юга къ морю надъ дымами ихъ костровъ, чернѣла отъ копоти до черноты. Ламуты были простые, ламуты были глупые. Братья обижали ихъ, отымали добычу—пушное, портили ловушки. Надоѣло ламутамъ. «Неужели не убьемъ чужеземцевъ»,—сказали. Узнали объ этомъ братья и ушли. Шли они, бѣжали безъ отдыха, безъ устали, пока очутились далеко. «Сонъ подкрѣпитъ силу ослабѣвшихъ жилъ: уснемъ!» сказалъ младшій. Уснули. Вдругъ среди сна слышитъ старшій братъ человѣческій голосъ. Открылъ глаза, не двигаясь. На вершинѣ дерева напротивъ сидитъ ламутъ: лукъ натянулъ, стрѣлу на него направилъ, кричитъ: «здравствуй». Ударомъ

[1]) Ламутъ, также точно какъ тунгусъ и юкагиръ называется по якутски «Омукъ», что значитъ «чужакъ».

пяткой въ бокъ разбудилъ младшаго брата и оба вдругъ встали на ноги. Смотрятъ— всюду люди. Люди кругомъ, люди въ дали, люди на деревьяхъ. Уперлись братья въ землю древками «пальмъ» и прыгнули-полетѣли выше деревьевъ, выше людей. Убѣжали. Ламуты гнались за ними, выпуская стрѣлы. Братья бѣжали быстрѣе стрѣлъ; острыя чуть касались ихъ платьевъ, падая безсильно. Ламуты не отставали. Впереди была рѣка, они знали это и надѣялись. Добѣжавши до рѣки, братья съ разбѣгу бросились на тотъ берегъ. Старшій перескочилъ, у младшаго поскользнулась нога и онъ полетѣлъ внизъ съ крутого обрыва. Видитъ старшій, нѣтъ у боку его брата, обернулся, смотритъ: тотъ лежитъ внизу убитый.

— Другъ!!.. Спустя три года принесу тебѣ подарокъ: впереди будутъ гнать — позади будутъ вести!—закричалъ брату и исчезъ.

Возвратившись домой разсказалъ, что случилось. Собрались родичи, сдѣлали совѣтъ, рѣшили просить помощи у русскихъ. Разсказали имъ, какую землю нашли, какихъ людей видѣли, неплатящихъ дани— богатыхъ. Собрали войско, снарядились,

вооружились и пошли на сѣверъ. Есть утесъ, отсюда [1]) пять (верстъ пятьдесятъ) «кесь». Внизу большое озеро; мѣсто это называется Хаирдахъ. Теперь утесъ этотъ красный, когда-то былъ сѣрый. На вершинѣ этого утеса жили ламуты. Густо тамъ стояли ихъ палатки въ лѣтнее время. Русскіе и якуты остановились на берегу озера, какъ разъ напротивъ; построили большой плотъ; посерединѣ поставили бѣлую палатку и привязали бѣлаго коня. Пушки и оружіе спрятали. Поплыли прямо къ стойбищамъ ламутовъ. Выскочили ламуты изъ своихъ жилищъ, столпились; видятъ: диковинное бѣлое животное, бѣлый невиданный домъ. Протираютъ глаза, поглаживаютъ уши, собрались въ кучу у самаго берега. Вдругъ грянули русскіе изъ пушки и добавили съ ружьи. Ламуты не знали огненнаго оружья,—разстерялись: не знаютъ бѣжать-ли, не знаютъ стоять-ли. Много ихъ перебили русскіе. Мало осталось. Остался одинъ воинъ, совсѣмъ молодой юноша. Тотъ бросился домой за

---

[1]) Отъ станціи Андылахъ; въ 300 верстахъ отъ Средне Колымска на западъ.

оружьемъ. Кричитъ на мать: «Давай оружье!.. Сегодня мой или ихъ день! Конецъ наступаетъ!.. Одно яйцо гдѣ не гніетъ!..» (Бюгюнь кюнгя битеръ минъ битеръ кинлярь уруку булуохтера! Биръ сымытъ хана сытыйбатъ?!). Схватилъ котелъ съ водою, висѣвшій на крюкѣ надъ каминомъ (хохо) и началъ пить. Не замѣчаетъ, что вода у него выливается наружу сквозь рану: бокъ у него былъ вырванъ совершенно, такъ что видно было трепетавшее въ груди сердце. Старуха-мать схватила ножъ и ударила въ это сердце. «Чѣмъ русскимъ убить моего ребенка, лучше я сама его убью!» (Нучча огото ёлёрёгюнъ керетя бэемъ ёлёрёмъ!) закричала. Сердце вывалилось и запрыгало по полу; юноша еще успѣлъ за двери выскочить... Такіе бывали раньше богатыри. Много убили тогда на томъ мѣстѣ людей, охъ много!.. Убивали стариковъ, убивали дѣтей, только молодыхъ женщинъ оставляли живыми и увели съ собою. Земля, напитавшись кровью, стала красной съ тѣхъ поръ и осталась навсегда.

Урочище Андылахъ Колымскій Улусъ.
1883 года.

3. Великаны Ледовитаго моря.

—

Народовъ много. Сосчитанныхъ много, а не сосчитанныхъ еще больше. Есть люди черные, бѣлые, желтые, красные, точно красная или желтая мѣдь. Есть такіе дикіе, что не могутъ выносить человѣческаго взгляда; есть клыкастые, есть хвостатые... Есть маленькіе, не больше трехлѣтняго ребенка, и есть большіе, неимовѣрно большіе... Сказываютъ, что надъ Ледовитымъ моремъ четыре года тому назадъ нашли человѣческую голову въ тридцать фунтовъ вѣсомъ... А то, говорятъ, есть тамъ котелъ (алгый) пять верстъ въ окружность имѣющій... Въ отливъ его видно изъ воды, а приливъ его затопляетъ. Не маленькіе должно быть были люди, что въ немъ пищу варили. Случалось видывали и самихъ людей. Вотъ

что слышалъ я въ дѣтствѣ, разсказывали старики:

Давно, хотя не слишкомъ давно, когда городъ Якутскъ только что построили, ушелъ оттуда на низъ (Лены) русскій Бродяга [1]). Онъ жилъ—кормился надъ моремъ промышляя. Тамъ у него было три избушки, гдѣ онъ, кочуя, останавливался. Разъ пріѣхалъ онъ въ одну избушку и, привязавши собакъ, ушелъ рубить сушникъ для топки. Вдругъ слышитъ—собака тявкнула. Испугался, такъ какъ кромѣ него, туда еще никто не заходилъ. Пошелъ на голосъ узнавать. Пошелъ на лыжахъ. Шелъ, шелъ—ничего не замѣчая, только вдали будто мелькнуло что-то черное, только впереди рѣялъ дымокъ, похожій на паръ собачьяго дыханія. Долго онъ зря шелъ, пока напалъ на слѣды собаки, до того громадные, что онъ ихъ не призналъ въ началѣ. Тутъ же по близости виднѣлись слѣды человѣка, цѣлый аршинъ длиною и свѣжій слѣдъ волка. Удивился Бродяга и захотѣлось ему непремѣнно узнать, что это были за люди и животныя, такія огромныя и такъ быстро

[1]) По другому варіянту того же преданія это былъ тунгузскій богатырь Соёнга.

исчезнувшіе. Долго онъ ихъ отыскивалъ, но, не найдя, усталый возвратился домой. Подходитъ и видитъ—передъ его избой стоятъ сани, запряженные четырьмя собаками, величиною съ жеребенка; на саняхъ лежатъ четыре убитыхъ волка. Человѣка нѣтъ. Открылъ двери: у порога торчатъ ступни человѣческія, въ углу противъ огня, навалясь тѣломъ на стѣнку, пятками упершись въ двери, полу-лежитъ, полу-сидитъ великанъ. Бородатую рожу къ нему повернулъ и глядитъ на него, молча, громадными глазами. Въ комелькѣ горитъ огонь, на огнѣ стоитъ котелъ—и въ немъ варится мясо. Досадно стало Бродягѣ, онъ испугался, выскочилъ, раздумываетъ, какъ быть... Мужикъ онъ былъ сильный и смѣлый, оружье у него было хорошее, но оружью онъ не довѣрялъ. Пошелъ въ лѣсъ выломалъ дубину и опять вошелъ въ избу. Тутъ онъ съ размаху ударилъ дубиною пришельца по головѣ, тотъ не моргнулъ даже и, какъ смотрѣлъ раньше на него, такъ и смотритъ. Бродяга ударилъ его второй разъ еще крѣпче, ударилъ третій—и только, когда еще разъ замахнулся, пришелецъ заговорилъ по-русски:

— Будетъ! Ты кто такой?

— Я хозяинъ этой избушки!

— Да... Тогда—другое дѣло! Я виноватъ, что безъ твоего спроса сюда залѣзъ и пищу взялъ у тебя... Ну и будетъ: ты меня билъ—я не сержусь! Ты тоже не сердись... Ты, вижу, молодецъ а только малъ, черезмѣрно ты малъ тѣломъ... А мысли твои большія (улаханъ саналахъ). Скажи ты мнѣ, почему ты такой маленькій? Что ты ѣшь? Чѣмъ живешь?

— Живу промысломъ, а ѣмъ что люди ѣдятъ: мясо, рыбу, молоко.

— Тащи сюда! Накорми меня и собакъ. Посмотримъ.

Бродяга угостилъ незнакомца всѣмъ что у него было: мясомъ, рыбой, молочной пищей—хаякомъ. Приходили туда «казаки» и привозили молочную пищу мѣнять на мѣха.

Особенно «хаякъ» [1]) понравился незнакомцу.

— Хорошую ѣшь, вижу, пищу, такъ от-

---

[1]) Масло замороженное въ половинѣ процесса до выдѣленія пахтонья; ѣдятъ его мерзлымъ; рубятъ на кусочки и подаютъ къ чаю вмѣсто закуски.

чего ты такой маленькій? А чей ты будешь? какого народа?

— Я человѣкъ «Бѣлаго Царя».

— А много васъ?

— Много!

— А всѣ вы такіе жалкіе?

— О нѣтъ! Я самый маленькій!—схитрилъ Бродяга:—всѣ другіе такіе большіе, что я погибъ бы отъ ихъ дуновенія. Вотъ почему я убѣжалъ!

— Правда, ты маленькій, но много о себѣ думаешь... Знаешь, я останусь у тебя ночевать. Накорми моихъ собакъ!

Накормилъ бродяга собакъ, а съѣли эти собаки вчетверомъ столько, сколько не съѣстъ восемь обыкновенныхъ.

Ночевали. Уѣзжая, по утру, пришелецъ подарилъ Бродягѣ кожи двухъ волковъ и сказалъ:

— Не думай узнавать, прослѣживать кто я... и не говори даже никому, что со мною встрѣчался... Иначе будетъ худо... будешь пенять не на меня, а на себя. Помни!

Сѣлъ, крикнулъ на собакъ и умчался, точно вѣтромъ сдунуло.

Долго глядѣлъ вслѣдъ ему Бродяга,

удивляясь быстротѣ бѣга и всему, что случилось. Цѣлый день раздумывалъ о томъ, что сказалъ ему незнакомецъ и рѣшилъ не послушаться его:

— Должно быть онъ лжетъ, пугая меня... А я—все-таки поѣду!

Заготовилъ на полъ-мѣсяца пищи для себя и для собакъ, и поѣхалъ, высматривая слѣды. Ѣхалъ цѣлый день, пока пріѣхалъ на первую остановку незнакомца. Видитъ собачій калъ, остатки пищи, попробовалъ ладонью — еще теплые (талые). Обрадовался.

— Должно быть не далеко —можетъ быть нагоню... подумалъ. Двинулся въ путь. Опять проѣхалъ день и добрался до второй «кормежки» незнакомца. Эта была уже холодной, мерзлой. Дальше все уже встрѣчалъ остывшія ночевки. Такъ онъ проѣхалъ дней девять. Наконецъ, вечеромъ девятаго, дня замѣтилъ вдали, точно туча виситъ... Подъѣхалъ ближе,—видитъ гора, а на гору ведетъ широкая, проѣзжая дорога, прорубленная въ лѣсу. Задержалъ собакъ, повернулъ ихъ мордами назадъ, привязалъ къ дереву, поворотилъ сани и пошелъ по дорогѣ на гору. На вершинѣ горы

увидѣлъ много огромныхъ домовъ, огороженныхъ по-русски высокимъ заборомъ. По серединѣ стояла церковь большая и красивая на рѣдкость, а около нея домикъ безъ ограды, должно быть «караулка». Были сумерки и никого на улицѣ не было. Бродяга подкрался къ домику, насилу отперъ тяжелыя двери и вошелъ. Въ избѣ свѣтло, хотя нигдѣ не видно огня. Кругомъ вдоль стѣнъ «нары», завѣшенные занавѣсями. Бродяга, постоявши по серединѣ и не слыша ничего, рѣшился заглянуть за одну изъ занавѣсей. Видитъ: лежитъ человѣкъ, еще больше того, съ которымъ онъ встрѣчался. Заглянулъ за другую занавѣсь — и тамъ великанъ. Испугался. Но любопытно ему; заглянулъ еще за одну: тамъ лежитъ женщина неимовѣрныхъ размѣровъ. Сталъ смотрѣть—оглядываться по сторонамъ; замѣтилъ русскую печку и вверху надъ ней камень; изъ камня лился свѣтъ. Полюбопытствовалъ. Вдругъ слышитъ кто-то идетъ: испугался и спрятался подъ печку. Вошелъ огромный человѣкъ и сталъ грѣть руки у печки.

— Ычча! говоритъ,—вамъ тутъ хорошо въ теплѣ спать, а мнѣ-то каково? Такой холодъ!

Согрѣлся и ушелъ.—Что дѣлать?—раздумывалъ Бродяга. Какъ убѣжать отсюда? Не хотѣлось ему уйти съ пустыми руками. Поставилъ стулья одинъ на другой, а были они такъ велики—въ уровень съ его лицомъ, влѣзъ по нимъ на печь, снялъ свѣтящійся камень и засунулъ его себѣ подъ мышку. Стало вдругъ темно. Тогда, Бродяга осторожно приблизился къ спящей женщинѣ, толкнулъ ее и говоритъ:

— Жена дай что-нибудь: мои мѣховые штаны разорвались—снѣгъ набивается туда. Холодно. Нужно починить!

Женщина заворочалась, схватила что-то изъ подъ себя и выбросила. Оказалась... лисица. Немного спустя спрашиваетъ бродягу:

— Кто ты такой? Будто ты не мой мужъ. Дайка палецъ!

Бродяга далъ палецъ, баба схватила его и сжала точно въ тискахъ. Напрасно Бродяга силился вырвать, дергалъ и тянулъ. Наконецъ, видя, что не отпуститъ она его пальца, отрѣзалъ суставъ и убѣжалъ. Убѣгая, все бросилъ: и свѣтящійся камень, и дорогую шкуру лисицы. Съ окровавленной рукой, испуганный пустился безъ оглядки

внизъ по дорогѣ. Тутъ въ потьмахъ о что-то задѣлъ, что загудѣло, будто тысяча колоколовъ сразу зазвонила. Въ головѣ у него помутилось. Бѣжитъ безъ памяти и слышитъ сзади за собою громкіе, точно громъ, голоса да крики.

— Ахъ, ты!.. такой... сякой!..

Чуть живой отъ усталости, добѣжалъ до нарты, обрѣзалъ ремень, крикнулъ, что есть мочи, и вѣрные псы подхватили его и унесли съ быстротою птицы. Тогда только онъ оглянулся назадъ. Видитъ: близко тутъ же за нимъ гонится тотъ самый великанъ, который у него ночевалъ. Бѣжитъ за нимъ и ругается:

— А негодяй... Тѣломъ ты, вижу, маленькій, да дурень большой... Говорилъ я тебѣ: не ищи, не ѣзди! Ты не послушался—ну и будетъ же тебѣ за это!.. Постой, постой... поймаю я тебя... Не уйдешь!.. Маленькій, что собака проглотить можетъ, а смотрите, куды залѣзъ, такой глупый!.. Отдамъ я тебя собакамъ, не уйдешь!

Тутъ нѣсколькими громадными прыжками догналъ нарту, положилъ ручища на ея задокъ и пробовалъ задержать. Испуганныя собаки рванули. Не можетъ ихъ вели-

капъ преодолѣть, волочится... А Бродяга ударилъ его въ тотъ же мигъ по головѣ тяжелымъ, окованнымъ желѣзомъ приколомъ. Выпустилъ сани изъ рукъ, остановился и грозитъ издали ругается, да проклинаетъ:

— Если скажешь кому, или самъ захочешь воротиться, пусть съѣдятъ тебя собаки... Сдохнуть тебѣ нечеловѣческой смертью... Погибнуть хуже скотины...

А старый Бродяга киваетъ ему головой и въ свою очередь грозитъ «приколомъ».

— Ладно, ладно!... Смотри, пучеглазый: я васъ всѣхъ перекрошу, только посмѣйте меня тронуть... Косточки цѣлой не оставлю

А самъ радъ, что убѣжалъ живой. Строго Бродяга хранилъ свою тайну и разсказалъ ее только передъ смертью на духу. Вотъ откуда знаю ее я.

Намскій Ул. 1890 г.

2007042102